

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Минск «Беларусь» 1993

ББК 63.3(2Б)

И 90

УДК 947.6

Составители Г. Я. ГОЛЕНЧЕНКО,
В. П. ОСМОЛОВСКИЙ

Литературная обработка
И. М. АКШЕВСКОГО

Што мы ведаем і чаго не ведаем аб мінулым Беларусі, аб «белых плямах» і спрэчных праблемах у яе складанай шматвяковай гісторыі — на гэтыя і іншыя пытанні, што датычацца сацыяльнага і культурнага развіцця дзяржавы, якая цяпер стала суверэннай і незалежнай, зрабілі спробу па-новаму адказаць аўтары — беларускія гісторыкі.

Выпушчана па дзяржаўнаму заказу.

История Беларуси: Вопросы и ответы / Сост.
И 90 Г. Я. Голенченко, В. П. Осмоловского; Лит. об-
раб. И. М. Акшевского.— Мн.: Беларусь, 1993.—
208 с.

ISBN 5-338-00674-X.

Гісторыя Беларусі: Пытанні і адказы.

Что мы знаем и чего не знаем о прошлом Беларуси, о «белых пятнах» и спорных проблемах в ее сложной многовековой истории— на эти и другие вопросы, связанные с социальным и культурным развитием державы, которая ныне стала суверенной и независимой, пытаются по-новому ответить авторы — белорусские историки.

Для массового читателя.

И 0503020903—028 08—93
М 301(03) — 93

ББК 63.3(2Б)

ISBN 5-338-00674-X

© Авторский коллектив,
1993

К ЧИТАТЕЛЯМ

Ныне, как никогда прежде, возрос интерес к многовековому пути, пройденному белорусским народом с древнейших времен и до наших дней. В связи с этим в книге, которая перед вами, авторы стремились где кратко, где подробнее ответить на некоторые наиболее острые и актуальные вопросы по истории Беларуси, которые чаще всего задаются в аудиториях, в письмах в средствах массовой информации, представителями зарубежных стран, интересующихся историей нашей республики.

Потребность во всестороннем знании прошлого особенно остро ощущается на поворотных рубежах исторического развития. Ведь прошлое — не просто копилка некогда происшедших событий, кем-то проявленной мудрости и кем-то допущенных ошибок, что учитывают или не учитывают последующие поколения. Прошлое — это тот реальный фундамент, на котором всегда основывается настоящее, ориентиры в будущее, какое выбирает человек, общество, страна. И сегодня актуальны слова выдающегося историка В. О. Ключевского: «Прошлое нужно знать не потому, что оно прошлое, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий».

Обращение к минувшему — необходимое условие обоснованного выбора дальнейшего развития.

Думается, нынешний интерес к истории возник еще и потому, что она стала ареной острых идеологических сражений. Да, многие десятилетия мы жили, не зная правды о своем прошлом. Некоторые его страницы сфальсифицированы, преднамеренно забыты. Таково воздействие на историческую науку догматизма, волюнтаризма, украшательства, проявлявшихся в прежние годы. Отсюда и появление в печати множества необъективных материалов, отдающих дань сенсационности, погоне за «жареными фактами». Происходит не только извращение

истины, но и рождение новых стереотипов и легенд, стремление заменить одну ложь другой.

Действенное средство против идеологических шор — широкая гласность, полная правда о том, как мы жили, какие в нашем минувшем светлые и какие черные страницы. Без этого никогда не сформируется правильное историческое сознание.

Конечно, подготовивший эту книгу авторский коллектив не смог до конца преодолеть все недостатки и негативные явления, свойственные современной исторической науке. Материалы, вошедшие в книгу, разноречивы, отличаются уровнем теоретического обобщения, трактовки многих сложных проблем, доказательности, подбора фактов. Тем не менее мы считаем, что такие публикации полезны. Они помогают стирать «белые пятна» в истории, дают дополнительную информацию по общим и частным проблемам, раздвигая горизонты исторического видения, наконец, приближая истину.

Поиск авторов отнюдь не означает разрыва с предшествующей историографией. Создать эту книгу нам помогли фундаментальные исторические труды дореволюционных и зарубежных исследователей, которые внесли наибольший вклад в освещение тех или иных проблем. Использовались также материалы научных дискуссий по «белым пятнам» истории Беларуси, работы белорусских историков, вышедшие в последние годы.

Широки хронологические рамки книги — от древнейших времен до последних десятилетий. Учитывая, что освещаемые вопросы интересуют многих и за пределами Беларуси, авторы решили опубликовать книгу на русском языке. К печати ее подготовили историки Г. Я. Голенченко, В. В. Григорьева, В. И. Гуленко, В. И. Кузьменко, В. П. Осмоловский, Е. Н. Филатова.

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ. РАННИЙ ФЕОДАЛИЗМ

---

*Когда появилось древнейшее население
на территории Беларуси?*

По мнению археологов, появление первых людей и соответственно формирование первых этнических общностей на территории Беларуси произошло в каменном веке, в период, именуемый «доиндоевропейским». В системе археологической периодизации — это эпоха среднего палеолита, существовавшая несколько сот тысяч лет назад. Древнейшие поселения с кремниевыми орудиями труда найдены у деревни Бердыж на Соже (вблизи Чечерска), около Светиловичей, Обидовичей, Клевищей (в юго-восточной Беларуси).

На протяжении многих тысячелетий орудия труда совершенствовались, а первобытное хозяйство развивалось. Широкое распространение получили охота, собирательство, рыболовство. Несмотря на существовавшие отличия, население этого периода не разделяется по этническим признакам; наука не располагает сведениями, необходимыми для такой классификации.

В бронзовом веке (конец III тысячелетия до н. э. — VIII — VII вв. до н. э.) индоевропейские племена, обитавшие в срединной Европе, широко расселились на территории Беларуси и ассимилировали местное население. Индоевропейское население не было однородным. Балтская группа индоевропейцев, как полагают многие археологи и этнографы, в раннем железном веке (примерно VII — VI вв. до н. э. — IV — V вв. н. э.) заселила почти всю территорию современной Беларуси, исключая крайний юго-запад. С VI — VII вв. на территории Беларуси активно расселялись славяне — другая ветвь индоевропейского населения. В течение второй половины первого тысячелетия — эпоху великого переселения народов — славяне обосновались практически на всей территории Беларуси.

Что такое «балтский субстрат»?

Под балтским субстратом (от латинского термина — основа, подкладка) понимается этнокультурное наследие балтского этноса, оказавшее влияние на формирование белорусской народности. По мнению большинства современных исследователей, древнейшее балтское население Беларуси было ассимилировано славянским этносом. Некоторые археологи полагают, что балты были ассимилированы частично, а основную часть их на территории Беларуси оттеснили к границам современной Литвы.

Какое древнее восточнославянское княжество стало основой государственности Беларуси?

Это — Полоцкое княжество, существовавшее в XI — XIII вв. в бассейне Западной Двины, Березины, Немана. Удобное расположение княжества на водных путях, значительное количество крупных городов (Полоцк, Минск, Витебск, Друцк), развитая ремесленная и торговая деятельность благоприятствовали его экономическим и политическим связям с другими княжествами Руси. Наивысшего расцвета Полоцкое княжество достигло при Всеславе Брючиславовиче (год смерти — 1101-й), в период правления которого оно значительно расширило свои пределы, воевало с Псковом, Новгородом, Смоленском. Во второй половине XII — середине XIII в. Полоцкое княжество существовало как самостоятельное государство, независимое от Киева. Жители Полоцкой земли вместе с ливами, латгалами, эстами вступали в сражения с немецкими крестоносцами. В политической жизни княжества решающую роль играло боярство, княжеская власть была ограничена вече, которое опиралось на мещанское ополчение. Высоко были развиты культура, особенно архитектура, зодчество, иконописание, летописание, книжная письменность, ремесла.

Когда была крещена Беларусь?

В X в. белорусские земли входили в состав Киевской или Древней Руси. Годом крещения Руси считается 988-й, когда крестил киевлян великий князь Владимир I Святославович, Владимир Ясное Солнышко. С этой датой

условно связывается крещение всего населения Киевской Руси, хотя процесс был длительным, а православная церковь утверждалась со значительными трудностями. Древнейшие православные епархии на территории Беларуси, по разным, не всегда достоверным, источникам, возникли в конце X — начале XII в., в том числе туровская в годы правления Владимира Святославовича, полоцкая — около 992 г.

Крещение следует отличать от христианизации — превращения православной или иной христианской религии в составную часть духовного мирозерцания, мировосприятия населения, распространения христианской обрядности в производственно-хозяйственной жизни и в быту, ликвидации языческих культов. Этот процесс занял несколько столетий. В сознании людей (по разным причинам) христианские представления уживались с языческими. Однако уже в середине XVI в. белорусский просветитель Симон Будный отчетливо отличал христианскую Русь (Западную Беларусь) от этнических земель Литвы, где по-прежнему ощущалось сильное влияние языческих традиций. Православное духовенство крупных епархий, расположенных на территории Беларуси, в XIV—XVI вв. играло важную роль в деятельности Киевской митрополии и в церковных соборах.

Когда была учреждена, как называлась православная митрополия в составе Киевской Руси и Великого княжества Литовского и какие епархии в нее входили?

Согласно точке зрения, высказанной еще в дореволюционной историографии, Киевская митрополия была учреждена в первой половине XI в. Поддерживавшие эту гипотезу Шахматов, Приселков и другие историки ссылались на не вполне ясные сообщения древнерусских летописей, в том числе Повести временных лет. По мнению Шахматова, создание митрополичьего Древнейшего летописного свода 1039—1040 гг. было как раз связано с учреждением Киевской митрополии в 1037 г. Современные исследователи, прежде всего А. В. Поппэ и Я. Н. Шапов, доказывают, что Киевская митрополия была учреждена вскоре после официального принятия христианства киевским великим князем Владимиром. Об этом свидетельствуют древнейшие византийские списки епископских кафедр, составленные в хронологиче-

ском порядке. Поскольку митрополичья кафедра Древней Руси занимает в этих списках 60-е место, а предшествующие с известными датами их учреждения возникли в 80—90-х годах X в., современные историки считают, что Киевская митрополия учреждена не позднее 997 г.

В митрополичью епархию входили все остальные. Первичная церковно-административная структура формировалась на протяжении многих десятилетий. В конце X — середине XI в. возникли новгородская, белгородская, черниговская, смоленская, полоцкая, в конце XI—XIII вв. — владими́ро-волы́нская, пере́мышльска́я, ту́ровская, ю́рьевская, ростовская, галицкая, рязанская, владими́ро-сузда́льская и некоторые другие епархии. Всего к середине XIII в. на территории Киевской Руси существовало 16 епархий, созданных главным образом в крупных княжествах.

Формирование церковно-административной структуры — результат эволюции государственного строя Киевской Руси. Митрополия, охватывая всю ее территорию, в период феодальной раздробленности играла важную объединяющую роль. Митрополит и епископы деятельно участвовали в работе местных и верховных органов власти, нередко возглавляли посольства в другие страны, осуществляли судебные функции, поддерживали развитие духовной культуры, прежде всего книжной письменности, школьного дела, летописания. Официальное название церковной организации — «Митрополия Киевская и всяя Руси». Подобное название сохранилось за ней и во время существования митрополии в территориальных пределах Великого княжества Литовского и частично Польши. В начале второй половины XIV в. в ведении митрополита находилось восемь епархий: собственно митрополичья, галицкая, пере́мышльска́я, холмская, владими́ро-волы́нская, ту́ровская, луцкая, полоцкая. На новогрудском церковном соборе 1415 г. присутствовали те же епископы «Русских стран» (кроме галицкого), а также черниговский и смоленский владыки. В XV — XVI вв. структура епархий почти не менялась. В XIII — XVI вв. земли Беларуси непосредственно входили в состав новогрудской, полоцкой, ту́ровской, митрополичьей, владими́ро-бре́стской и смоленской епархий, а небольшая часть юго-восточных земель с Гомелем и Чечерском — в черниговскую епархию.

Подобное же название — «Митрополия Киевская и всяя Руси» — сохраняла церковная организация в Севе-

ро-Восточной Руси во времена фактического разделения Киевской митрополии. Окончательное разделение наступило в 1458 г.

РАЗВИТОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

---

*Как официально называлось новое
государственное образование,
в состав которого входили
белорусские земли,
в середине XIII — XVIII вв.?*

Феодальное государство, возникшее на территории Литвы, Беларуси, Украины, некоторых других земель, с 1569 г. включенное в федерацию — Речь Посполитую, в современных публикациях именуется по-разному: Великое княжество Литовское, Русское и Жомойтское, Литовское государство, Белорусское государство, Литовско-Белорусское государство, Литовско-Польское государство и т. д. Однако эти определения неточные. Официальное название упомянутого многонационального государства известно по государственным публично-правовым актам — договорам, земским привилегиям и т. д. и по титулатуре монарха. В начальный период существования личной унии общий монарх имел такую титулатуру: «Владислав божей милостью король польский, литовский, русский, иных земель государь». В уставной грамоте Полоцкой земле 1511 г. Сигизмунд I именуется как «король польский, великий князь литовский, русский, князь прусский, жомойтский и иных пан и дедич». Наиболее распространенными сокращенными названиями государства в канун Люблинской унии были два: «Великое княжество Литовское, Русское и Жомойтское и иных земель», а также «Великое княжество Литовское». Название государства отражало его политическую структуру, а также территориальные владения, номинально принадлежавшие верховной власти.

По мере расширения государства менялось его официальное название. Во второй половине XVI в., например, появились упоминания об Инфляндии. После образования Речи Посполитой новое государственное образование получило такое же название.

Как произошло название «Литва»?

Дискуссии о названии не утихают до сих пор. Языковед И. Отрембский считает, что оно восходит к наименованию древних рек, протекавших по территории Литвы, — Лейты и Лиеты. Возможно, связано с глаголом «лиети», что по-славянски означает «лить», и Литва — страна, расположенная по обе стороны этих рек. На территории современной Литвы исследователи обнаруживают несколько рек с подобными наименованиями — Лейта, левый приток Граумены, впадающей в Неман; Лейте и ее приток Лейтале в устье Немана.

Известный литовский историк Теодор Нарбут в XIX в. выдвинул гипотезу, согласно которой название «Литва» происходит от имени богини, прозванной Лиетува. Гипотеза сомнительна, поскольку подобной богини в языческом пантеоне средневековой Литвы не было.

Название «Литва» в подлинных исторических документах древнейшего времени (XIII — XVI вв.) употреблялось в разном смысле: для обозначения территорий, заселенных собственно литовцами, т. е. этнической Литвы; территории всего Великого княжества Литовского, Русского и Жомойтского и иных земель, т. е. до Люблинской унии 1569 г., — белорусских, литовских, частично украинских и некоторых русских земель; территории Великого княжества Литовского, включающей Трокское и Виленское воеводства.

Называли ли белорусов литвинами?

Следует различать этнические названия, которые использовались населением Великого княжества Литовского, в том числе в официальной документации, и этнические наименования и понятия, встречающиеся в зарубежных письменных источниках — мемуарах иностранных путешественников, дипломатических документах, частной корреспонденции и т. д. Внутри Великого княжества Литовского до Люблинской унии и после нее литвинами называли, как правило, население этнической Литвы, коренных жителей Аукштайтии и Жемайтии (последних часто также жемайтами), и жителей Великого княжества Литовского, т. е. жителей Западной Беларуси и Литвы, проживавших на территории «Литвы исторической». За пределами Великого княжества Литовского литвинами

именовали как собственно литовцев, так нередко и всех остальных жителей государства, независимо от их этнической принадлежности. В XVII в. и позднее термин «литвин», особенно в Русском государстве, где обосновалось много насильственно или добровольно переселившихся туда выходцев из Беларуси и с Украины, стал обозначать жителей Беларуси и Литвы. Как этническое самоназвание определенной части жителей Беларуси термин «литвин» стал использоваться местным населением главным образом Западной Беларуси сравнительно поздно, видимо, не раньше XVII в.

*Когда появился термин «Белая Русь»
и что он означает?*

Происхождение термина объясняется по-разному, поскольку не выяснено ни точное время его возникновения, ни его политико-географическое значение. «Цветовые» и «этнографические» концепции происхождения термина «Белая Русь» подвергал критике еще В. Н. Татищев, полагавший, «что сие имя от преизящества земли и довольства в предпочтении протчим дано». Согласно А. А. Потемне, повторившему предположение М. П. Драгоманова, название «Белая Русь» связано с тем, что, в отличие от многих других восточнославянских земель, эта сумела избежать монголо-татарского гнета, остаться вольной, свободной — «белой». Сторонники вероисповедной (конфессиональной) гипотезы связывают становление термина с религиозным размежеванием населения. Согласно этой гипотезе, в XI — XII вв. под Черной Русью понимали земли Западной Беларуси, где в то время еще сохранялось язычество, а под Белой Русью — все православные восточнославянские земли. Существуют и другие гипотезы. В древнейших, дошедших до нас, письменных источниках Белая Русь могла означать разный политико-административный или историко-географический регион, зачастую без точного его определения. По рукописям, знакомым В. Н. Татищеву, известно, например, что в 1135 г. князь «Юрий возвратился в свою область Белую Русь». В житии святой княжны краковской Кинги (памятник середины XV в.) упоминается венгерский король «белых русинов» Коломан (XII в.). Под областью, заселенной «белыми русинами», здесь понимается Галицко-Волынское княжество.

По мнению многих исследователей, распространение термина на собственно белорусские земли прослеживается в письменных источниках с XIV столетия. Первое известие содержится в более позднем добавлении к основному тексту Ипатьевской летописи, которое датировано примерно 1305 г.: «много бо зла ляхом Литва, Жмотить прежде сотвори, ляхов и мазуров полками в полон бра, сице лях един по угривне, се есть по десяти грошей литовских, в Литве и в Руси Белой продаван был». Второе сообщение приводится в летописи польского коронного подканцлера Яна Чарнковского (около 1320—1381/87 гг.) и относится к 1380—1381 гг. В то время великий князь Ягайло был заключен Кейстутом в тюрьму в Полоцке, «в замке Белой Руси». В большинстве письменных и картографических источников XV — начала XVI в. Белая Русь отождествляется с территорией Новгородско-Псковской, Московской Руси или со всеми восточнославянскими землями, включая Беларусь и Украину. В таблице крупных городов Европы, составленной в конце XV в. польским астрономом М. Бемом, отмечены координаты Новгорода в «Белой России» — долгота 63,30, широта 61,0. Ясно, что речь идет о Великом Новгороде. В то же время со второй половины XV в. все отчетливее начинает складываться представление о Белой Руси как несколько обособленной по сравнению с другими областями, собственно белорусской, иногда белорусско-украинской территории. Венецианский посол Марко Фоскорино, посетивший в 50-х годах XVI в. Московское государство, отмечал в своем «Описании Московской империи», что одна часть Литвы называется Нижней, другая, отошедшая к Московскому великому княжеству, — Верхней Белой Россией. Этническая категория белорусов (жителей Белой Руси Великого княжества Литовского) впервые, пожалуй, упомянута в поэме «Прусская война» Яна из Вислицы (около 1485—1520 гг.), посвященной борьбе польского, литовского и белорусского народов против Тевтонского ордена. В Хронике Александра Гванини (1534—1614), 18 лет прожившего на территории Беларуси, все «русские» земли делятся на три части: Белая, Черная и Червоная Русь. Белая Русь включает в себя Киев, Мозырь, Мстиславль, Витебск, Оршу, Полоцк, Смоленск, Северскую землю, «издавна принадлежавшую Великому княжеству Литовскому». В этом же сочинении Гванини упоминается Белая Русь в широком смысле слова, центром которой является Москва. Подоб-

ное описание Белой Руси имеется и в Хронике Мацея Стрыйковского.

Понятие «Белая Русь» почти не встречается в государственном делопроизводстве, в законодательных и других публично-правовых актах Великого княжества Литовского, однако сравнительно широко используется в белорусской и украинской публицистике конца XVI — первой половины XVII в., в живой народной речи. Выходцы и пленные Великого княжества Литовского нередко называли себя «литвинами белорусцами». Основным этническим названием белорусов в XIII — XVI вв., да и позднее, если судить по сохранившимся историческим источникам, были термины «русин», «русский», «русские». При этом жители собственно русских земель на территории Беларуси нередко назывались москвитями, хотя в общественном сознании народных масс сохранялись представления об особенной близости всех восточнославянских народов. В известной мере эти представления закрепляла православная церковь.

Каковы политические последствия Кревской унии конца XIV в.?

Кревская уния* была оформлена актом от 14 августа 1385 г. По его условиям правящие круги Польши и Великого княжества Литовского создавали единое государственное образование, великий литовский князь Ягайло вступал в брак с польской принцессой Ядвигой из венгерского рода Аню, Великое княжество Литовское официально принимало католицизм, а на феодалов «Литвы» распространялись некоторые новые социально-политические права и привилегии.

Вопреки акту Кревской унии в ходе последующей политической борьбы Великое княжество Литовское сохранило свою самостоятельность, но в то же время заключенный военно-политический союз с Польшей, укрепление государственных, церковных, социально-экономических и политических связей имели далеко идущие последствия. Во-первых, союз с Польшей позволил Великому княжеству Литовскому (как и польской короне) противостоять развивавшейся агрессии Тевтонского ордена, который длительное время выступал под флагом

---

* Кревская уния получила свое название от белорусского местечка Крево ныне Сморгонского района Гродненской области.

христианизации «Литвы». Во-вторых, правящие круги Великого княжества Литовского упрочили свои восточные границы и добились ощутимых успехов в «приращивании» новых «русских» (восточнославянских) земель.

Вместе с тем принятие католицизма как государственной религии Великого княжества Литовского правящими кругами обострило этнорелигиозные отношения, так как подавляющее большинство восточнославянского населения со времен Киевской Руси сохраняло христианское вероисповедание в его греко-византийской традиции. С другой стороны, расширение политических и церковных взаимоотношений с Польшей и другими католическими державами, укрепление позиций католической церкви в Беларуси и на Украине способствовали росту культурных и церковно-религиозных связей с Западом, в том числе со странами, переживавшими расцвет ренессансной культуры. Таким образом, заключение Кревской унии и последовавшее затем сближение Польши и Великого княжества Литовского, несмотря на все возникшие политические осложнения, означало более активное включение его в общеевропейские политические и культурные процессы.

*Когда возник
и что означает герб «Погоня»?*

В Европе гербы распространялись в XII — XV вв. как символ международного и социального статуса государств, сословий, отдельных лиц, в обязанности которых входило, как правило, отправление каких-либо важных государственных функций, несение военной службы. Отметим прежде всего, что существует несколько летописных версий исторического происхождения герба «Погоня». Одна из них приводится в Густынской летописи первой половины XVII в., где говорится, что князь Витень (утвердился на престоле в конце XIII в.) «измысли себе герб и всему князьству печать: рыцарь збройный на коне с мечом, еже ныне наричут погоня». Некоторые летописи и хроники второй половины XVI в. связывают возникновение герба «Погоня» с деятельностью другого великого князя литовского — Наримунта, но отражают только необходимость обоснования исторической независимости Великого княжества Литовского преимущественно в памятниках антипольской направленности. В более ранних белорусско-литовских летописных сводах

XV — первой половины XVI в. подобные сведения не встречаются. Никакими документальными материалами версии о «Погоне» — гербах Витеня или Наримунта — не подтверждаются.

Герб «Погоня» («Ездец») входит в группу так называемых конных гербов, широко распространенных в европейской, в том числе восточнославянской и польской, геральдике. Печати с изображением конного всадника встречаются в древних полоцких, новгородских, мазовецких грамотах. Фигура конного рыцаря обычно символизировала верховную власть, князя. Как родовой герб «Погоня» использовалась некоторыми князьями Великого княжества Литовского во второй половине XI в. и позднее. Классический вариант герба «Погоня» с изображением преследующего врага конного рыцаря на белом коне «у полю чырвоным» с шестиконечным крестом на щите закрепился в государственной геральдике Великого княжества Литовского только в конце XIV в., в канун Кревской унии 1385 г. Именно тогда в связи с реальными планами включения княжества в состав Польского королевства возникла острая политическая необходимость в утверждении общегосударственного исторического символа, подчеркивавшего самостоятельность и международный престиж княжества. Герб «Погоня», оставаясь великокняжеским, с этого времени становится и государственным гербом, ибо государственность и независимость в средние века олицетворялись в личности великих князей. Следует отметить, что Великое княжество до 30-х гг. XVI в. охватывало часть российских земель, а до Люблинской унии 1569 г. включало в себя и большую часть Украины. В XVI—XVIII вв. герб «Погоня» украшал хоругви (воинские стяги) многих белорусских и литовских воеводств, а после образования Речи Посполитой вошел в составной герб нового федеративного образования. Под этим гербом сражались повстанцы Костюшко и Калиновского, а в 1918 г. он был принят в качестве государственного Секретариатом Белорусской Народной Республики. В соответствии со своим историческим наследием герб «Погоня» (с некоторыми изменениями) является в настоящее время государственным гербом суверенных Республики Беларусь и Республики Литва.

*Укрепляла ли католическая церковь
свое влияние на землях Беларуси
в XV — XVI вв.?*

В советской историографии 30—80-х годов нередко утверждалось, что католическая церковь при решающей поддержке Польши и Ватикана проводила политику агрессии на землях Беларуси и Украины. Зарубежные, преимущественно польские, историки, как правило, доказывали, что утверждение католической церкви существенно не сказывалось на положении православного населения.

На самом деле и та и другая точки зрения лишь подчеркивают определенные тенденции в церковно-религиозной политике Великого княжества Литовского. Создание католической церкви на его территории было вызвано внутренними процессами развития этого многонационального государства, необходимостью укрепления верховной власти, прочного военно-политического союза с католической Польшей, что позволяло успешнее бороться с Тевтонским орденом, активнее вести свою «восточную» политику. С конца XIV в. до середины XVI в. на территории Беларуси в границах виленской епархии возникли 142 католические парафии (приходы), а в Подляшье, входившем в то время в состав Великого княжества Литовского (вне пределов современной территории Беларуси), — 22. Неизвестна численность парафий, образованных в пределах луцкой католической епархии, владения которой охватывали незначительную часть юго-западной Беларуси. В Западной Беларуси основное ядро католических парафий сложилось в границах Ошмянского, Новогрудского, Лидского, Гродненского, Минского и Волковысского поветов.

Поскольку сеть парафиальных костелов обслуживала преимущественно осевшее здесь литовское и польское население, а католическая церковь в то время не осуществляла активной миссионерской деятельности и сосуществовала с православной (в одних и тех же населенных пунктах нередко действовали и католические, и православные храмы), об экспансии католической церкви в Беларуси в рассматриваемый период можно говорить только относительно, понимая под экспансией главным образом создание новой церковно-административной структуры. В таком контексте экспансия православной церкви в древнерусский период предшествовала экспан-

сии католической церкви. В XIV — XVI вв. православная митрополия сохраняла некоторые свои церкви и монастыри и на территории Аукштайтии, где были крупные анклавы православного населения в Вильно и Троках.

Особый социально-политический статус католической церкви позволил ей быстро создать крупное церковное землевладение (большей частью на территории Беларуси), что, конечно, затрагивало интересы белорусского крестьянства, шляхты, мещанства, православной духовной иерархии.

Католическую церковь активно поддерживали верховная власть и правящие круги феодальной знати, что отражалось в законодательстве, в представительстве в верховных органах государства, в более широких иммунитетных правах католиков. В известной мере это являлось следствием сохранявшегося союза с Польшей, внутриполитической борьбы в Великом княжестве Литовском.

Каково значение Грюнвальдской битвы для государств Восточной Европы?

В начале XV века усилилась экспансия на Восток Тевтонского рыцарского ордена. Крестоносцы угрожали некоторым славянским народам их полным порабощением, замыслили превратить Польшу и Великое княжество Литовское в колониальные области немецкой державы. В 1409 году началась так называемая Великая война. Ее решающая битва произошла под Грюнвальдом 15 июля 1410 года. Объединенная армия Польши и Великого княжества Литовского разгромила войска Тевтонского ордена.

Значительную часть войск Великого княжества Литовского составляли хоругви из белорусских земель: Полоцкой, Витебской, Гродненской, Брестской, Пинской и других.

Войска Великого княжества Литовского уже участвовали в предварительных стычках с крестоносцами. Одна из них произошла в окрестностях Юрборга и Клайпеды. Одновременно бой с немцами около Торуни начался поляки. После этого было заключено перемирие до 2 июля 1410 г. К тому времени польский король собрал свою армию под Червинском, куда подошел также Витовт с литовско-русскими и татарскими отрядами.

Во время битвы под Грюнвальдом литовско-русские войска, поддержанные татарскими, молдавскими отрядами

ми и польской конницей, обороняли правое крыло. Несколько часов они героически выдерживали ожесточенный натиск тяжеловооруженной конницы крестоносцев, нанося ей огромные потери. Часть войск Великого княжества Литовского была истреблена или отступила, особое мужество проявили смоленские хоругви, возглавляемые князем Симеоном-Лингвеном Ольгердовичем, которые победоносно вышли из боя. Сражение на правом фланге позволило польским войскам перегруппироваться и вместе с присоединившимися к полякам основными силами «литвинов» начать решающее наступление на крестоносцев. Разгром немецкого войска был полным, его довершила «хлопская пехота».

Средневековые хроники приводят противоречивые, часто фантастические сведения о численности противостоящих войск в битве под Грюнвальдом. Один францисканский хроникер из Любека утверждал даже, что войско польского короля и великого князя литовского Ягайлы насчитывало 6 миллионов человек — больше, чем все население Польши и Великого княжества Литовского в то время. Ясно, что подобные цифры приводились в хрониках с целью преуменьшить международный резонанс, вызванный поражением войск Ордена. В серьезных исследованиях, основанных на комплексном изучении разных источников, численность немецких войск, не считая челяди, определяется примерно в 27 тысяч человек, польских — около 18 тысяч, Великого княжества Литовского, не считая нескольких тысяч вооруженных пехотинцев, — около 11 тысяч человек.

В результате удачного исхода в Великой войне возрос международный престиж Великого княжества Литовского, укрепился его союз с Польшей. Были созданы политические предпосылки, ускорившие процесс централизации государства, его социально-экономическое и культурное развитие. В первой трети XVI в. оно превратилось в одну из крупнейших и могущественных держав Европы.

Верно ли, что Сигизмунд I (1467—1548), сын Казимира IV и внук Ягайлы, стал великим князем литовским по завещанию своего брата Александра?

Польский король и великий князь литовский Александр (1461—1506) в середине июля 1506 г. выехал в Лиду для участия в работе сейма, который должен был решать

вопрос о престолонаследии. Тяжелобольного Александра сопровождали княжеский «двор» с огромным обозом, великая княжна Елена, войско. Придворный медик Александра Мацей из Блони объявил высшим сановникам в Лиде, что дни короля сочтены. По поручению канцлера была составлена опись движимого имущества короля (современники оценивали его «скарбы» в Лиде примерно в 100 тысяч злотых) и в присутствии свидетелей зачитан и утвержден его «тестament» (завещание). Согласно этому документу, Александр просил похоронить его в Польше, рядом с могилами родственников, даровал все свое имущество и владения брату Сигизмунду и поручал его опеке свою супругу Елену. Тестament подписали виленский бискуп Войцех Табор, трокский воевода Николай Радзивилл, трокский каштелян и жемайтский староста Станислав Янович, канцлер Польского королевства Ян Лаский, наивысший маршалок Ян Юрьевич Заберезинский, гетман Великого княжества Литовского Станислав Кишка, маршалок двора Михаил Львович Глинский. Фактически тестament Александра означал, что Сигизмунд Казимирович станет его основным правопреемником и наследником, то есть великим князем литовским, хотя номинально ему завещались только наследственные владения Александра («отцовизна») на территории Великого княжества Литовского и в Польше.

На специально сооруженной постели, подвешенной между двумя конями, Александр был привезен в Вильно, где и скончался в ночь с 18 на 19 августа 1506 года.

*Где на территории Беларуси произошло
одно из последних крупных
сражений с татарским войском?*

О набеге татарских войск во главе с «перекопскими царевичами» Бити-Гиреем Султаном и Бурнашем Султаном правительство Великого княжества Литовского узнало в середине августа 1506 г., во время только что начавшегося сейма в Лиде. Раненный татарскими стрелами гонец сообщил о том, что войско, насчитывавшее примерно 12 тысяч конных воинов, стремительно продвигается к Слуцку и Новогрудку. Маршалок господарского двора князь Михаил Глинский организовал разведывательный рейд из нескольких всадников, которые вскоре прибыли, неся в сумках 9 отрубленных голов. Столкновение вызвало панику в королевском окружении. Двор спешно поки-

нул Лиду, а собранное на скорую руку войско (по некоторым данным, примерно 10 тысяч всадников) двинулось навстречу татарам. Заболевший «польный» гетман Великого княжества Литовского Станислав Петрович Кишка устранился от участия в битве, а всеми операциями руководил князь Михаил Глинский, талантливый и честолюбивый полководец, пользовавшийся почти безграничным доверием великого князя литовского Александра.

Татарский кош (лагерь) был разбит под Клецком, и часть татар мелкими отрядами разъехалась в поисках добычи, прежде всего «живого товара» (невольников). Один из таких отрядов численностью в 500 человек был уничтожен литовским войском недалеко от реки Ишкольдь. Основное сражение произошло на берегах реки Лань около Красного Става вблизи Клецка. «Литовское» войско соорудило две гати с обеих сторон прудовой плотины и переправилось через реку. Исход сражения определил обходный маневр войска «левой руки», возглавленного Глинским и ударившего в тыл татарам. Разгром был полным; по словам Хроники Быховца, «почти все в реке и болоте потонули». 12 сентября 1506 г. Глинский прибыл в столицу Великого княжества Литовского как триумфатор.

*Сохранились ли в Беларуси
древние татарские мечети?*

Татарское население Великого княжества Литовского в своем подавляющем большинстве сохраняло мусульманские религиозные традиции, арабскую письменность, но в бытовом и межнациональном общении в XVI—XVII вв. и позднее широко пользовалось белорусским языком. На белорусском языке арабскими буквами написаны многие дошедшие до нас рукописи Корана, другие религиозные и литургические произведения.

Татарские общины строили деревянные (изредка — каменные) мечети в местах своего постоянного обитания. В архитектуре этих сооружений явственно просматриваются местные — «дойлидские» традиции. К сожалению, большинство архитектурных памятников татарского зодчества не сохранилось. До войны на территории Беларуси еще существовало примерно полтора десятка старых мечетей — в Минске, Слониме, Ляховичах, Клецке, Мире, в других городах и местечках, но к настоящему времени их сохранились считанные единицы, в том числе действующая мечеть в Ивье, построенная в XIX в. Более

древние мечети — в Довбучишках около Сморгони, в Лавчицах недалеко от Новогрудка и в самом Новогрудке.

Когда было принято магдебургское право в Беларуси и каковы его особенности?

Магдебургское право, определявшее основные черты городского самоуправления (деятельность местной рады, судебной системы, организация ремесленного производства, цехов, сословные права горожан и др.), стало распространяться в Беларуси с конца XIV в. Его получали главным образом крупные господарские (государственные и великокняжеские) и частновладельческие города, значительные местечки, владельцы которых были заинтересованы в расширении торгово-предпринимательской деятельности местного населения и увеличении налоговых поступлений.

В 1390 г. магдебургское право получил Брест, в 1391-м, 1496-м (ограниченное и полное) — Гродно, в 1441-м — Слуцк, в 1498-м — Полоцк, в 1499-м — Минск, в 1503-м — Волковыск, в 1511-м — Новогрудок, в 1569-м — Радошковичи, в 1577-м — Могилев, в 1581-м — Несвиж. Полный список магдебургских грамот, выданных городам и местечкам Беларуси в конце XIV — середине XVII в., в существующей историографии не приводится. Отсутствует также сводная публикация этих документов. Привилегии на магдебургское право чрезвычайно ценились горожанами и, как правило, подтверждались всеми новыми польскими королями и великими князьями литовскими.

В Беларуси, как, впрочем, и в Литве и отчасти на Украине, система магдебургского права функционировала наряду с некоторыми прежними правовыми традициями и обычаями. В ряде крупных городов Беларуси в магдебургских привилегиях оговаривались принципы равногo представительства православных и католиков в органах городского самоуправления, а в практике судебных процессов магдебургское право нередко дополнялось другими законодательными нормами, в том числе основанными на статутах Великого княжества Литовского.

Что такое «волочная помера»?

«Волочной померой» источники называют аграрную реформу, осуществленную верховной властью Великого княже-

ства Литовского в середине XVI в. в господарских владениях, а позднее и в значительной части имений крупных феодалов Беларуси и Литвы. Необходимость реформы была обусловлена социально-экономическим развитием Великого княжества Литовского, ростом товарно-денежных отношений, в том числе расширением международной торговли, становлением фольварочной системы. Старая система повинностного обложения крестьян, при которой основной учетной единицей являлась так называемая «служба» (соответствующий участок земли, за пользование которым крестьяне несли разные повинности), уже не удовлетворяла феодалов, так как разрастание крестьянских семей и рост производительности труда позволяли сельскому зависимому населению Беларуси скрывать часть своих доходов от земельных собственников. Аграрные преобразования должны были ввести новую основную учетную единицу хозяйственных ресурсов и возможностей крестьян, которой стала так называемая волока, включающая 30 моргов, или 21,36 гектара (размер ее иногда менялся в зависимости от качества земли). Волоками наделялись тяглые крестьяне.

Первые аграрные преобразования подобного типа были начаты во владениях королевы Боны еще в 40-х годах XVI в., а к середине XVI в. они охватили большинство господарских имений в Западной Беларуси. К концу 60-х годов аграрная реформа была проведена практически во всех владениях «господарского скарба» (казны) в западном регионе. Волочная помера осуществлялась в несколько этапов на основе различных законодательных актов верховной власти. Одним из наиболее известных актов такого рода является «Устава на волоки...» (1557 г.), давшая условное наименование аграрным преобразованиям середины XVI в.

Аграрная реформа позволила значительно увеличить доходы господарского скарба, а позднее и многих крупных феодалов Литвы и Беларуси.

*Какие отрасли художественного ремесла
были наиболее развиты в Беларуси
и во всем Великом княжестве Литовском
в XIV — XVI вв.?*

В XIV — XVI вв. продолжали развиваться многие традиционные отрасли ремесленного производства, оказавшие влияние на развитие различных сфер материальной куль-

туры. Широко распространились изготовление художественной керамики, строительного и фигурного кирпича, ткацкое, кожевенное дело. Большинство новых отраслей ремесленного производства возникло в XVI в., в том числе бумагоделание, книгопечатание, стекольные «гуты». Художественные и эстетические мотивы отчетливо проявлялись в таких видах ремесленного производства, как «золотарство» (ювелирное дело), обработка металлов, глины, камня, кости, дерева, кожи, мехов, предназначенных для изготовления одежды, обуви, ковров, тканей и других предметов быта.

Наиболее обеспеченную часть ремесленников составляли зажиточные мастера-ювелиры — своеобразная ремесленная аристократия. Среди золотарей сравнительно рано, уже в конце XV в., оформилась цеховая организация; ювелирным делом занимались также крепостные, замковые, вотчинные ремесленники, мастера великокняжеского двора. Их социальное положение и правовой статус были, разумеется, различными. Искусные ювелирные изделия предназначались главным образом для привилегированных сословий, но мелкие, сравнительно недорогие — серьги, кольца, перстни — были распространены значительно шире, в том числе и среди крестьянства.

Важной сферой художественного мастерства являлось изготовление холодного оружия, большой удельный вес в «артистическом» искусстве занимали профессии, связанные с изготовлением одежды, кожаных и тканых изделий, мелкой пластики. В произведениях художественного ремесла отчетливо проявлялось национальное своеобразие материальной культуры Беларуси.

Наблюдался ли Ренессанс в Беларуси?

В исторических трудах 60—70-х годов преобладала точка зрения, согласно которой Беларусь, как и другие восточнославянские земли, миновала этап европейского Возрождения в его классических формах. Большинство историков писало о предвозрожденческих или возрожденческих тенденциях в отдельных сферах духовной жизни, главным образом в литературе, письменности, латинской поэзии, книгопечатании, архитектуре. В современной белорусской историографии, преимущественно в исследованиях В. Конона и С. Подокшина, ренессансная культура рассматривается на фоне господствовавшей средневе-

ковой или выделяется в самостоятельный этап духовного развития Беларуси по аналогии с другими европейскими странами, прошедшими эпоху Возрождения. Этап Ренессанса, или Возрождения, по-разному определяется в различных историко-культурных исследованиях: конец XV — середина или вторая половина XVI в., XVI — первая половина XVII в. и т. д. Неопределенность хронологических пределов Ренессанса как особого этапа в развитии конкретных стран, разные трактовки его сущности, слабая изученность духовной и материальной культуры Беларуси, Литвы, Украины XIV — XVI вв. диктуют необходимость дальнейшего изучения этих проблем, особенно социальной и этнокультурной основы Ренессанса в Беларуси, его взаимодействия с национально-культурными традициями и Реформацией.

Крупнейшими представителями ренессансной культуры в Беларуси были белорусский и восточнославянский первопечатник Франциск Скорина, автор знаменитой «Песни о зубре» Микола Гусовский, один из выдающихся деятелей реформационного движения Симон Будный.

Чем отличалась Реформация в Беларуси от западноевропейской?

Со второй четверти XVI в. в Беларусь и Литву все активнее начинают проникать реформационные веяния. Реформационная идеология нашла поддержку в различных слоях общества, прежде всего у магнатов, значительной части шляхты, в меньшей мере у городского населения. На развитие Реформации в Беларуси оказал влияние глубокий кризис, поразивший католическую церковь в Западной и Центральной Европе. Белорусские и литовские магнаты поддерживали Реформацию, рассчитывая, что она позволит создать церковную организацию, всецело подчиненную их собственным интересам, да и обойдется дешевле. На их позицию, так же, как на позицию шляхты и горожан, оказывали воздействие различные факторы, в том числе борьба с влиянием централизованной католической церкви в государственной политике Великого княжества Литовского, церковных привилегий в сфере землевладения, иммунитетных прав. Разумеется, на все социальные группы указанные факторы воздействовали по-разному.

Структура протестантской церкви в Беларуси начала

складываться с середины XVI в. вместе с утверждением кальвинизма, преобладавшего в протестантском движении. Первые общины возникли в начале 50-х годов в Бресте, Клецке и Несвиже, позднее — в других местах. Первоначально все кальвинистские общины Литвы, Беларуси и Подляшья входили в одну организацию. В 60-е годы начала складываться более разветвленная структура кальвинистской церкви в Великом княжестве Литовском. 2 дистрикта — региона — новогрудский и «русский» — функционировали на белорусской земле. Высшей церковной властью являлись генеральные и провинциальные синоды, на которых присутствовали обычно как литовско-белорусские, так и польские «братья».

В начале 60-х годов из кальвинистской организации Великого княжества Литовского выделилось радикальное реформационное направление — антитринитариизм, представители левого крыла польских и литовско-белорусских антитринитариизмов — Петр из Гонендза, Мартин Чехович, Гжегож Павел и другие. Выражая интересы социальных низов Польши и Великого княжества и сформулировав радикальную программу общественных преобразований, они осуждали крепостничество, выступали против государственной власти, проповедовали общность имущества. С этим течением объективно смыкалась радикальная ересь беглого русского холопа Феодосия Косого и других русских еретиков, перебравшихся в Великое княжество Литовское в 50—60-е годы XVI в.

Во второй половине XVI в. в Беларуси и Литве насчитывалось около 200 кальвинистских и примерно два десятка арианских и лютеранских общин («сборов»), в том числе на территории Беларуси более 50 кальвинистских и 6 арианских, а также одна лютеранская парафия.

Таким образом, Реформация в Беларуси и Литве развивалась на феодальном социально-экономическом базисе. Ее основной движущей силой была феодальная знать, прежде всего Радзивиллы. В резком подъеме реформационного движения в канун Люблинской унии решающую роль сыграли политические факторы: феодальная знать опасалась ущемления своих привилегий, ухудшившиеся условия жизни белорусского, литовского, украинского населения, закрепощение крестьянства стимулировали развитие социальных выступлений, возникновение радикального реформационного движения. Реформационное движение в Беларуси характеризуется также частичным изъятием земельных владений католи-

ческой и православной церковей и быстрым спадом после возникновения Речи Посполитой и развития контрреформации.

Являлось ли Великое княжество Литовское веротерпимым государством?

В современной историографии существуют разные точки зрения по этому вопросу. Одни историки утверждают, что в Великом княжестве Литовском на протяжении всей его истории существовал национально-религиозный гнет, подавлялась православная церковь и религия; другие считают, что все церкви находились в равном положении и пользовались одинаковыми правами.

По всей вероятности, Великое княжество Литовское как до заключения Люблинской унии, так и после этого всегда было толерантным — веротерпимым государством: законодательно допускало деятельность разных церквей на своей территории и ограждало их права соответствующими привилегиями. Подобные привилегии имели не только католическая и православная церкви, но также и мусульманская, и иудаистская. Вместе с тем веротерпимость не означала полного правового и фактического равенства, существовали определенные ограничения в деятельности разных церквей. Например, в Раду Великого княжества Литовского не допускались ни православные иерархи, ни протестантское духовенство. Кроме того, верховная власть иногда нарушала законодательство и церковно-религиозные традиции. Так, после взятия Полоцка в 1571 г. польский король Стефан Баторий передал значительные земельные владения и храмы полоцкой архиепископии Ордену иезуитов. В середине XVII в., вопреки провозглашенным конституциям Речи Посполитой, из государства были изгнаны сторонники антирини-тариев — ариане.

Почему XVI век нередко называют «золотым веком» в истории Беларуси и Великого княжества Литовского?

Метафора «золотой век» заимствована из античной литературы и встречается в памятниках белорусской публицистики уже в первые десятилетия XVII в. Применялась она для характеристики культурного подъема в Беларуси, Литве и на Украине в XVI в., когда возникло книгопе-

чатание, развивались новая общественная философия, культурные связи с западноевропейскими странами, литература и письменность, что позволяет рассматривать этот период в истории Беларуси как основной в развитии ренессансной культуры в русле общих закономерностей европейского культурно-исторического процесса. Наиболее выдающимися деятелями духовной культуры Беларуси того времени, кроме великого белорусского и восточнославянского гуманиста, просветителя и первопечатника Франциска Скорины, видных деятелей реформационного движения, полемистов и просветителей — Сымона Будного и Василя Тяпинского, являлись печатники и издатели Иван Федоров, Петр Мстиславец, Гарабурда, Мамоничи. Развитие культуры опиралось на рост производительных сил феодальной экономики, городов, торгово-экономических и международных культурных связей. В XVI в. высокого уровня достигли иконописание, светская живопись, дворцово-замковая и культовая архитектура; в это же время формируются крупные меценатские центры Брест, Лоск, Несвиж, развивается официальное делопроизводство, создаются крупнейшие памятники европейской общественно-политической и правовой мысли — Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. В государственном делопроизводстве, литературе и письменности господствует белорусский («русский», по терминологии того времени) язык. Во многих городах и местечках Беларуси действуют крупные скриптории — книжные мастерские, закладываются или расширяются церковно-монастырские и частновладельческие библиотеки. Книжные собрания несвижских Радзивиллов насчитывают несколько тысяч томов, включают многие светские издания, отпечатанные в местных, польских и западноевропейских типографиях. Политическая жизнь Великого княжества Литовского находит отражение в летописях, оригинальных памятниках белорусской письменности. В белорусском фольклоре упоминаются важные исторические события — борьба против крестоносцев, татар, социальные условия жизни народа.

Вместе с тем процесс культурного развития Беларуси был осложнен военно-политическими противоречиями, войнами, вмешательством консервативных слоев католической и православной иерархии в процессы культурного развития и международного общения. Кроме того, образование Речи Посполитой привело к колонизации опре-

деленной части феодалов, что имело неблагоприятные последствия для развития духовной культуры Беларуси.

*Каково политическое
и культурное значение
Брестской церковно-религиозной унии?*

Брестская церковная уния означала создание новой церковной организации в пределах Киевской митрополии в Речи Посполитой, утвержденной на церковном соборе 1596 г. Идею образования новой церковной организации поддерживали польский король и великий князь литовский Сигизмунд III, католическое духовенство Польши и Великого княжества Литовского, Ватикан и Орден иезуитов. Создание униатской церкви означало разрыв исторических связей с православной Константинопольской патриархией, с другими православными церковными организациями, включая Московскую патриархию, признание высшей церковно-религиозной и церковно-административной власти папы, римской курии, догмата о непогрешимости римского первосвященника. Брестская уния, формально провозгласившая восстановление Флорентийской церковно-религиозной унии 1439 г., сохранила многие формы традиционной православной обрядности, литургии, разрешила отправлять богослужение на церковнославянском языке. Официальное признание правомочности Брестской унии со стороны государственной власти, правительства Речи Посполитой привело к упразднению православной церкви и православной иерархии. Таким образом, Брестская церковно-религиозная уния, являясь составной частью политических планов правящих кругов Польши и Великого княжества Литовского, в церковной сфере укрепляла процесс объединения Речи Посполитой.

Против униатской церкви выступили значительная часть православного духовенства, белорусского и украинского мещанства, некоторая часть шляхты, крестьянство, братства. Идеологи антиуниатской публицистики Стефан Зизаний и Мелетий Смотрицкий возглавили антикатолическую оппозицию. В сознании народных масс уния связывалась с ухудшением их жизни, процессами религиозного брожения, католической экспансией, «ополячиванием», отступничеством от традиционных культурных ценностей. Поэтому белорусские и украинские братства в конце XVI — начале XVII в. выдвинули программу

национально-культурного и церковно-религиозного возрождения. Православная церковь, продолжавшая существовать нелегально, в 1633 г. была вновь официально признана с определенным разделением прав, юрисдикции и владений с униатской церковью.

По социальному составу верующих униатская церковь на протяжении всего периода своего существования была «массовой» церковью; привилегированные сословия составляли незначительную часть «паствы». Под воздействием различных политических и социально-экономических факторов численность униатов в конце XVII — начале XVIII в. впервые превзошла численность православно-го населения.

Униатская церковь способствовала развитию культурных и церковно-религиозных связей с Польшей, другими центральноевропейскими и западноевропейскими странами. Многие деятели униатской церкви — Ипатий Потей, Иосиф Рутский, Алексей Дубович — внесли значительный вклад в развитие литературы и письменности, публицистики, «свободных наук». Полемика униатов с православными идеологами способствовала не только их размежеванию и обособлению, но в определенной мере означала также взаимодействие и синтез различных культурных и духовных ценностей и тенденций.

Что представляли собой братства?

В средние века и позже братствами назывались различные церковные и ремесленные сословно-корпоративные организации. В современных исследованиях, посвященных духовной культуре Беларуси и Украины, братствами чаще всего именуют национально-религиозные объединения белорусского и украинского населения, преимущественно мещанства, возникшие большей частью в господарских — великокняжеских — городах при определенных церковно-культурных центрах. В конце XVI—XVII в. крупнейшие белорусские братства существовали в столице Великого княжества Литовского — Вильно, а также Могилеве, Бресте, Минске, Пинске и некоторых других городах и местечках. Численность братств иногда преувеличивают, относя к ним так называемые «медовые братства», чаще всего связанные с ремесленными или купеческими организациями.

В состав братств формально входили представители трех станов (сословий): мещанства, духовенства и шлях-

ты. В большинстве крупных братств решающую роль играли городские торгово-предпринимательские слои, члены городской рады («русской лавицы»). В виленском Троицком братстве в конце XVI — начале XVII в. значительным влиянием пользовались низшие слои духовенства.

Братства создавались на демократических принципах. Важнейшим органом самоуправления являлись периодические или созываемые по необходимости «сходки» (собрания), которые проводились в братском доме. Повседневными делами руководили избираемые ежегодно «старшие» братчики, «шпитальные» дозорцы, церковные строители. Братства активно участвовали в церковно-религиозной и просветительской деятельности, организовывали типографии, школы, поддерживали антиуниатские выступления. Их деятельность заметно сказалась на формировании этнического самосознания белорусского и украинского народов, развитии духовной культуры, укреплении международных культурных связей.

*В чем заключался проект «новой унии»,
выдвинутый в 20—30-е годы XVII в.?*

В 30-е годы XVII в. правительство польского короля Владислава IV осуществило крупные преобразования в церковной политике. Официально были признаны права православной церковной иерархии, уравненные с правами униатского духовенства, приняты так называемые «Пункты успокоения», созданы правительственные комиссии для урегулирования споров между униатами и православными, прежде всего в сфере землевладения и распределения церквей и монастырей. Одновременно подтверждалась конституция (сеймовое постановление) 1627 г., признавшая правовую несостоятельность декретов Сигизмунда III, которые ограничивали действие Варшавской конфедерации. Некоторые представители реформационной церкви Великого княжества Литовского получили важные государственные, в том числе сенаторские, должности.

Заметные изменения в церковной политике диктовались чрезвычайно осложнившимся внешним и внутривосточным политическим положением Речи Посполитой, которой грозила длительная военно-политическая борьба с сильными соседними державами — Россией, Швецией, Турцией. Церковно-религиозные противоречия, антиуниатские вы-

ступления и возросшая социальная напряженность еще больше осложняли ситуацию. Планы «новой унии» были выдвинуты и поддержаны теми светскими и духовными слоями Великого княжества Литовского, которые осознали необходимость церковно-религиозных компромиссов, учитывали общественно-политическую роль белорусского и украинского православного населения в Речи Посполитой, стремились к сплочению феодального сословия, смягчению социальных и национально-религиозных противоречий, чреватых новыми социальными потрясениями — бунтами, крестьянско-казацкими восстаниями. Не случайно «комиссар» Речи Посполитой Адам Кисель, участвовавший в переговорах с казаками, утверждал, что только авторитет духовных лиц помог достичь желаемых результатов и избежать нового восстания.

Планы новой церковно-религиозной унии поддержало также королевское правительство, заинтересованное в прекращении униатско-православных распрей, ограничении связей православной церкви с константинопольскими патриархами. Проект новой унии предусматривал создание патриархата в Киеве, подвластного только римскому папе, сохранение прежних обрядов и литургии, подчинение униатов киевскому митрополиту Петру Могиле, единственному реальному в то время претенденту на патриарший престол. Предполагалось, что зависимость от Рима будет временной и прекратится после того, как константинопольский патриархат освободится от власти турецких деспотов. В соответствии с намеченными планами Владислав IV издал два универсала — 3 августа 1636 г. (униатам) и 5 сентября (православным), в которых призывал духовную иерархию заключить новую унию на ближайших вальных сеймах, а затем и на церковном соборе. Как киевский, так и униатский митрополит Иосиф Рутский согласились собрать общий церковный собор в конце 30-х годов. Однако римская курия, ознакомившаяся с планами новой унии, заняла жесткую позицию, потребовав подчинения православной иерархии Риму, принятия в соответствии с флорентийским униатским собором 1439 г. флорентийской формулы исповедания веры, а боязнь социально-политических осложнений, выступлений белорусского и украинского населения, казачества, низшего духовенства повлияла на позицию высшей православной иерархии, включая Петра Могилу. Римский папа Урбан VIII специальным документом — бреве — от 14 февраля 1639 г.

запретил королю созывать общий собор с целью заключения новой унии на ранее разработанных условиях.

*Что следует понимать под
«домашней войной в Литве» в конце XVII —
начале XVIII в.?*

«Домашняя война в Литве» (в Великом княжестве Литовском) явилась результатом соперничества различных группировок магнатов. В силу особенностей политического строя Великого княжества Литовского определенные магнатские «семьи» («фамилии» или роды) время от времени приобретали большое влияние в обществе, получали важные государственные должности, сосредоточивали в своих руках огромные владения и движимое имущество. Такими влиятельными родами длительное время считались Гаштольды, Кезгайлы, Воловичи, Глебовичи, Радзивиллы, хотя политическое влияние последних после войн и восстаний середины XVII в., названных в польской историографии годами «потопа», существенно ослабло.

В конце XVII в. плеяду наиболее могущественных магнатов Великого княжества Литовского возглавили Сапеги, прежде всего — гетман Казимир Ян Сапега (1637—1720). Латифундии этой семьи располагались в Беларуси, Литве, на Украине, принося ей огромные доходы и обеспечивая значительное политическое влияние в высших органах власти. Кроме того, войска «польного» гетмана нередко использовались для извлечения дополнительных доходов. Гетман сам размещал свои войска, «квартирование» которых в тех или иных «маентках» наносило немалый ущерб их владельцам. Не брезговали Сапеги, как и другие магнаты, прямым насилием. Законы Великого княжества Литовского и судебные органы нередко оказывались бессильны перед произволом влиятельных «потентатов». Большое влияние оказывали Сапеги на решения съездов шляхты, постановления местных сеймиков.

Возраставшее всевластие Сапег вызвало недовольство других крупнейших магнатов — Радзивиллов, Пацов, Огинских. При поддержке польского короля и великого князя литовского они совместно выступили против Сапег. Основную их военную силу составили частные отряды конной шляхты. В битве под Олькениками войска Сапег были разбиты, многие их владения конфискованы

и розданы другим феодалам. После этого политическое влияние Сапег ослабло.

Что привело Речь Посполитую к разделам?

Исследования, посвященные причинам упадка Речи Посполитой в XVIII — XIX вв., противоречивы: в одних утверждается, что, будучи связан с ослаблением монархической власти и феодальной анархией, процесс этот уходит корнями в XVI век, в других — что решающим фактором этого стала агрессия соседних государств.

Скорее всего, ослабление, а затем и упадок Речи Посполитой обусловлены многими факторами. В экономическом отношении Европа XVII — XVIII вв. распадалась на две части. В одних странах развивались промышленность и внешняя торговля (Голландия и Англия), в других преобладало сельское хозяйство (Испания, Италия). К числу последних относилась и Речь Посполитая, где укреплялась дворянская монополия на власть и усугублялся упадок городов. Понятие «государство», как оно существовало в древней Польше, вытеснялось понятием «Речи Посполитой обоих народов» — Польши и Литвы. «Государствами» чаще всего назывались магнатские латифундии. Основанная на грабеже и угнетении крестьян, дворянская республика находилась в состоянии полного расстройтва, ее конституция делала невозможным какое-либо общенациональное действие, и в силу этого страна становилась объектом легкой добычи соседей.

В 1764—1795 гг. предпринимались попытки сохранить олигархию магнатов за счет подчинения страны растущему влиянию соседних держав, в особенности скатерининской России, и затем оправдать эту акцию в глазах европейского общественного мнения. В этой связи польский историк К. Валишевский заметил: «Русские историки круто, от книги к книге меняли свой взгляд на этот щекотливый вопрос, то объясняя раздел Польши законами этнических группировок, то проще — законом права сильного. Это случилось и с самым заметным из них, с Соловьевым. Немецкие историки выбивались из сил, чтобы очистить память Фридриха II от обвинения в том, что он был зачинщиком этого дела. Но доводы их оспаривали в России. Одно только было недвусмысленно установлено и той и другой стороной: недостойный характер этой политической сделки».

Соседние государства ссылались также на разложение польской государственности, которое, якобы, невозможно было остановить, а при II и III разделах — на угрозу, исходившую от реформаторских и революционных устремлений поляков. При этом упоминалось и международное право. В действительности же разделы Речи Посполитой — яркий пример нарушения этого права, игнорирования международных обязательств. Так, в декларациях 1763 и 1764 гг. Екатерина II уверяла в своих стремлениях искренне и последовательно сохранять Речь Посполитую в теперешнем ее состоянии, в правах, вольностях и основах, равно как и в ее границах. Царица обещала уважать трактат, заключенный между Речью Посполитой и Россией в 1686 г. Послы Пруссии и Австрии выступили в 1764 г. в Варшаве с декларацией о том, что их монархи возмущены слухами о разделе Польши и Литвы. Однако затем Австрия вспомнила, что в XIII — XIV вв. княжества Галицкое и Владимиро-Волынское принадлежали Венгрии, а Пруссия объявила себя наследницей Ордена крестоносцев, умалчивая о положениях Торуньского трактата 1466 г. Таким образом, принятый с середины XVII в. принцип неприменения силы при заключении международных соглашений, как и принцип невмешательства во внутренние дела других государств, оказался на деле растоптанным. Ход переговоров, связанных с соглашением сейма и короля с актами разделов, свидетельствует о едва прикрытом и даже непосредственном принуждении.

Уместно привести в этой связи слова русского историка Н. И. Костомарова: «В политике понятие справедливости чаще всего служило только для взаимного обмана и для приличия. Достаточным считалось найти благовидный предлог для совершения таких дел, которые, без этого предлога, не решались во всеуслышание назвать справедливыми. Коварство и насилие были подпорою государственной безопасности».

Большинство европейских стран поддержало разделы Речи Посполитой. Исключение составила Дания, правительство которой в 1792 г. предложило свои услуги в польско-русском конфликте. Нападение на Речь Посполитую и ее разделы осудили либеральные и демократические круги Европы и Северной Америки.

*Какие политические события предшествовали
трем разделам Речи Посполитой?*

После смерти Августа III в 1763 г. между магнатскими группировками Чарторыйских и Потоцких разгорелась борьба за трон. На выборном сейме 1764 г. при поддержке русского правительства на трон был возведен представитель группировки Чарторыйских Станислав Август Понятовский, о котором Екатерина II говорила, что «из всех искателей он имел наименее талантов и, следовательно, наиболее должен чувствовать благодарность к России».

В то время Россия и Пруссия выступили с проектом уравнивания в правах диссидентов (христиан-некатоликов) с католиками. При поддержке русского посла Репнина диссиденты в 1767 г. создали протестантскую (в Торуню) и православную (в Слуцке) конфедерации, которые стремились урвать права некатолической и католической шляхты. Эти конфедерации сразу же приняла под свою протекцию Екатерина II. В Радоме была создана конфедерация католической шляхты, склонной к союзу с Россией. Возглавил ее Кароль Радзивилл. На помощь конфедератам прибыла 40-тысячная русская армия. Сейм 1768 г. согласился урвать в правах православных и протестантов с католиками. Диссидентам разрешалось занимать государственные посты, были разрешены браки между ними и католиками. В то же время Россия гарантировала так называемые «кардинальные права», которые были приняты сеймами и которые сохраняли свободу вето, выборность короля и шляхетские привилегии.

Противники уравнивания диссидентов с католиками, как и противники России вообще, в феврале 1768 г. организовали в Баре на Украине конфедерацию, возглавил которую Юзеф Пулаский. Барская конфедерация, выступая за целостность и независимость страны, стремилась к полному обновлению «золотой вольности» шляхты, отмене реформ, укреплению национально-религиозного угнетения народов. Вместе с тем в конфедерации участвовали и патриотические слои шляхты.

В октябре 1768 г. русские войска разбили конфедератов под Деречином и заняли Несвижскую и Слуцкую крепости. Год спустя отряд барских конфедератов во главе с Пуласким одержал победу над русскими войсками в боях под Берестовицей, Слонимом, Мышью. Наибольшего размаха движение конфедератов достигло в

1770—1771 гг. В июне 1770 г. отряд Шимана Коссаковского, состоявший в основном из мелкой шляхты, успешно действовал в районе Мяделя, Радошковичей и Минска. Отряд постоянно пополнялся крестьянами, однако был разбит под Новогрудком. В сентябре 1771 г. на сторону конфедератов перешел великий гетман литовский Михаил Казимир Огинский, но в сентябре его отряд разбил А. В. Суворов под Столовичами. М. Огинский, потеряв убитыми более 300 человек, бежал в Кенигсберг. Генерал Виомениль овладел краковским замком, но он был оцеплен Суворовым и после осады, продолжавшейся два с половиной месяца, взят. Потерпели поражение отряды Зарембо и Пулаского. Остатки конфедератов из Речи Посполитой вытеснили вступившие прусские войска.

Разгром барских конфедератов совпал с началом первого раздела Речи Посполитой. 5 августа 1772 г. в Петербурге была подписана конвенция между Россией, Пруссией и Австрией. После I раздела Россия вывела свои войска из страны.

3 мая 1791 г. принимается конституция Речи Посполитой. Недовольные конституцией образовали Тарговицкую конфедерацию, которую взяла под свое покровительство Екатерина II. В мае 1792 г. русские войска были введены вновь. Генерал Каховский получил приказ вступить в Польшу, а генерал Кречетников — в Литву. Они разбили войска князя Иосифа Понятовского и принца Виртембергского и оттеснили их на Западный Буг. Сейм в Гродно провозгласил отмену конституции 1791 г., что привело в 1793 г. ко второму разделу Речи Посполитой. 18 тысяч русских войск остались на ее территории.

Разделы страны вызвали протест прогрессивных слоев шляхты, представители которой начали подготовку к восстанию. На территории страны действовали тайные союзы и товарищества сторонников восстания. Оно началось в марте 1794 г. в Кракове с участием шляхты, мещан и крестьян. Возглавил восстание генерал-лейтенант Тадеуш Костюшко, объявленный главным начальником вооруженных сил. В это же время был объявлен акт восстания и Костюшко произнес присягу: «Я, Тадеуш Костюшко, перед лицом Бога присягаю всей польской нации, что доверенную мне власть не использую ни в чьих частных интересах, но буду пользоваться ею исключительно лишь для обеспечения неприкосновенности границ восстановления независимости нации и утвер-

ждения всеобщей свободы. Да поможет мне Всевышний и невинные муки сына его».

Решив расширить радиус восстания, Костюшко вместе со своей армией двинулся из Кракова на Варшаву. 4 апреля около деревни Рацлавичи произошло первое столкновение с колонной генерала Торماسова, преградившей путь повстанцам. В этом сражении повстанцы победили.

Политическое руководство восстанием взяла в свои руки Высшая национальная рада. В воеводствах создавались комиссии руководства, новые революционные суды. После вооруженного выступления в Варшаве 17—18 апреля в конце мая был создан Главный национальный совет. В его состав вошли 8 советников и 32 члена, решающий голос принадлежал Костюшко как командующему вооруженными силами. Командующий разослал своих эмиссаров в районы, еще не охваченные восстанием, и приступил к всеобщей мобилизации, сопровождавшейся политической агитацией среди крестьян. В первые дни восстания он издал манифесты, обращения к войску, населению, духовенству, женщинам. В «Манифесте к гражданам» есть такие слова: «Первый шаг к уничтожению рабства — это мужество быть свободным, первый к победе — познать свои силы».

В ночь с 22 на 23 апреля повстанцы захватили Вильно, где была создана Высшая рада во главе с Якубом Ясинским, объявившая себя высшим органом власти в Великом княжестве Литовском. На следующий день в Вильно созданный уголовный суд приговорил одного из деятелей бывшей Тарговицкой конфедерации гетмана Шимона Коссаковского к смертной казни. Создание революционной Высшей рады в Великом княжестве Литовском вызвало страх в правом крыле руководства восстания, и Костюшко вынужден был отстранить Ясинского от руководства, что в конечном счете привело к ослаблению всего революционного движения в Литве. В середине мая на этой территории действовало несколько отрядов.

7 мая 1794 г. Костюшко издал Полонецкий универсал, который провозгласил, что «каждый землепашец — человек свободный». Крепостное право отменялось, но без земли уйти от помещика крестьянин мог только при условии выплаты долгов и государственных налогов, а также поставив в известность комиссию управления о том, куда он переселяется. Устанавливались определенные льготы в отбывании панщины, предупреждалось, что

нарушение этих положений помещиками будет караться судом.

Военная и политическая ситуация складывалась не в пользу повстанцев. В начале июня объединенные русско-пруссские войска численностью 24 тысячи человек в бою близ местечка Щекатины вынудили армию Костюшко отступить. 15 июня прусские войска заняли Краков, а Костюшко отошел к Варшаве. В середине июля сюда подошли прусские войска и русский корпус под командованием генерала Ферзена. Однако в августе — сентябре эти войска отошли от Варшавы. Новые земли захватила Австрия. По приказу Екатерины II с турецкой границы на территорию Речи Посполитой был переброшен корпус под командованием Суворова. В ноябре его войска овладели пригородом Варшавы Прагой. Варшава капитулировала. В 1795 г. произошел третий раздел Речи Посполитой.

*Какие земли Беларуси вошли в состав
Российской империи?*

5 августа 1772 г. в Петербурге была подписана конвенция между Россией, Пруссией и Австрией о разделе Речи Посполитой. К России отходили Инфлянтское воеводство, большая часть Полоцкого (по правому берегу Западной Двины), почти все Витебское воеводство, Мстиславское и восточная часть Речицкого уезда Минского воеводства с Рогачевом, Пропойском, Чечерском и Гомелем. Эти земли включались в состав Псковской и Могилевской губерний и объединялись в генерал-губернаторство. В 1776 г. белорусские и латышские уезды были выделены из Псковской губернии и вошли в Полоцкую. Могилевская и Полоцкая губернии переименовывались в наместничества.

В 1793 г. был подписан договор о втором разделе Речи Посполитой. К России отходили Правобережная Украина, Полоцкое воеводство на левом берегу Двины, части Витебского и Мстиславского, Минское воеводство, восточные части Новогрудского и Брестского воеводств, Браславский и Ошмянский уезды. 24 апреля на этой территории была создана Минская губерния.

После подписания договора о третьем разделе Речи Посполитой Россия получила западную часть Беларуси, Литву, Западную Вольту и Курляндское герцогство. На территории Западной Беларуси и Литвы создавалось

Литовское генерал-губернаторство. В декабре 1795 г. была образована Слонимская губерния с 8 уездами. Браславский и Ошмянский уезды вошли в состав Виленской губернии.

В 1796 г. была проведена новая губернская реформа. На территории Беларуси создавались губернии: Белорусская, в которую вошли Полоцкое и Могилевское наместничества, Минская с присоединенным к ней Речицким уездом, входившим ранее в состав Черниговской губернии, Литовская, в которую вошла Слонимская губерния.

В таком виде губернии просуществовали недолго. По указу Александра I от 9 сентября 1801 г. был произведен новый губернский раздел России. На территории Беларуси создавались 5 губерний. Белорусская разделялась на Могилевскую и Витебскую, которые вошли в состав Белорусского генерал-губернаторства. Литовская — на Гродненскую и Виленскую. Виленская, Гродненская и Минская губернии образовывали Литовское генерал-губернаторство.

Современная Беларусь находится на территории бывших: Минской губернии (Минский, Борисовский, Игуменский, Бобруйский, Новогрудский, Слуцкий, Речицкий, Мозырский, Пинский уезды); Могилевской губернии (Могилевский, Быховский, Чаусский, Чериковский, Горецкий, Сенненский, Оршанский, Рогачевский, Мстиславский, Гомельский и Климовичский уезды); Витебской губернии (Витебский, Полоцкий, Лепельский, Городокский, Дриссенский уезды); Виленской губернии (Ошмянский, Вилейский, Лидский, Дисненский уезды); Ковенской губернии (Ново-Александровский уезд); Сувальской губернии (Августовский уезд); Гродненской губернии (Слонимский, Гродненский, Волковысский, Пружанский, Кобринский, Сокольский и Брестский уезды).

Как сказалась война 1812 года на судьбе народа Беларуси?

В ночь на 12 июня 1812 года без объявления войны армия Наполеона вторглась в пределы России. Ареной первых стычек стала территория Беларуси. 16 июня был занят город Вильно. 1-я армия под командованием генерала Барклая де Толли отступала из-под Вильно через Свентяны к Дрисскому лагерю. А 2-я — под командованием Багратиона — выступила из Волковыска и

направилась через Слоним и Новогрудок на соединение с 1-й армией. 2 июля 1-я армия из Дриссы направилась к Витебску, а 2-я — к Минску. Натолкнувшись около местечка Свержень на части маршала Даву, Багратион повернул на Несвиж, чтобы через Слуцк, Бобруйск и Могилев выйти на соединение с 1-й армией Барклая де Толли. Отход русских армий в глубь страны сопровождался частыми столкновениями с противником.

В русской армии служило много белорусов. Так, шесть дивизий 1-й армии были укомплектованы уроженцами белорусских губерний, а всего накануне войны отсюда было набрано 14 750 рекрутов. С приближением армии Наполеона часть жителей уходила вместе с русскими войсками. Крестьяне прятали имущество, бросали дома, уходили в леса, угоняли скот.

Уже в начале нашествия крестьяне нападали на отдельных солдат, на небольшие группы противника. Наполеоновский офицер Ложье 17 июля 1812 года записал в своем дневнике: «Сколько раз из-за стремительности наших выступлений оставшиеся солдаты не знали, где найти свой отряд. Они бродят тогда на авось по здешним обширным равнинам, по громадным лесам, прорезанным столькими дорогами, охваченные усталостью, побежденные ею или сном, они становятся жертвой озлобленных крестьян».

Партизанские отряды начали действовать в лесах уже в начале 1812 г. Крестьяне деревни Тростянка Игуменского уезда Минской губернии создали отряд, в который вошло все взрослое население деревни. Возглавил его крестьянин Тарас. Отряд нападал на французских солдат и местных помещиков, помогавших Наполеону. Крестьяне деревни Староселье, Можаны, Есьмоны и Киевки Борисовского уезда также организовали партизанские отряды. Такое же положение наблюдалось и во многих других деревнях Борисовского уезда.

В то же время белорусская и литовская шляхта в надежде, что Наполеон восстановит Речь Посполитую, устраивали ему торжественные встречи и приемы. Прибыв в Вильно, Наполеон объявил о восстановлении Великого княжества Литовского в составе четырех департаментов: Виленского, Минского, Гродненского и Белостокского. Приказом императора от 1 июля было создано Временное правительство княжества, которое должно было заниматься доставкой провианта для французской армии, организацией народной гвардии и жандармерии.

Одним из первых документов, принятых Временным правительством, стал акт о присоединении Великого княжества Литовского к Генеральной конфедерации Польского королевства, который обнародован 14 июля в виленском кафедральном соборе. Акт заключал в себе «доброе пожелание соединить в одно политическое целое расторгнутые части Польши и Великого княжества Литовского и возвратить древнему отечеству нашему свободу и владения». В городах Брест-Литовске и его уезде, Гродно, Пинске, в Минской провинции также были приняты акты о присоединении к Генеральной конфедерации Польши. 6 июля Временное правительство княжества обратилось с воззванием к городским, уездным и сельским властям, в котором говорилось, что «все крестьяне, жители местечек и деревень, оставившие при проходе войск свои дома, обязаны вернуться в оные и приступить к исполнению своих земледельческих работ и повинностей». 13 июля Наполеон издал указ об организации литовской армии, были назначены командиры полков. За время войны Великое княжество Литовское смогло выставить полк легкоконной гвардии, 5 полков кавалерии, 6 полков пехоты, полк стрельцов общей численностью около 15 тысяч человек.

По мере продвижения французских войск в глубь страны русскую администрацию, которая эвакуировалась во внутренние губернии России, заменяла администрация княжества. Во главе департаментов стояли французские губернаторы и интенданты. Генерал-губернатором стал адъютант Наполеона граф ван Гогендорп, гродненским губернатором — генерал Лебрен, минским — генерал Бронниковский. Уезды делились на дистрикты, а те в свою очередь на контоны. Создавалась сельская администрация, а в городах — муниципалитеты.

Наполеону нужны были рекруты и провиант, поэтому население было обложено различными податями и повинностями. За невыполнение поставок его строго карали. Так, генерал Ш. Шарпантье угрожал жителям Витебска, что если «не будет поставлен на бойню требуемый от города скот, то город подвергнется военной экзекуции».

26 августа 1812 г. началось Бородинское сражение. 2 сентября французы заняли опустевшую Москву.

По приказу Кутузова из состава военных частей выделялись летучие кавалерийские отряды, которые действовали в тылу противника. Свой план развития партизанской войны против французских войск Кутузов реко-

мендовал принять и в частях, расположенных на территории Беларуси. Известны случаи совместных боевых действий партизанских кавалерийских разъездов корпуса Витгенштейна с местными партизанами. Деревня Жарцы Полоцкого уезда оказалась между французским корпусом Удино и русским корпусом Витгенштейна. Все взрослое население деревни объединилось в партизанский отряд под командованием крестьянина Максима Маркова. В рапорте генерала Властова командующему корпусом от 21 сентября 1812 г. сообщалось, что 8 сентября отряд французов в составе батальона и эскадрона кавалерии вел в лесу от реки Полоты до Двины разведку и стал приближаться к деревне Жарцы с намерением занять ее. Крестьяне этой деревни обратились к казаку Грушину с просьбой принять над ними команду. Казак охотно согласился. Крестьяне, взяв оружие, ушли в лес, где вступили в бой с отрядом. Французы понесли потери и повернули обратно, а партизаны преследовали их.

6 октября произошло сражение у Тарутино, недалеко от Москвы. Русская армия перешла в наступление. 11 октября Наполеон выступил из Москвы, а день спустя в сражении при Малоярославце понес крупные потери. Началось бегство наполеоновских войск.

6 октября под Полоцком произошло сражение русского корпуса генерала Витгенштейна с французскими Удино и Сен-Сира. На другой день русские войска ворвались в Полоцк. Началось освобождение Беларуси. Несмотря на осень, крестьяне во многих местах все еще находились в лесах и нападали на французов. Историк Бориславский писал: «В октябре в Виленской губернии появляются крестьяне, вооруженные хотя и дрекольями, косами, кремневыми ружьями, но страшные для французов толпы».

Повсеместно белорусский народ оказывал помощь русской армии. Многие белорусы вступали в ряды армии в качестве волонтеров — добровольцев. Житель города Бабиновичи Могилевской губернии почтмейстер Федор Шостак «сначала под выстрелами неприятеля вывез казну, а после был в числе волонтеров и знанием мест возле Бабиновичей помог полковнику лейб-уланского полка Мезенцеву взять в городе Бабиновичи 48 человек пленных». И таких примеров было много.

Отступая, французы на своем пути сжигали все, что только могли. Большая часть деревень, вспоминал наполеоновский офицер фон Зукков, была старательно выж-

жена нашими солдатами, гревшимися у этих чудовищных костров.

В остатках наполеоновских войск белорусы видели своих врагов, которые сжигали их жилища, обрекали на гибель. Озлобленные люди брались за оружие. Во второй половине декабря остатки французской армии перешли через Неман в Пруссию.

Беларусь вышла из войны разоренной и опустошенной. Многие ее города и селения, в том числе Полоцк, Борисов, Кобрин, были полностью разрушены или сожжены. Сильно пострадали Гродно, Минск, Витебск, Могилев, Орша, Слоним и другие города. «...Неприятельское войско,— писал современник,— после перехода через Березину так опустошило места... что большая часть жителей, оставив дома свои, разбежалась с женами и детьми по лесам, где многие из них погибли от холода и голода, так что по окончании кампании найдены были валяющиеся по улицам, огородам и в опустошенных домах многие мертвые тела, и никто не был встречаем, кого бы можно было заставить похоронить оные».

Бывали ли декабристы в Беларуси?

В 20-х годах XIX в. в Беларуси бывали декабристы А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Одоевский, К. Ф. Рылеев, М. С. Лунин. Летом 1823 г. 9-я пехотная дивизия, в состав которой входили Полтавский и Черниговский полки, где служили М. П. Бестужев-Рюмин и С. И. Муравьев-Апостол, находилась в лагерях под Бобруйском. На смотр должен был приехать Александр I. Руководители «Южного общества» хотели арестовать царя на военном смотре в Бобруйской крепости, объявить республику, затем направиться с армией из Бобруйска на Москву, одновременно подняв восстание в Петербурге. «Бобруйский план» не поддержали, сочтя его преждевременным, Пестель и другие члены «Северного общества». 14 декабря 1825 г. дворянские революционеры вывели на Сенатскую площадь в Петербурге войска, чтобы сбросить самодержавие. Однако в тот же день восстание было разгромлено.

25 декабря 1825 г. Литовский пехотный батальон отказался присягать императору Николаю I. За это и за участие в тайном «Обществе военных друзей» капитан К. Г. Игельстром, поручики А. И. Вегелин, П. П. Воехович, М. Ф. Вильканец, подпоручики Э. А. Петровский,

П. И. Гофман, рядовой А. М. Угричич-Требинский, члены общества коллежский регистратор А. М. Гриневицкий, канцелярист Л. И. Бронский, шляхтичи М. И. Рукевич, Ф. В. Ордынский, И. С. Высоцкий и ученик Белостокской гимназии К. В. Ордынский были приговорены к смертной казни, которую заменили затем каторгой и службой на Кавказе в 1827 г. Последняя попытка декабристского выступления также связана с Беларусью. В феврале 1826 г. попытался поднять восстание Полтавского пехотного полка в Бобруйске член «Общества соединенных славян» подпоручик С. П. Трусов. Его приговорили к смертной казни, замененной ссылкой на каторжные работы.

*Как развивалось восстание
1830—1831 гг. в Беларуси?*

В ночь с 28 на 29 ноября 1830 г. тайная организация «Общество подхорунжих» подняла восстание в Варшаве. Его поддержали горожане. Между консервативно-аристократическим лагерем, который возглавлял А. Чарторыйский, и левыми силами, группировавшимися вокруг «Патриотического общества», началось соперничество за руководство восстанием. Аристократы стремились добиться независимости Польши в границах 1772 г. или широкой национальной автономии для нее. Калишская группа, занимавшая промежуточное положение между аристократическим лагерем и «Патриотическим обществом» и выражавшая интересы средней либеральной шляхты и интеллигенции, идеалом государственного строя считала конституционную монархию.

2 декабря от имени Административного совета, захватившего руководство восстанием, А. Чарторыйский обратился с воззванием к полякам, которое требовало от царского самодержавия точного соблюдения конституции 1815 г. и присоединения к Царству Польскому бывших восточных провинций Речи Посполитой. На другой день «Патриотическое общество» обратилось к Административному совету с предложением, чтобы он призвал жителей Литвы, Беларуси, Украины и других провинций примкнуть к восстанию. 20 декабря 1830 г. шляхетский сейм опубликовал «Манифест польского народа», в котором говорилось, что народ восстал для того, чтобы «возвратить свою независимость и древнее могущество» и «достигнуть «соединения со своими братьями, страдающими

под гнетом петербургского кабинета». Член национально-го правительства И. Лелевель, публицист и общественный деятель М. Мохнацкий, генералы И. Прондзинский, В. Хржановский и другие настаивали, чтобы диктатор Ю. Хлопицкий двинул польскую армию на восток с целью привлечь население литовско-белорусско-украинских земель к восстанию. Однако диктатор, не желавший войны с Россией, отказался выполнить это требование. Тогда в восточные провинции были посланы эмиссары с заданием поднять там восстание.

Царское правительство приняло меры для предотвращения восстания. В декабре 1830 г. Западная Беларусь, Литва и Западная Украина были объявлены на военном положении. Увеличилось количество гарнизонов в крепостях и городах. Указом императора Николая I от 21 декабря на имения помещиков, убежавших в Царство Польское, налагался арест, многие чиновники-поляки увольнялись. Однако принятые меры восстания не предотвратили.

Многочисленные воззвания, доставленные из Царства Польского, призывали жителей Литвы, Беларуси и Украины подняться на борьбу за восстановление Польши в границах 1772 г. В обращении к крестьянам раскрывалась картина тяжелого и безрадостного положения крестьян, угнетаемых «москалями». Чтобы избавить крестьян от «русских угнетателей», решили «и волынцев, и Литву, и Полесье, и Украину, и Побережье присоединить к Королевству Польскому», так как жители этих земель являются, по мнению авторов воззвания, поляками, хотя и говорят по-русски, и распространить на них права, которыми пользуются жители царства. В воззвании национального правительства к жителям Литвы, Волыни, Подолии и Украины от 25 января 1831 г. говорилось, что польское правительство и сейм перед лицом всей Европы провозгласили целостность и независимость Польши, и поэтому предлагалось вспомнить те времена, когда их предки ходили на Москву, и уничтожить московское «бремя насилия, не жалея имений своих и жизни для спасения общего отечества». В Литве и Беларуси распространялось воззвание И. Лелевеля к русским, в котором русское население и солдаты призывались к совместной борьбе против царизма за такую же «свободу и вольность», за которую борются поляки. Причиной восстания объявлялось систематическое нарушение конституции 1815 г. Для повстанцев собирались деньги и оружие.

В январе — феврале 1831 г. для подготовки восстания в Литве и Беларуси был создан Виленский центральный повстанческий комитет. В нем преобладали представители консервативного лагеря, выражавшего интересы зажиточной шляхты. В конце марта — начале апреля восстание охватило всю Литву, а в апреле — и Западную Беларусь, в частности Ошмянский, Свянтянский и Браславский уезды Виленской и Дисненский — Минской губернии. Подняв восстание в уезде, шляхта выбирала повстанческое правительство, главнокомандующего уездными войсками, другие органы власти. Главы уездных повстанческих правительств избирались или назначались из числа крупных и средних землевладельцев. Например, главой повстанческого правительства Ошмянского уезда избрали председателя Ошмянского трибунала помещика П. Важинского, а командующим уездными повстанческими войсками — полковника наполеоновских войск графа К. Пржездецкого. В Дисненском и Вилейском уездах председателями повстанческих правлений были избраны уездные предводители дворянства. Правительство каждого уезда приводило население к присяге, объявляло рекрутский набор в повстанческое войско. В распоряжении о рекрутском наборе устанавливались обязательные нормы поставки рекрутов с населения. Так, в Вилейском уезде каждые 5 душ мужского пола должны были поставить одного пехотинца, вооруженного «ружьём, пикою, косою и топором» и хорошо обмундированного, и каждые 20 душ — одного кавалериста с лошадей. Кроме шляхты, в повстанческих отрядах находились крестьяне и мещане. Большинство их мобилизовывали в результате рекрутского набора, часть же присоединилась добровольно, надеясь на улучшение своего положения. В Ошмянском, Свянтянском, Браславском, Вилейском и Дисненском уездах насчитывалось около 10 тысяч повстанцев. Многие крупные и средние помещики, тесно связанные с русским царизмом, уклонялись от рекрутского набора.

Неспокойно было в Новогрудском, Лидском, Пружанском, Волковысском, Динабургском и Режицком уездах Гродненской и Витебской губерний — восстание могло вспыхнуть и здесь.

Все это тревожило царское правительство и главнокомандующего русской армией И. И. Дибича: через белорусские и литовские земли в действующую армию в Царстве Польском поступали людские резервы, транспорты с бое-

припасами, вооружением, обмундированием. Были приняты срочные меры, направленные на подавление восстания. 3 апреля 1831 г. издается царский указ о предании военному суду шляхтичей, примкнувших к повстанцам, и о конфискации их имений. Крестьянам указ обещал помилование, если они добровольно сложат оружие. Дибич направил в Беларусь и Литву большое количество войск, из которых вместе с резервными частями сформировалась специальная резервная армия. В результате ее боевых действий восстание в Виленской и Минской губерниях в конце мая было подавлено.

В Гродненской губернии организаторами восстания являлись личный секретарь гродненского гражданского губернатора Красовский, предводитель дворянства Брестского уезда Немцевич, предводитель дворянства Бельского уезда Белгорайский, главный лесничий Беловежской пушчи Ронко, помещики Незабытовский, Жилинский. Около тысячи восставших собралось в Беловежской пушце. Захватив большое количество транспорта, они нарушили связь русских армий с тылом. Под давлением шляхетских эмиссаров, ряда руководителей восстания Варшавское национальное правительство и главное командование польской армии в первой половине мая приняли решение о посылке регулярных польских войск для помощи повстанцам Литвы и Беларуси. 19 мая отряд численностью 820 человек под командованием генерала Хлоповского, пройдя через Беловежскую пушчу и Гродно, 2 июня прибыл в Литву, где соединился с повстанческими отрядами и 12-тысячным корпусом польских войск под командованием генерала А. Гельгуда. 19-июня в окрестностях Вильно произошло решающее сражение между польскими войсками и повстанцами, с одной стороны, и русскими — с другой. Отбив все атаки повстанцев, русские заставили их отступить.

В южных уездах Минской губернии — Мозырском, Речицком и Пинском восстание развернулось в июне — июле 1831 г. Его организаторами и руководителями были помещики Ф. Киневич (Мозырский и Речицкий уезды) и Т. Пуславский (Пинский уезд). Всего в южных уездах Беларуси насчитывалось около 1300 повстанцев, тесно связанных со шляхетским восстанием на Волыни. Однако на юге оно не приняло больших размеров, что объяснялось изолированностью от крупных повстанческих центров и тем еще, что здесь проживало меньше польского и католического населения.

К началу августа во всех уездах Литвы и Беларуси восстание было подавлено. Небольшие отряды в лесах и болотах, возлагавшие надежды на помощь Варшавского национального правительства, в одиночку или группами начали сдаваться.

*Как объединялись униатская
и православная церкви?*

После первого раздела Речи Посполитой образование новых православных епархий в присоединенных частях Беларуси и Украины происходило в сложных условиях. На этих территориях была создана могилевская, мстиславская и оршанская епархия, которую возглавил видный церковный деятель того времени Георгий Конисский. С 1785 г. центром новой зарубежной епархии — переяславской и бориспольской — стал город Слуцк. Возглавлявший ее архимандрит слуцкого Троицкого монастыря Виктор Садковский получил от русского правительства инструкцию не обострять отношений с польским королем, католической и униатской церквями. Однако условия, в которых приходилось действовать В. Садковскому, долгое время содержащемуся в тюрьме и освобожденному русскими войсками, не позволяли обходиться без резких столкновений с польскими властями и католическими церковниками.

После второго раздела Речи Посполитой три вновь образованные губернии составили новую епархию — минскую, изяславскую и брацлавскую, которую возглавил В. Садковский. В конце XVIII — начале XIX в. царское правительство проявляло веротерпимость по отношению к униатам: киевское, минское, белорусское, брацлавское и житомирское епархиальное руководство было предупреждено о том, что нельзя принуждать униатов принимать православную веру, а следует «возбуждать добровольное желание». Священники, нарушающие этот указ, отстранялись от своих приходов.

К 1825 г. униатская церковь в России состояла из четырех епархий: брестской, виленской, полоцкой и луцкой. Брестский епископ Иосафат Булгак был митрополитом греко-униатских церквей в России. Виленской епархией управлял Андриан Головня, полоцкой (или Белорусской) — Иаков Мартусевич, луцкой — архиепископ Иоанн Красовский. Управление униатскими делами находилось в ведении второго (униатского) департамен-

та римско-католической коллегии, подчиненного департаменту иностранных исповеданий.

После восстания 1830—1831 гг. правительство стало благосклоннее относиться к проблеме воссоединения униатов с православными. 30 апреля 1833 г. восстанавливается самостоятельная православная полоцкая епархия, а полоцким епископом назначается Смарагд, приступивший к непосредственному обращению униатов. Активно участвовали в присоединении униатов церковные деятели Иосиф Семашко, Василий Лужанский и Антоний Зубко. Управление униатской церкви отделилось от католической, учредилась греко-униатская духовная коллегия, упразднились многие базилианские монастыри, а из четырех униатских епархий были образованы две — белорусская и литовская. В 1834 г. принимается решение о немедленном введении в униатскую церковь православного устройства и употребления православных книг московского издания. В 1837 г. греко-униатская иерархия и духовная греко-униатская коллегия выводятся из Министерства внутренних дел и подчиняются ведомству Святейшего Синода.

В 1833 г. к полоцкой епархии присоединено 790 католиков, из унии — 29460 (с 22 церквами), в 1834 г. — 92 католика и 20999 — из унии (с 16 церквами), в 1835 г. — 932 католика и 71966 — из унии (с 53 церквами). В ряде мест из-за грубого административного вмешательства властей в религиозные дела вспыхивало недовольство населения. Часть униатского духовенства Беларуси выступила против присоединения к православию.

В начале февраля 1839 г. греко-униатские епископы вместе с высшим православным духовенством собрались в Полоцке. 12 апреля 24 самых знатных духовных лица обеих сторон подписали Соборный акт о своем желании принадлежать к православию и просили Николая I принять этот акт и их прошения. Николай I принял акт и передал его Святейшему Синоду, который издал постановление «О принятии греко-униатской церкви в полное и совершенное общение святой православно-католической Восточной церкви и в нераздельный состав церкви Всероссийской». 23 июня 1839 г. по этому поводу издается сенатский указ.

Вместе с тем униатская церковь продолжала функционировать в Люблинской, Седлецкой и других губерниях, хотя сильного влияния не имела. Это, а также недовольство определенной части крестьянства православием

учитывал К. Калиновский в своей пропаганде. В «Мужицкой правде» (№ 6, декабрь, 1862 г.) можно прочесть такие строки: «Не один уже, может, позабыл, что отец его был праведной униатской веры, и никогда уже не вспомнит о том, что обратили его в схизму, в православие, что он сегодня, как та собака, живет без веры и, как собака, сохнет на радость чертям в пекле».

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА

Как проходила отмена крепостного права в Беларуси?

Еще в марте 1856 г. российский император Александр II заявил предводителям московского дворянства о необходимости освободить крестьян. Фактически подготовка реформы началась 3 января 1857 г., когда под председательством императора был образован Секретный комитет по крестьянскому делу. Правительство, заинтересованное в том, чтобы крепостное право было отменено с добровольного согласия дворян, обратилось с неофициальным предложением по этому поводу к помещикам Беларуси и Литвы, более подготовленным, по его предположениям, к освобождению крестьян.

Большинство дворян Гродненской, Виленской и Ковенской губерний высказалось за отмену крепостного права. В сентябре 1857 г. Виленский, Гродненский и Ковенский дворянские инвентарные комитеты через виленского генерал-губернатора Назимова отправили в Петербург адреса с пожеланием освободить крестьян без земли. 20 ноября, согласно опубликованному рескрипту, в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях разрешалось учредить дворянские губернские комитеты для подготовки проектов реформы, а впоследствии и комиссию в Вильно, которой предстояло выработать общий проект для трех губерний. В комитеты, возглавляемые губернскими предводителями дворянства, входили 1—2 помещика от каждого уезда и по два от губернии, назначенные губернатором.

Рескрипт — первый публичный правительственный документ об освобождении крестьян. К весне 1858 года комитеты были созданы во всех губерниях Беларуси, а до

конца года — в большинстве губерний России. 16 февраля 1858 г. Секретный комитет преобразовали в Главный комитет по крестьянскому делу.

19 февраля 1861 г. поддержанные Государственным советом и подписанные Александром II проекты «Положений» обрели силу закона. Закон об отмене крепостного права в России был опубликован в форме царского манифеста и «Положений 19 февраля».

В манифесте кратко излагались основные принципы реформы. Основное внимание уделялось вопросу об обязанностях освобожденных крестьян. Указывалось на необходимость помнить «христианский закон», гласящий, что «всякая душа должна повиноваться властям держащим» и что помещичьи права «не могут быть взяты от них без приличного вознаграждения или добровольной уступки».

«Положения 19 февраля», в которых закон об освобождении крестьян конкретизируется, распадается на три группы: «Общее положение» провозглашало одинаковые правила для всех губерний Российской империи, где имелись крепостные крестьяне, определяло их личные и имущественные права, порядок образования сельского управления и выполнения казенных, земских и мирских повинностей. Одинаковыми для всех губерний были также «Положения» об устройстве дворовых людей, о выкупе, о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях и «Правила» о порядке функционирования «Положений». Вторую группу составляли «Местные положения», устанавливавшие в зависимости от местных условий порядок наделения крестьян землей и выполнения ими повинностей в пользу помещиков, и третью — дополнительные правила, касавшиеся отдельных групп населения.

В Беларуси реформа осуществлялась на основании «Общего положения», двух «Местных положений» и дополнительных правил об устройстве крестьян мелкопоместных имений. На Могилевскую и частично Витебскую губернии распространялось «Положение для великороссийских, новороссийских и белорусских губерний». В Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской губерниях реформа осуществлялась по «Местному положению». Выделение их в отдельную группу вызвано многими обстоятельствами. В отличие от других районов здесь господствовало подворное землепользование. Правительство боялось крестьянского движения в

западных губерниях, возможности объединения его с польским. Кроме того, в них насчитывалось большое количество безземельных крестьян — бобылей, огородников и парубков.

По «Положению», помещик считался собственником всей земли, принадлежавшей ему до реформы. Часть ее выделялась крестьянам для надела, который давался им только в пользование. На протяжении десяти лет крестьянин обязывался содержать отведенный ему надел и выполнять определенные повинности. До заключения выкупной сделки он считался временнообязанным и мог уйти от помещика только с его разрешения. Усадьбу крестьянин имел право сразу выкупить в собственность.

В Витебской и Могилевской губерниях, как и в центральных губерниях России, где сохранилось общинное крестьянское землепользование, устанавливались высшие и низшие размеры наделов. В отдельных уездах высший надел был от 4 до 5,5 десятины, низший — от одной до двух десятин на душу мужского пола. Если дореформенный крестьянский надел превышал высший размер, помещик имел право отрезать лишнее в свою пользу. Витебские и могилевские помещики широко воспользовались возможностью производить «отрезки» крестьянских земель. Так, в Могилевской губернии у крестьян деревень Мирогоща и Горки Чериковского уезда была отрезана почти четверть площади дореформенных наделов, у крестьян местечка Черяя Сенненского уезда — около половины.

В Гродненской, Виленской и Минской губерниях нормы наделов не устанавливались, здесь дореформенные наделы закреплялись в подворном пользовании. Отрезки от крестьянских наделов разрешалось производить в тех случаях, если их размер превышал инвентарный или если у помещика после реформы оставалось менее трети принадлежавших ему земель.

На всей территории Беларуси лес оставался собственностью помещиков, сохраняясь как объект постоянных конфликтов между ними и крестьянами. Совместные у помещиков и крестьян водопой и выгоны для скота (сервитуты) оставались в общем пользовании на неопределенное время. Впоследствии при составлении уставных грамот помещики, воспользовавшись этим, вообще не упоминали о сервитутах, стремясь лишить их крестьян. За пользование наделной землей крестьяне до проведения выкупной сделки обязывались отбывать барщину

или платить помещику оброк. В Витебской и Могилевской губерниях барщина устанавливалась в размере 40 дней мужских и 30 дней женских в год на душу, которая могла быть заменена восьмирублевым obroком. Тут сохранялось общинное землепользование, в общинах для обеспечения исправного выполнения повинностей крестьянами вводилась круговая порука.

В Виленской, Гродненской и Минской губерниях крестьянские повинности сокращались на 10 процентов. Для оброка устанавливался максимум не выше 3 рублей с десятины, а для барщины — не более 23 дней с десятины в году. В губерниях сохранялось подворное землепользование, каждый крестьянин отвечал за выполнение повинностей. Круговая порука вводилась только для обеспечения оплаты государственных налогов и подушной подати. Согласно «Местным положениям», на всей территории Беларуси каждые три из пяти барщинных дней крестьяне должны были отработать летом. В летнее время продолжительность рабочего дня составляла 12 часов, зимой — 9. Барщину обязаны были отбывать все мужчины в возрасте от 18 до 55 лет и женщины от 17 до 50 лет. Казенные, земские и общественные повинности выполнялись от всего сельского общества или общины. Если крестьяне получали полный надел, то обязывались платить помещику четвертую часть выкупной суммы, при получении неполного надела — пятую. Остальное помещики получали от государства в виде ценных бумаг, которые могли продавать или закладывать. Эта часть засчитывалась как ссуда крестьянам.

В связи с выкупной операцией крестьяне становились должниками государства. Они обязывались выплачивать долг на протяжении 49 лет в виде выкупных платежей, в сумму которых включались и проценты, которые государство брало за ссуду. Выкупная цена превышала рыночную. В Витебской и Могилевской губерниях, например, десятина земли по выкупу в среднем стоила более 33 рублей, тогда как средняя рыночная цена в Витебской составляла около 12, в Могилевской — более восьми рублей. Дворовые люди освобождались без земли через два года.

«Общее положение» декларировало, что крепостное право на помещичьих крестьян и дворовых людей отменялось навсегда. Однако крестьяне оставались временно-обязанными и в значительной мере зависели от помещика, за которым сохранялось право опеки над ними и представления их интересов в суде.

Крестьяне, жившие на земле помещика, как правило, составляли одно сельское общество, которое на сельском сходе избирало сельского старосту, сборщика податей и других должностных лиц, подчинявшихся волостному правлению. Несколько смежных сельских обществ составляли волость, которая создавалась по территориальному принципу и насчитывала от 200 до 300 ревизских душ. Сельские старосты и волостные управления ограничивались в правах. Они занимались сбором податей, объявляли крестьянам законы и распоряжения, следили за общественным порядком и выполнением крестьянами повинностей.

Проведение реформы правительство возлагало на местные органы: мировых посредников, уездные мировые съезды и губернские по крестьянским делам присутствия. В губерниях — на губернское по крестьянским делам присутствие, во главе которого стоял губернатор, а членами были представители дворянства и назначенные чиновники. «Для охраны спокойствия и порядка» во все губернии направлялись чрезвычайные царские уполномоченные — генералы и флигель-адъютанты. За настроением и поведением крестьян обязано было следить и духовенство.

В Беларуси «Положения 19 февраля» опубликовали во всех губернских городах с 8 по 12 марта. В сельской местности знакомство с этими документами затянулось. Многие крестьяне считали, что власти преднамеренно искажают манифест и «Положения 19 февраля». «Действительную волю, — говорили они, — помещики подменили». Сильное недовольство вызывало установление периода временнообязанного положения. В крестьянском сознании никак не совмещалось понятие о личной свободе с понятием об обязательных повинностях в пользу помещика. Крестьяне многих деревень Пружанского уезда Гродненской губернии толпами отправлялись в уездный город, чтобы «найти царскую волю». Разъяснения уездного предводителя и священника их не убедили. Крестьяне имения Рогово Велижского уезда Витебской губернии во время чтения манифеста в церкви кричали, что им читают «не ту книжку» и что они не намерены отбывать барщину. Подобные слухи распространялись и в других губерниях Беларуси.

В 1861 г. крестьянские волнения охватили все белорусские губернии.

*Что известно об одном из руководителей
восстания 1863 г. Калиновском?*

21 января 1838 г. в деревне Мостовляны Гродненского уезда в семье безземельного шляхтича Семена Стефановича Калиновского и его жены Вероники родился сын. При крещении в Яновском римско-католическом парафиальном костеле ему дали два имени — Викентий и Константин. В 1847 г. Константин поступает в Свислочскую гимназию, преобразованную в 1851 г. в Свислочское уездное училище. В 1849 г. семья Калиновских переезжает в имение Якушовка Волковысского уезда Гродненской губернии.

5 октября 1856 г. Калиновский зачисляется в Санкт-Петербургский университет на камеральное отделение юридического факультета. Он и его брат Виктор входят в нелегальный революционный кружок Сигизмунда Сераковского, который находится под влиянием идей А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. К. Калиновский налаживает связи с членами революционного общества «Земля и воля», становится непримиримым врагом самодержавия и крепостничества. Подобно многим, он вынужден добывать средства к существованию репетиторством, обращается к университетскому начальству за материальной помощью.

Окончив университет со степенью кандидата прав, Калиновский в начале 1861 г. вернулся в Беларусь. Позже он напишет: «Сделав неудачную попытку о поступлении на службу в министерство государственных имуществ и в другие ведомства, я отправился в Вильно для приискания какого-либо места, но, не получив его ни там, ни в Гродно, переехал на житье к отцу, у которого и оставался до конца 1862 г. В это время для получения места по учебному округу я снова приехал в Вильно и через несколько дней поселился в семействе Грегатович, которых до того времени я не знал. В должности мне было отказано, но я продолжал оставаться в Вильно, потому что осведомился о распоряжении начальства гродненского о моем арестовании, вследствие чего и решил оставаться в Вильно».

В Беларуси ширились крестьянские выступления, вызванные отменой крепостного права, находило отклик в людских сердцах польское национально-освободительное движение. В 1861 г. Калиновский создает в Гродно конспиративный кружок, в который вошли губернский

секретарь Э. Заблоцкий, доктор Ю. Заблоцкий, офицеры В. Врублевский, Я. Ванькович, землемеры Ф. Рожанский, М. Милевич, ксендзы Гинтовт, Я. Зарижский, И. Козловский. Созданная ими программа подготовки народной революции предусматривала свержение самодержавия, уничтожение крепостничества, достижение национальной самостоятельности Беларуси. В том же году кружок влился в созданный в Вильно комитет движения (с 1862 г. — Литовский провинциальный комитет), который начал подготовку восстания в Беларуси и Литве. В комитет вошли З. Чехович, Э. Вериго, Я. Козелл и Л. Звездовский.

Один из соратников Калиновского Ю. Яновский вспоминал: «Самой выдающейся в этом отношении личностью в комитете был Константин Калиновский. Он был одним из самых интеллигентных в то время мужей Литвы, образованный, чистый, полный добродетелей, ума и энергии. Исходил пешком Литву и Беларусь, неся в народ пламя любви к Отечеству... Не хотел иметь никаких связей со шляхтой, а опирался только на народ.

Связь Литвы с Польшей понимал как федеративную — с полной независимостью Литвы».

Вместе с В. Врублевским и Ф. Рожанским Калиновский налаживает выпуск нелегальной газеты на белорусском языке «Мужицкая правда», большинство материалов для которой пишет сам. С июля 1862 по апрель 1863 г. вышло 7 номеров газеты, подписанных псевдонимом «Ясько-гаспадар из-под Вильни». Газета выходила в виде листовок, распространялась в Беларуси, Литве, Латвии, Польше. В первом номере можно прочесть такие волнующие строки: «Миновали уже времена, когда казалось всем, что мужицкая рука годится только для сохи — теперь настало такое время, что мы сами можем писать, и писать такую правду справедливую, как бог на небе. О, загремит наша правда и молнией полетит по свету! Пусть узнают, что мы можем не только кормить своим хлебом, но еще и учить своей мужицкой правде».

Калиновский основал и издавал также газету на польском языке «Знамя свободы», предназначенную для польского населения.

После начала восстания в Польше весть о нем вместе с манифестом и декретами Временного национального правительства привез в Вильно революционный комиссар Августовского воеводства Юзефович-Пиотровский. Литовский провинциальный комитет, получивший изве-

стие о начале восстания, поддержал его. 1 февраля он обратился к населению Литвы и Беларуси с воззванием, в котором повторялись основные положения манифеста и декретов Временного национального правительства. Первые отряды повстанцев в западных уездах Беларуси появились уже в конце января 1863 г. Повстанческий отряд создал В. Врублевский, вскоре назначенный начальником всех повстанческих отрядов Гродненщины.

В марте 1863 г. Центральный национальный комитет в Варшаве принял решение о роспуске Литовского провинциального комитета. Вместо него был образован «Отдел, управляющий провинциями Литвы» во главе с ковенским помещиком Я. Генштором. Однако отдел оказался не в состоянии руководить национально-освободительной борьбой. Окончательно парализовали деятельность отдела репрессии виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, сменившего на этом посту В. Н. Назимова.

К. Калиновский получил назначение на пост революционного комиссара Гродненской губернии. На этой должности он развернул энергичную деятельность, стремясь привлечь на сторону восставших как можно больше крестьян.

В июне 1863 г. Калиновский возвращается в Вильно. По этому поводу он позже напишет: «Приезд мой в Вильно наступил во время повсеместного расстройтва в Литве, как в деле народной организации, так и вооруженного восстания. Трудности, ставленные правительством на счет сообщений, слабая власть виленского отдела, не могущая возбудить к себе доверия края, и ясное понимание многих, смотрящих на дело восстания не через призму увлечения, но сознающих, что, покоряясь только задушевной необходимости, несут свою жизнь на бесполезную цель, были причинами того, что восстание приняло характер местный и народные власти воеводские в случаях только необходимости и возможности обращались в Вильно с сообщениями различного рода. Из таких сообщений ... мог только прийти к тому результату, что восстания в Литве уже нет, а если есть что-либо, то разве предсмертные его судороги».

Несмотря на это, Калиновский воссоздает и укрепляет повстанческую администрацию на местах. Революционным комиссаром Гродненской губернии назначается Э. Заблоцкий, военным руководителем — В. Врублевский, комиссаром Ковенской губернии — Ю. Мацкевич, военным руководителем — И. Ласковский, комиссаром

Виленской губернии — М. Дормановский, военным руководителем — Ф. Вислоух, комиссаром Минской губернии — И. Ямонт, военным руководителем — С. Лясковский. Это были близкие Калиновскому по политическим убеждениям люди. Недаром в «Приказе к народу земли литовской и белорусской» от 11 июня 1863 г. подчеркнуто: «Но дело наше — не дело панское, а справедливой свободы, которой ваши деды и отцы издавна ждали и которую москаль с кровопийцами вашими задержать хочет!»

После поражения восстания царское самодержавие жестоко расправлялось с теми, кто находился в повстанческих отрядах, помогал им. По официальным данным, в Литве и Беларуси было казнено 128, выслано на каторгу — 853, в Сибирь на поселение — 504, с лишением всех прав — 825 человек. 320 участников восстания отправили рядовыми в армию, 767 — в арестантские роты. Всего из края было выселено 12 483 человека.

Калиновского арестовали в Вильно в ночь с 28 на 29 января 1864 г. В своих последних «Письмах из-под виселицы» он написал: «Братья мои, мужики родные! Из-под виселицы царской приходится мне вам писать, и, может, последний раз. Горько покинуть землю родную и тебя, дорогой мой народ. Застонет грудь, заболит сердце, но не жаль погибнуть за твою правду. Прими, народ, искренне мое слово предсмертное, ибо оно как бы с того света, только для добра твоего написано».

10 марта 1864 г. в первой половине дня К. Калиновский был казнен на Лукишской площади в Вильно.

*Участвовали ли рабочие Беларуси
во Всероссийской октябрьской
политической стачке?*

В Беларуси ведущую роль в организации стачки сыграли, как и в России, железнодорожники. 10 октября 1905 г. состоялся митинг железнодорожников в Гомеле, который одобрил предложение о присоединении к Всероссийской политической стачке и избрал Временный комитет. Под его руководством 11—12 октября было остановлено движение на Либаво-Роменской и Полесских дорогах. К забастовке присоединились студенты учебных заведений, сотрудники многих учреждений. Организованная 14 октября демонстрация закончилась столкновением с войсками. 18 октября, в связи с объ-

явлением царского манифеста, у городской управы собралось до 30 тысяч человек. Агитаторы распространяли прокламации. Рабочие железнодорожных мастерских организовали боевую дружину и патрулировали улицы.

Утром 11 октября забастовали рабочие депо станции Орша. Несмотря на прибытие из Могилева четырех рот солдат и вице-губернатора, политическая стачка в Орше с 13 октября переросла во всеобщую. В городе и на станции проходили митинги. Вечером 18 октября состоялась демонстрация, 19 октября участники митинга на Петербургской улице приняли решение об освобождении политзаключенных. Ворвавшись в местную тюрьму, они выпустили их на свободу.

В Минске забастовка рабочих и служащих Московско-Брестской и Либаво-Роменской дорог началась 11 октября. На другой день местные комитеты РСДРП и Бунда объявили в городе двухдневную общую политическую забастовку. По их призыву прекратили работу фабрики и заводы, типографии, ремесленные мастерские, магазины. К стачке присоединились учащиеся всех местных учебных заведений города, организовывались многочисленные митинги. 18 октября в 11 часов на Виленском вокзале начался митинг, разрешенный властями. К тому времени его участники уже знали о царском манифесте. Жители толпами стекались к вокзалу. К четырем часам дня там собралось около 20 тысяч человек. По согласованию с губернатором П. Курловым жандармский полковник В. фон Вильдеман-Клопман распорядился открыть огонь по собравшимся. Было убито до ста человек, около трехсот ранено. В воззвании «К гражданам г. Минска», опубликованном 19 октября, минская группа РСДРП призвала горожан взяться за оружие, восстать против самодержавия. Она же сформулировала ближайшие требования: немедленное отстранение от должности и предание суду губернатора Курлова, полковника Вильдемана-Клопмана и других виновников массового расстрела людей, роспуск полиции и передача охраны порядка и общественной безопасности в руки города, удаление казаков, материальная помощь семьям убитых и раненых за счет государства, невмешательство администрации и армии в собрания граждан. Для обеспечения массовой поддержки этих требований коалиционный Совет объявил о возобновлении с 18 октября всеобщей стачки в городе. Она продолжалась до 24 октября, однако успеха не достигла.

11 октября забастовали также рабочие главных мастерских Полесских железных дорог в Пинске. Остановилось движение на железнодорожной линии Брянск — Брест, в Барановичах и Лунинце. 13 октября началась стачка в Мозыре. 18—19 октября в городе происходили неоднократные вооруженные столкновения рабочих с полицией и войсками.

17 октября в Витебске выступили отряды рабочей молодежи. На улицах распространялись воззвания, была организована демонстрация. Ее участники отбили у патрулей трех агитаторов, задержанных за участие в организации забастовки, при этом произошла перестрелка. Начавшийся утром 18 октября митинг казачий патруль пытался разогнать нагайками, а затем открыл стрельбу по митингующим. В тот же день в городе состоялась 20-тысячная демонстрация протеста.

17 октября прекратилась работа всех промышленных и торговых предприятий Сморгони. В тот же день в городе состоялся митинг. 18 октября здесь прошла демонстрация под лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой Государственную думу!», «Да здравствует народное восстание!». Оба выступления закончились столкновениями с полицией и казаками. 19 октября на улицы вышло все рабочее население Сморгони. Уличное шествие с революционными песнями и красными знаменами продолжалось около пяти часов.

В целом Октябрьскую политическую стачку в Беларуси поддержали 32 населенных пункта, участие в ней приняло около 66 тысяч человек. Увеличилось число случаев вооруженного отпора полиции, войскам, черносотенцам. В общей сложности политическое движение, независимо от его формы, в октябре 1905 г. охватило 24 города и 29 местечек Беларуси.

*Что известно о П. А. Столыпине
как о политическом деятеле?*

Ни об одном из деятелей царского правительства начала XX в. не высказывалось столько противоречивых мнений, как о П. А. Столыпине. Он родился 5 апреля 1862 г. в Дрездене. Происходил из старинного дворянского рода, известного с XVI в. Детство и юность провел в Литве. Летом семья Столыпиных жила в имении Колноберже недалеко от Ковно или же выезжала в Швейцарию.

После окончания в 1881 г. Виленской гимназии Петр

Столыпин поступает на физико-математический факультет Петербургского университета. Рано женится, его женой становится Ольга Борисовна Нейгардт, прежде бывшая невестой его старшего брата, убитого на дуэли. Закончив в 1884 г. Петербургский университет, принимается на службу в Министерство внутренних дел. Затем назначается ковенским уездным предводителем дворянства и председателем Ковенского съезда мировых посредников, а в 1899 г. — губернским предводителем дворянства. В 1902 г. Столыпин становится гродненским губернатором. Его выдвинул министр внутренних дел В. К. Плеве, считавший, что занимать губернские должности должны местные землевладельцы.

В Гродно Столыпин пробыл десять месяцев. По его инициативе в губернии создаются местные комитеты, занимавшиеся проблемами сельскохозяйственной промышленности. В 1903 г. он назначается саратовским губернатором.

Летом 1905 г. Саратовская губерния была охвачена крестьянским движением. В докладах царю Столыпин утверждает, что главная причина аграрных беспорядков — стремление крестьян получить землю в собственность. Если крестьяне станут мелкими собственниками, они перестанут бунтовать.

В 1906 г. Столыпину предложен портфель министра внутренних дел. Выступая в I Государственной думе, он твердо и корректно отстаивает свои убеждения, хладнокровно отвечая на выпады. Это не всегда нравилось Думе, зато нравилось царю. После роспуска I Думы Столыпин назначается Председателем Совета Министров, оставаясь одновременно министром внутренних дел. «Достигнув власти без труда и борьбы, силою одной лишь удачи и родственных связей, Столыпин всю свою недолгую, но блестящую карьеру чувствовал над собой попечительную руку провидения», — вспоминал товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский.

12 августа 1906 года на Столыпина совершается покушение. Его министерская дача на Аптекарском острове в Петербурге была взорвана. Погибли 27 человек, в том числе оба террориста, эсеры-максималисты, ранены трехлетний сын и 14-летняя дочь Столыпина. По предложению царя премьер вместе с семьей переезжает в Зимний дворец.

Возглавляемое Столыпиным правительство распустило II Думу, 3 июня 1907 г. изменило избирательный

закон. Теперь в Государственной думе, опираясь то на правооктябристское, то на октябристско-кадетское большинство, оно могло проводить политику лавирования. Учитывая опыт революции, Столыпин пришел к выводу о необходимости реформировать социальную опору самодержавия в деревне, провел аграрную реформу, предусматривавшую образование значительной части зажиточных крестьян.

До третьеиюньского переворота Столыпин суть своей политики выразил фразой: «сначала успокоение, а затем реформы». А когда революционное движение пошло на спад, он изменил свое прежнее мнение. В одном из интервью в 1909 г. Столыпин заявил: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России».

Спад революционного движения в России не укрепил положения премьера. Николай II стал бояться, что Столыпин узурпирует его власть. В 1909 г. в их отношениях произошел перелом. Столыпин из Зимнего дворца переехал жить на Фонтанку. «Мой авторитет подорван,— с горечью сказал он в частной беседе,— меня поддержат, сколько будет надобно для того, чтобы использовать мои силы, а затем выбросить за борт».

28 августа 1911 г. Столыпин поехал в Киев на торжества по случаю открытия земских учреждений и памятника Александру II. Места в императорских экипажах ему на этот раз не нашлось. Было очевидно, что его дни на высшем государственном посту сочтены. 1 сентября 1911 г. в киевской опере шла «Сказка о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова. После второго акта во время большого перерыва царь покинул ложу, а Столыпин, стоя спиной к сцене, беседовал с бароном В. Б. Фредериксом и военным министром В. А. Сухомлиновым. Агент охраны Д. Г. Богров подошел к Столыпину на расстояние двух-трех шагов и два раза выстрелил в него. 5 сентября Столыпин умер и был похоронен в Киево-Печерской лавре. 9 сентября Богров предстал перед Киевским окружным военным судом, а спустя три дня — повешен.

П. А. Столыпин, несомненно, являлся крупным государственным деятелем. Один из его современников так сказал о нем: «У П. А. Столыпина был сильный ум, но это был какой-то ум второго сорта, действительно лишенный и углубления, и идеалистического благородства, ум, смешанный с мелкой хитростью и лукавством».

Каковы результаты столыпинских преобразований в Беларуси?

Столыпинскую аграрную реформу считают продолжением реформы 1861 г. Началом послужил правительственный указ от 9 ноября 1906 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», согласно которому каждый хозяин дома, имевший в своем пользовании общинную наделную землю, мог потребовать закрепления ее в личную собственность. В тех общинах, где на протяжении последних 24 лет переделы не проводились, желающий перейти от общинного к личному землевладению получал всю землю, которой фактически пользовался, за исключением арендованной. В тех же общинах, где проводились переделы, каждый, кто выходил из общины, должен был заплатить обществу за лишнюю часть, превышавшую душевую норму по оценке 1861 г., причем плата оказывалась в 2—3 раза ниже рыночной цены на землю. От реформы Столыпина большую выгоду получали зажиточные крестьяне, имевшие в своем распоряжении денежные и другие средства.

В случае выхода из общины крестьяне сохраняли за собой право пользования землями, находившимися ранее в общем владении: лесными угодьями, выгонами, пашней. Выход из общины производился в течение месяца со дня подачи заявления решением общего собрания крестьян-домохозяев большинством голосов. Если же общество согласия не давало, его мог дать земский начальник. Хозяин дома, за которым закреплялась наделная земля, имел право вместо имеющихся у него земельных полосок получить участок в одном месте — хутор. Указ предусматривал переход целых обществ с общинным или подворным землепользованием к владению отрубам (с сохранением приусадебных участков по месту жительства) при согласии двух третей крестьян общества, а также права собственности хозяина дома на землю и другое имущество, в то время как в общине это являлось семейной собственностью всех членов двора.

В октябре 1908 г. указ от 9 ноября 1906 г. выносится на рассмотрение III Государственной думы. Затем, одобренный Государственным советом и утвержденный Николаем II, он публикуется 14 июня 1910 г., получив силу закона.

Об указе 9 ноября 1906 г. Столыпин сказал на заседании Думы: «А смысл закона, идея его для всех ясна.

В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община, как принудительный союз, ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью, надо дать ему власть над землей, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. Закон вместе с тем не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли».

Проведение аграрной реформы возлагалось на Министерство внутренних дел и подчиненный ему департамент полиции, а на местах — на губернский и уездный административно-полицейский аппараты. Использовались также земельные, судебные и финансовые органы. Размежеванием земли занимались уездные и губернские землеустроительные комиссии, созданные указом правительства от 4 марта 1906 г. Они состояли из помещиков, чиновников и незначительного числа зажиточных крестьян. Комиссии обязаны были содействовать крестьянам в покупке земли у частных лиц при помощи Крестьянского поземельного банка; организовывать продажу казенных земель, сдачу их крестьянам в аренду; содействовать переселению на казенные земли азиатской России, помогать сельским обществам и отдельным домохозяевам в улучшении условий землевладения и порядка землепользования. Руководил комиссиями комитет по землеустроительным делам, учрежденный при главном управлении землеустройства и земледелия.

В Витебской губернии уже в 1906 г. было создано 5 уездных землеустроительных комиссий, в 1907 г. — еще 6. В Могилевской губернии во всех 11 уездах комиссии были образованы в течение года. В 1907 г. они стали работать в Минской и других губерниях. Только в Гродно губернская землеустроительная комиссия не была создана, ее функции выполняло губернское по крестьянским делам присутствие.

Законом от 29 мая 1911 г. правительство расширило права комиссий, предоставив им возможность проводить землеустроительные работы. Аграрная реформа широко рекламировалась. Только в Минской губернии было создано 65 показательных хуторов и 1604 показательных участка. Средний размер такого хутора составлял

11,3 десятины. При каждом был фруктовый сад из 20—30 деревьев. В районы хуторского расселения организовывались экскурсии для желающих. В Могилевской губернии устраивались поездки крестьян-общинников на образцовые хутора Оршанского уезда.

К началу реформы Столыпина в Минской и Гродненской губерниях общинное землевладение исчезло, в Виленской — практически не существовало, а в Могилевской и Витебской губерниях общинные земли составляли значительные площади. В 1907—1915 гг. в пяти западных губерниях России только на наделной земле создано 113,8 тысячи хуторов и отрубных хозяйств, во владении которых находилось свыше 1116 тысяч десятин. Это составляло свыше 10 процентов земельной площади всех крестьянских дворов и почти 15 процентов — наделного землевладения. Больше всего хуторов и отрубов — 44 128, занимавших без малого четверть всей земельной площади, было создано в Витебской губернии. Всего на наделной, казенной и банковской земле в Беларуси возникло свыше 123 тысяч хуторов и отрубов, что составляло 12 процентов всех крестьянских дворов. Таким образом, в Беларуси процент крестьян, вышедших на хутора и отруба, был более высоким, чем в целом по России, где он не достиг и 10 процентов.

В хуторизации были заинтересованы в первую очередь зажиточные крестьяне, которые хотели вырваться из тесных рамок общины. Часть середняцких хозяйств стремилась уйти на хутора из-за боязни, что им достанутся худшие участки. Значительная часть бедных крестьян закрепляла за собой землю, чтобы тут же ее продать. Только в 1907—1914 гг. в пяти западных губерниях крестьяне продали 187 816 десятин земли, полученной во владение. На Крестьянский поземельный банк возлагалась задача продажи крестьянам дворянских земель, нарезанных хуторами, по выгодным для дворян ценам. В интересах помещиков банк повысил цену на землю. В 1901—1905 гг. десятина стоила 82 рубля, в 1913-м — уже 106.

Составной частью аграрной политики Российской империи являлось переселение крестьян на окраины страны, главным образом в Сибирь. За 8 лет (1907—1914 гг.) из Беларуси на восток переселилось 335 369 человек. Почти половина всех переселенцев — 47,3 процента — пришлась на Могилевскую губернию. Основную категорию переселенцев составляли малоземельные крестья-

яне. На всех переселенческих пунктах в среднем на семью выдавалось путевых 4 рубля 79 копеек, короткорочных ссуд — 2 рубля 61 копейка, возвратной помощи — 2 рубля 93 копейки. Однако помощь получали не все. Переселенцы из Витебской губернии направлялись преимущественно в Енисейскую, Томскую и Тобольскую губернии, а из Минской, кроме того, в Иркутскую губернию, в Амурскую, Приморскую; Семипалатинскую и Акмолинскую области. Газета «Могилевский вестник» в номере за 7 августа 1907 г. писала: «Приезжают переселенцы в Сибирь, являются на переселенческий пункт, народу видимо-невидимо. Ожидают раздачи земельных участков, холод, помещения теплого нет, живут в бараках, везде грязь, теснота. Участков земли не нарезано, разъехаться на жилье некуда, остались в бараках проводить неопределенное время. Дождались переселенцы теплых дней, посмотрели в суму, мало чего там осталось, не надолго хватит, а насекомые немилосердно едят... Повернули наши мужички оглобли, дай бог ноги, да скорей на родину».

В 1907—1914 гг. из всех уехавших на восток белорусов каждый десятый вернулся домой.

Столыпинские преобразования полностью успехом не увенчались. Главная экономическая цель их — открыть простор для развития производительных сил в сельском хозяйстве, расчистить дорогу капитализму в деревне — достигнута не была. И потому, прежде всего, что крупное помещичье землевладение осталось большей частью нетронутым, в результате реформы сократилось лишь частично. В Беларуси площадь помещичьего землевладения в 1917 г. составляла практически половину общей. Сохранение латифундий привело к тому, что большинство пережитков крепостничества в ходе реформы так и не было устранено.

*Какие военные операции проводились
на территории Беларуси
в первую мировую войну?*

Белорусские губернии были объявлены на военном положении 18 июля 1914 г. — за день до начала первой мировой войны. Запрещались собрания, шествия, манифестации, продажа газет и книг без разрешения военных властей. Первоначально активные военные действия проходили на западноевропейском театре войны. Наступа-

тельные операции против русских войск германское командование развернуло в 1915 г. Если в начале войны против них действовали 50 пехотных и 13 кавалерийских дивизий, из них германских 9 пехотных и одна кавалерийская, то к лету 1915 г.— уже 137 пехотных и 24 кавалерийских дивизии, из них германских — 42 пехотных и 10 кавалерийских.

К сентябрю 1915 г. русские войска, оставив Польшу, отошли на рубеж Немана, Свислочи, Беловежской пуши, Ясельды. Была сдана крепость Ковно, под угрозой сдачи оказались крепости Усть-Двинск и Гродно, не подготовленные к обороне. 3 сентября русские войска оставили Гродно.

В Петербурге вследствие дворцовых интриг от должности Верховного главнокомандующего был отстранен великий князь Николай Николаевич. Функции Верховного главнокомандующего взял на себя Николай II. Начальником штаба стал М. В. Алексеев, главнокомандующим Западным фронтом — А. Е. Эверт. Если Николай Николаевич не сумел обеспечить достаточно твердого стратегического руководства войсками, то Николай II вообще оказался не способен осуществлять его. Фактически верховное командование сосредоточил в своих руках М. В. Алексеев.

Такие крупные перемены в русском верховном главнокомандовании оказались очень несвоевременными, облегчив противнику выполнение намеченных задач. Как только командующий Восточным фронтом П. фон Гинденбург узнал о переменах, в районе Вильно он приказал немедленно начать операцию, ставшую известной как «Святынский прорыв». От других она отличалась тем, что велась в условиях серьезного истощения сил обеих сторон. Большой некомплект личного состава в войсках, недостаток или отсутствие пополнения, неотрегулированная работа тылов, усталость войск после напряженной летней кампании 1915 г.— таковы отличительные особенности этой операции. После неудачной попытки окружить 10-ю русскую армию и взять Вильно, 8 сентября 1915 г. германские войска начали наступление на Святыны и 9 сентября прорвали фронт, направив свою конницу на Святыны — Борисов. Кавалерийская группа из шести дивизий, действуя в тылу русских войск, захватила 14 сентября Вилейку и подошла к Молодечно. Отдельные ее части дошли до Борисова, а отряд конных егерей повредил железную дорогу близ Смолевичей. Русские вой-

ска оставили Вильно. 16—17 сентября в районе Молодечно, Вилейки и Сморгони 2-я русская армия остановила наступление германских войск. После десятидневных боев немцы отступили в район озер Нарочь — Свирь. Русские войска отошли за линию Западной Двины. В районе Двинска, Вилейки, Барановичей, Пинска фронт стабилизировался. Обе стороны вынуждены были перейти к позиционной войне.

В общем ходе кампании 1916 г. операции на Восточном фронте имели важное значение. Первой из них была Нарочская, продолжавшаяся с 5 (18) по 16 (29) марта 1916 г. До начала общего наступления армий Антанты, намеченного на май 1916 г., ставка решила провести в марте наступательную операцию русских войск на северном крыле фронта. 3 (16) марта М. В. Алексеев отдает директиву о переходе русских в наступление. Предполагалось выйти на линию Митава, Бауска, Вилькомира, Вильно, Делятичей. Основные удары войска Северного фронта наносили в направлении на Поневеж, Западного — на Свентяны, Вилькомир. Силами 1—2-й армий Северного фронта намечались вспомогательные удары в направлении на Бауски, Шенберг, а силами 10-й армии Западного фронта — на Вильно. Войска Западного фронта начинали наступление 5 (18) марта, Северного — на следующий день. В операции участвовали 1-я, 2-я, 5-я и 10-я армии. Для прорыва фронта и выхода на рубеж Ново-Свентяны — Михалишки главный удар наносила 2-я армия. 1-я, 5-я, 10-я армии вели бои местного значения.

В конце марта полки 7-й дивизии 2-й армии дважды пытались овладеть высотой «Фердинандов нос», однако оба раза — безуспешно. В изнурительных боях 2-я армия потеряла около 80 тысяч человек — почти треть своего состава. Только с германских проволочных заграждений было снято 5 тысяч трупов. Из-за плохого управления войсками, недостатка тяжелой артиллерии и снарядов, наступавшей распутицы Нарочская операция к успеху не привела. Однако, оттянув на себя четыре немецкие резервные дивизии, она облегчила положение французской армии под Верденом.

19 июня 1916 г. с целью поддержать наступление Брусилова — так называемый Брусиловский прорыв — войска Западного фронта начали Барановичскую наступательную операцию. Главный удар планировался из района Барановичей в направлении на Новоградок и Сло-

ним для выхода на рубеж Лида — Гродно. Наступающие имели численный перевес. Однако германская линия обороны состояла из двух-трех укрепленных полос, удаленных одна от другой на расстояние до пяти километров, прорвать которые оказалось нелегко. Два русских корпуса должны были атаковать противника на участке Дробищи — Заосье. Вспомогательные удары наносились севернее Барановичей.

20 июня после артподготовки войска 4-й русской армии под командованием генерала Рагозы перешли в наступление на позиции 9-й германской армии и захватили первую, а на ряде участков и вторую линию обороны противника. Последующие атаки 21—25 июня оказались безуспешными. 27 июня — 11 июля русские войска вынуждены были отбивать контратаки. 12—16 июля силами пяти дивизий они перешли в наступление на участке Скробово — Лабузы, однако и здесь успеха не достигли. В результате Барановичской операции 1916 г. наступающие сумели преодолеть только первую полосу вражеских укреплений, захватив более двух тысяч пленных и несколько пушек. Их потери составили около 40 тысяч человек.

*Как называли белорусов
в конце XVIII — начале XX в.?*

К концу XVIII в. местная шляхта в Беларуси была полонизирована. В погоне за равными правами с польской она принимала католическую веру, забывала родные традиции и язык. Расширялось употребление латинского, немецкого, а со второй половины XVIII в. и французского языков.

Белорусский язык сохранялся в обиходной речи среди крестьян и беднейших горожан. Шляхта презрительно называла их туземцами, тутэйшими, русинами. После посещения Шклова русский генерал С. А. Тучков в 1792 г. написал: «Мы покинули Белорусь. Жители ее, особенно черный народ и земледельцы, в правах и обычаях составляют какую-то смесь русских, поляков, малороссов и Литвы. Язык, употребляемый простым народом и земледельцами или крестьянами, весьма разнится от настоящего польского, употребляемого дворянством. Он ближе подходит к русскому и не имеет такого набора латинских и немецких слов». В то время русский язык называли российским или московским.

Название «Белорусь» в конце XVIII в. употреблялось редко и только по отношению к территории Могилевщины, Витебщины и Полотчины. Западную и центральную части Беларуси называли Литвой, а их жителей — литвинами или литвяками. Слово «Литва» обозначало тогда территорию Великого княжества Литовского (за этнической Литвой сохранялось название «Жмудь»). Литва — это территория Минщины, Слутчiny, Брестчины, Гродненщины, Новогрудчины. Польский король Станислав Август Понятовский однажды заявил: «Мы считаем себя родовитым литвином, потому что родились и приняли святой крест в Волчине, а будучи в рыцарском положении, занимали пост литовского стольника. Даже были в Лиде на сеймике». Литвином называл себя и Тадеуш Костюшко.

В быту средняя и мелкая шляхта часто пользовалась и белорусским языком. Знали его также и в магнатских дворцах. Белорусские песни исполнялись в несвижском замке Радзивиллов. Славился, например, «князь Мирский, старый вежливый кавалер, он играл на гитаре, пел тексты и различные песенки, которых знал без счета, — польские, жмудские, белорусские».

В XIX в. мелкая шляхта и мещане свою этническую принадлежность связывали с религиозной: католики относили себя к полякам, православные — к русским. Вместе с тем на Гродненщине некоторые жители местечек называли себя белорусами. Этническая принадлежность интеллигенции зависела от ее политической ориентации. Относительно небольшая часть чиновничества отождествляла себя с русскими. В крестьянской среде сохранялись иные названия. Так, коренное население Гродненского, Волковысского, Слонимского и частично Слуцкого уездов считало себя литвинами. В Виленской губернии, в Минском и Борисовском уездах литвинами называли только католиков, а православных — белорусами. Жители Поднепровья и верхнего Подвинья нередко называли себя витебцами, могилевцами, гомельцами. В Слуцком уезде население нескольких десятков поселений считало себя черноруссами. Местные названия «пинчуки», «бужане» были распространены среди коренного населения Полесья.

По переписи 1897 г., количество белорусов (в современных границах республики) составляло около 4,8 миллиона человек — примерно три четверти всего населения. В конце XIX — начале XX в. название «белорусы» стало

преобладающим. Однако продолжали существовать и различия по религиозной принадлежности. Историк А. Сапунов в связи с этим заметил: «На вопрос «кто ты?» простолюдин, если он православный, отвечает — русский, а если он католик, то называет себя или поляком, или просто скажет — тутэйший (здесьний)».

Каким был уровень грамотности населения Беларуси в конце XIX в.?

По первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., самая высокая грамотность среди белорусских губерний была в Гродненской — 29,2 процента, в ее городах — 48,4. Самая низкая — в Могилевской губернии — 16,9 процента, в ее городах — 45,3. Наиболее грамотными были лица духовного звания, дворяне и иностранные подданные. По вероисповеданию — протестанты, иудеи, магометане. Грамотность мужского населения значительно превышала грамотность женского. В Могилевской губернии, например, в три с лишним раза, в Минской — в два с половиной раза.

Очень мало было людей, имевших высшее образование. В Виленской губернии их среди мужчин было 0,14 процента. Среди женщин высшее образование имела лишь одна женщина из 10 тысяч.

Существовали ли высшие учебные заведения на территории Беларуси в XIX — начале XX в.?

12 января 1812 г. указом императора Александра I Полоцкая иезуитская коллегия была переименована в академию иезуитского ордена «с присвоением ей преимуществ, дарованных университетам». В июне 1812 г., когда французы уже вступили в Россию, состоялось торжество по случаю открытия академии, однако занятия в ней начались только несколько месяцев спустя — 8 января 1813 г. Академия подчинялась генералу иезуитского ордена, а также министру просвещения. В свою очередь иезуитской академии подчинялись иезуитские школы в Полоцке, Динабурге, Орше, Могилеве, Мстиславле, Витебске, Риге, Одессе, Астрахани и других городах России. В академии были факультеты теологии, языков (изучались русский, французский, немецкий, латинский, греческий и древнееврейский языки), свободных наук

(изучались философия, физика, математика, архитектура, история, гражданское право). Преподавание велось на польском языке. Академия имела библиотеку, типографию, издавала свой журнал на польском языке. До марта 1820 г. вышло 14 номеров журнала.

Журнал основал философ Винцент Бучинский, ответственным редактором был профессор физики и доктор философии Юзеф Цытович. Наряду с ним редакторами и одновременно издателями являлись также профессор красноречия Оршанской коллегии Игнатий Ивицкий, преподаватель греческого и еврейского языков Полоцкой академии Ян Ротхаан, доктор теологии и канонического права Езафат Залесский, профессор математики и естественной истории Якуб Кондрад и другие ученые. Со статьями на страницах журнала выступали отцы-иезуиты в звании профессоров и учащиеся Полоцкой академии. Журнал имел отделы: литературы и свободных наук, морально-философский, физико-математический, истории, критики, литературных известий. Печатались в нем и краеведческие статьи.

13 марта 1820 г. Полоцкая иезуитская академия и подведомственные ей училища упразднены, а иезуиты, забывшие «священный долг не только благодарности, но и верноподданнической присяги» и потому недостойные «пользоваться покровительством российских законов», высылались «под присмотром полиции за пределы государства», чтобы их «впредь ни под каким видом и наименованием не впускать в Россию». Часть имущества отправили в Петербург, часть оставили на месте, около 20 тысяч томов из библиотеки перевезли в Виленский университет, остальные книги разделили между Витебской гимназией и Полоцкой духовной семинарией. Типографию перевели в Киев.

В 1832 г. был закрыт Виленский университет. Не только Литва, но и Беларусь лишались своего интеллектуального и культурного центра.

Указом императора Николая I от 1 мая 1832 г. предписывалось «предложенное к учреждению в Белоруссии высшее учебное заведение оставить в свое время по местной удобности, в г. Орше». Но в связи с тем, что Виленский университет перевели в Киев, указ об открытии лицея в Орше в ноябре 1833 г. был отменен.

В 1848 г. в казенном имении Горы-Горки открытая 15 августа 1840 г. земледельческая школа была преобразована в институт. Цель — «приготовление ученых агро-

номов с высшими теоретическими и практическими познаниями в сельском хозяйстве». Курс обучения был рассчитан на четыре года. Принимали только окончивших гимназии. Выпускникам присваивалась степень агронома или действительного студента агрономии с университетскими правами. При институте имелись учебная ферма, конный завод, стадо племенного скота, мастерские, механический завод. С 1859 г. курс обучения был сокращен до трех лет, вводилось преподавание новых предметов. Ученую степень агронома заменили степенью кандидата агрономии. Лучшие выпускники посылались за границу для продолжения образования.

В институте изучались Закон Божий, русская словесность, хозяйственная статистика России и других европейских государств, полеводство, луговое хозяйство, лесоводство, пчеловодство, домоводство с правилами организации хозяйств и управления поместьями, система оценки поземельных угодий, сельская бухгалтерия, сельскохозяйственная технология и механика, сельская архитектура и геодезия с практическими занятиями, а также математика, физика с метеорологией и климатологией, химия, минералогия, ботаника, зоология, начала правоведения, камеральные науки, рисование и немецкий язык. Издавались «Записки Горы-Горещкого земледельческого института», выходившие в 1852—1857 гг. Каждый год институт выпускал 30—35 специалистов.

По указу императора Александра II от 24 июля 1863 г. институт перевели в столицу Российской империи и переименовали в Петербургский земледельческий институт. Причина — участие студентов в восстании 1863 г.

В 1872 г. министр народного просвещения граф Д. А. Толстой, осматривая учебные заведения Виленского учебного округа, высказал мысль о необходимости учреждения высшего учебного заведения в округе — университета в Полоцке. Его намеревались открыть в здании бывшей иезуитской академии, а затем — в здании военной гимназии. Однако, пока вопрос рассматривался, в Новороссийском университете в Одессе был открыт медицинский факультет. Белорусский историк А. П. Сапунов в связи с этим писал: «Таким образом, как в 1833 году на пути к учреждению встал университет в Киеве, так спустя 40 лет, в 1873 году, на пути к учреждению университета в Полоцке встал университет в Одессе».

27 октября 1911 г. в Витебске состоялось торжественное открытие отделения Московского археологиче-

ского института. «Витебские губернские ведомости» и «Северо-западный голос» сообщили о появлении в Беларуси высшего учебного заведения.

Московский археологический институт был частным учебным заведением с трехлетним курсом обучения. В институте имелись два отделения: археологическое и археографическое. Третий год обучения отводился на практические занятия и подготовку диссертации, защита которой давала слушателю звание ученого архивиста или ученого археолога, специалиста по археологическим памятникам, этнографии, древнему искусству. В действительные слушатели принимались абитуриенты, окончившие курс какого-либо высшего учебного заведения, остальные могли стать вольнослушателями. Выпускники института в отличие от выпускников университетов не получали прав на преподавание в средней школе, чиновничество, льготы по отбыванию воинской повинности.

Министр народного просвещения в частной переписке с витебским губернатором объяснял ему, «что отделение Московского археологического института в Витебске не существует, а Министерством народного просвещения разрешено лишь названному институту организовать систематическое чтение историко-археологических курсов».

Витебское отделение Московского археологического института располагалось в здании местного учительского института. Лекции читали московские профессора четыре раза в неделю по вечерам. Слушатели приходили на занятия после работы. Плата за обучение составляла 80 рублей в год. Городская дума учредила 10 стипендий, уездное земство — стипендию имени П. А. Столыпина. С лекциями в Витебске выступали геолог А. А. Чернов, археолог В. А. Городцов, филологи С. И. Соболевский, Н. И. Новосадский, историк Н. Н. Фирсов, языковед и славист Р. Ф. Бранд и другие ученые. С 1913 г. к чтению лекций стали привлекаться местные специалисты. На вновь созданной кафедре «Древности Северо-Западного края» работал известный белорусский историк и краевед А. П. Сапунов. 2 мая 1914 г. состоялась первая в Беларуси публичная защита диссертации выпускником витебского отделения подполковником В. А. Молчановым на тему «Бес в древнерусском искусстве». За диссертацию Молчанов был удостоен золотой медали. До 1918 года отделение подготовило около 60 специалистов, 12 из

которых защитили диссертации. В связи с началом войны археографическое отделение было закрыто. Временное правительство уравнило Московский археологический институт в правах с университетами. Одно время выпускался рукописный журнал «Белорусская этнография». В связи с закрытием в июле 1922 г. Московского археологического института его витебское отделение также было закрыто.

*Какая первая легальная газета
издавалась на белорусском языке?*

1 (14) сентября 1906 г. в Вильно 10-тысячным тиражом вышел первый номер газеты «Наша доля» — первого легального периодического издания на белорусском языке. Организовала выпуск газеты группа членов партии «Белорусская социалистическая громада». Редактором-издателем являлся И. Тукеркес. Активное участие в создании газеты и выпуске ее первых номеров приняла Тетка (А. Пашкевич). Первый номер открывался ее стихотворением «Наш палетак», посвященным теме национального возрождения белорусов. Статья «Што будзе» выражала платформу центра Громады. «Правіцельства,— падчэрківалось в статье,— не дасць народу ні зямлі, ні праўдзівае свабоды... Асталося яму адно з двух — або так, як даўней, прападаць з голаду, або самому памысліць аб сваёй долі. І ён выступіў на бой за шчасце ўсёй працавітай беднаты... Цяпер бунтаўшчык — увесь стамільённы цёмны, галодны народ. Правіцельства кроўю заліло цэлы край і думала гэтым успакоіць народ. Але штыкамі і кулямі можна прыдушыць народ, можна з усяе Расіі зрабіць адну вялікую магілу, а не ўпраўляці жывымі людзьмі...»

За статью «Што будзе» и заметку «Даход расейскага цара» номер конфисковали.

Во втором номере центральное место занимает статья «Як мужыку палепшыць сваё жыццё». «Не марнуючы часу,— гаворыцца в ней,— павінны і мужыкі рабіць свае саюзы таксама, як ёсць па гарадах саюзы шаўцоў, краўцоў, сталяроў, ткачоў, друкароў і ўсялякіх іншых работнікаў».

Как организовать эти союзы, рассказывается в третьем номере газеты: «Толькі братняю згодаю, толькі саюзам усіх вёсак і двароў вясковая працавітая бедната можа скінуць здзірства багачоў, зможа бараніць сябе ад

усялякіх крыўд, здзеку ды гнібення». Зьдэсь же опублікавана стыхотворенне Якуба Коласа «Беларусам» с такім прымечальным четвэростышнем:

Устаньце, хлопцы, устаньце, браткі!
Устань ты, наша старана!
Ужо глядзіць к нам на палаткі
Жыцця новага вясна.

Палітычэскаму напраўленню газеты, выражаньнему в стыхах «Што будзе», «Як мужыку палепшыць сваё жыццё», в стыхотворенні «Беларусам» і другіх матэрыялах, протыворечыць перадовая стыха чэтвэртага нумэра «Зямлю трэба дабываць не сілаю, не грабляжамі, а законам». Адноўрэмэнна рэдакцыя ссообщала, што выпуск газеты прэкрашчаеця.

18 ноебра і 1 дэкабра 1906 г. вышылі пятый і шэстой нумэра «Нашай долі» пад рэдакцыяй Адама Гэдвілы. Характэрныя антывадаходныя дэятэльнасьць чэрносотэнцаў, газета пісала: «...з гразных нораў выпаўзлі, баючыся сьвету, брыдкія гады. Цяпер яны горда паднялі галовы. Цяпер яны пачулі сваю сілу, калі жменьа гнібцеляў, маючы камандзэра ў Сталыпіне, заліваець кроўю ўсё агромнае гасударства, хочучы патапіць у кроў вьлікі, асвабадзіцельны рух... Імя гадаў — «ісцінна рускія людзі». Іх ёсьць мала, але яны моцныя. Моцныя яны, што за імі стаіць правіцельства з многімі тысячамі штыкоў».

Пять из шести номеров газеты были конфискованы. Решением Виленской судебной палаты от 11 января 1907 г. издание газеты запрещалось, а редактора приговорили к тюремному заключению сроком на один год.

*Когда появилась первая
белорусская профессиональная
театральная труппа?*

В 1907 г. Игнат Терентьевич Буйницкий (1861—1917 гг.) в своем фольварке Поливачи Дисненского уезда Виленской губернии создал самостоятельную театральную труппу. Основой для создания послужили семейные спектакли, белорусские вечеринки. Представления давались не только в Поливачах, но и в Прозороках и других близлежащих деревнях и местечках. В программу входили белорусские народные песни, танцы, чтение стихов и рассказов на белорусском языке. Исполнялись песни «Чаму ж мне не пець», «Дуда-весьялуха», «За гарамі, за лясамі»,

«У горадзе рэчка» и другие; танцы «Юрка», «Гневаш», «Верабей», «Лявоніха», «Мельнік», «Мяцеліца», читались стихи Я. Купалы, Я. Коласа, Я. Лучины, А. Павловича.

Выступления труппы пользовались успехом у зрителей. Вскоре в ее репертуаре появляются небольшие пьесы. Труппа из самодеятельной превращается в профессиональную. Весной 1910 г. театр И. Буйницкого отправился в гастрольную поездку в Вильно. В газете «Наша ніва» был опубликован доброжелательный отзыв о выступлении театра: «У сераду 19 мая адбыўся тут беларускі тэатр. Пастаўлена была арыгінальная камедыя, напісаная К. Каганцом, «Модны шляхцюк»... Камедыя напісана жыва, і яе добра сыгралі, так што публіка не скупілася на апладысменты, ад якіх ажно сцены дрыжэлі».

Драматическая часть репертуара театра складывалась из пьес белорусских, русских, украинских и польских авторов. Кроме «Модного шляхцюка» К. Каганца, шли пьесы «Сватовство» А. Чехова, «По ревизии», «Пошились в дураки» М. Крапивницкого, «В зимний вечер» и «Хам» по Э. Ожешко, «Михалка» Далецких. В несложном декоративном оформлении использовались элементы белорусского народного творчества. Игнат Буйницкий был и режиссером, и актером, и танцором. Режиссировали представления также А. Бурбис и А. Алексеенко. Музыкальной частью руководил Л. Роговский. В состав актерской труппы входили дочери Буйницкого — Ванда и Алена, белорусская поэтесса Тетка (А. Пашкевич), выступавшая в спектаклях под псевдонимом «Крапивиха», А. Бурбис, Забель (З. Абрамович), Воинов, Карский, Зенченко, Миленко, Няленка (Д. Криводубов), Андреева, Гласко, Прокопович, Полиха и другие актеры. Кроме Буйницкого и его дочерей, танцевали Чеслав, Леопольд и Ядвига Родевичи, пел Я. Феоктистов, на музыкальных инструментах играли И. Голер и Д. Криводубов. Кроме Вильно, в 1910 г. театр гастролировал также в Минске, Полоцке, Дисне, Слуцке, Несвиже, Сморгони, Копыле, а в 1911 г. — в Петербурге.

Театр работал в нелегких условиях. Труппа постоянно переезжала, давая на одном месте 2—3 спектакля, нередко артистам приходилось пешком добираться до отдаленных населенных пунктов. Местные власти часто видели в белорусском национальном коллективе крамолу и запрещали его выступления на том основании, что он белорусский. В конце июня 1910 г. театр приехал в

Слуцк, где была поставлена пьеса «Модны шляхцок». Местная шляхта, увидевшая себя в пьесе, как в зеркале, добились от исправника запрещения гастролей театра в Слуцком уезде. Буйницкому пришлось выехать в Минск и ходатайствовать перед губернатором, и только его личные связи и помощь меценатов позволили получить разрешение на гастроли в Минской губернии.

В конце 1912 г. труппа И. Буйницкого во второй раз приехала в Петербург, где 27 декабря выступила на этнографическом вечере. В 1913 г. она гастролировала в Варшаве.

Деятельность первой белорусской профессиональной труппы ограничивалась скромными материальными возможностями. Материальная база театра складывалась из двух источников: личных средств Буйницкого и доходов от сборов. Сборы от спектаклей не покрывали всех расходов, а доходы от усадьбы Буйницкого быстро иссякли. В 1913 г. театр перестал существовать.

22 мая 1914 г. И. Буйницкий публикует в «Нашай ніве» такое объявление: «Збіраю аб'язную беларускую труппу. Хто хоча далучыцца да трупы, прашу ў «Беларускую кнігарню» (Вільня, Завальная, 7) на маё імя паведаміць. Ад мастакоў вымагаецца, каб мелі добры беларускі акцэнт у мове, зналі ўжо сцэну, маглі пяць і танцаваць на сцэне. Ігнат Буйніцкі».

Однако вскоре началась мировая война, и планам Буйницкого не суждено было сбыться.

КРАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

---

*Была ли Октябрьская революция
неизбежна или же явилась результатом
заговора профессиональных революционеров?*

Время меняет оценку исторической роли и значения Октября. Сейчас все чаще раздаются утверждения, что Октябрьская революция — это «национальная трагедия» или «национальная катастрофа», спровоцированная горсткой фанатиков-большевиков, сыгравших на недовольстве озлобленной черни. Не исчерпала себя и черносотенная идея о «жидомасонском заговоре», погубившем «процветающую дотоле Великую Россию!». Не

все отказались от взглядов на развитие истории, которые проповедует «Краткий курс истории ВКП(б)».

Плюрализм в науке — великое благо. Но при этом надо учитывать, что плюрализм мнений неравнозначен истине, к достижению которой и должна стремиться любая дискуссия. Пора, отказавшись от старых догм и новых мифов об Октябре, понять, что революцию нельзя «подготовить», «сделать», как и нельзя спланировать по некоему заранее разработанному сценарию. Один из лидеров партии эсеров В. Чернов в свое время поучительно заметил: «Оправдание революции — не в выигрыше времени и не в экономии сил. То и другое проблематично. Ее оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является единственным способом двинуться вперед там и тогда, где и когда упрямство командующих групп и классов пытается глухой стеной отстаивать мощное и неудержимое историческое движение».

С 1905 по 1917 год в России произошли три революции, вовлекшие в свои орбиты десятки миллионов людей. Эти факты не объяснить действиями отдельных партий, течений, групп. Революции совершаются в те моменты, когда общество попадает в безвыходное положение. В процветающих странах люди бунтуют редко: они думают не о разрушении, а о приумножении своих благ. Невозможно изнасиловать массовое сознание благополучного общества, нельзя спровоцировать людей срубить сук, на котором они сидят. Значит, существовали корни, которые следует искать в дофевральской России.

Поскольку в своем Отечестве «пророков нет», обратимся к мнению профессора Индианского университета А. Рабиновича, автора широко известного труда «Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде». «В подавляющем большинстве исследований, осуществленных западными учеными с середины 60-х годов, — подчеркивает автор, — высказаны обоснованные сомнения относительно долгосрочной эффективности тех политических и экономических реформ, которые претворялись в жизнь в период 1905—1914 годов (включая и реформы, предпринятые Витте и Столыпиным). Эти исследования убедительно доказывают, что как политическая, так и социальная напряженность в российском обществе накануне первой мировой войны стала скорее более, чем менее острой. А следовательно, корни Октябрьской революции не в меньшей мере, чем Февральской, уходят в тот исторический опыт России,

который был характерен для ее позднего, империалистического периода развития».

Русский капитализм не смог решить задачу индустриализации страны. Тем не менее справедливости ради отметим, что с 1861 по 1913 г. объем промышленного производства увеличился в России в 12 раз, хотя отставание от ведущих капиталистических стран в выпуске промышленной продукции на душу населения по-прежнему оставалось громадным. Если в 1861 году душевой чистый национальный продукт России составлял примерно половину душевого продукта Франции и Германии, пятую часть — Великобритании и седьмую — США, то в 1913 г. разница стала еще более значительной.

Предпринятый Россией рывок усилил разлаженность народного хозяйства, довел его до критической отметки. Два фактора в этой обстановке стали катализатором новой социальной революции: мировая война и отсталость страны. Долгая, малопонятная, жестокая и мучительная война в невероятной степени «якобинизировала» людские массы. Все чаще звучали требования безотлагательного решения не только политических, но и социальных проблем — заключения мира, получения земли, введения рабочего контроля, что стало своеобразным испытанием для всех партий, претендовавших на руководство массами, — от кадетов до большевиков.

Из действовавших в 1917 году в России примерно 50 партий большинство по разным причинам, исключая большевиков, практически поддерживало не народ, а политику Временного правительства, пытающегося ввести революцию в «спокойное русло», остановить ее на «февральском рубеже». Парадоксально, но факт: собранную во Временном правительстве и вокруг него интеллектуальную элиту — ученых, экономистов, политиков — народ презирал за нерешительность, половинчатость осуществляемых преобразований. Власть была полностью дискредитирована, став сначала предметом всеобщих насмешек, а затем и ненависти. Несбывшиеся надежды — грозный революционный потенциал. Массы пришли в движение, а правительство ограничивалось полумерами. Но пружину людского терпения нельзя сжимать до бесконечности. Наступает предел, когда от формулы «так жить нельзя» люди переходят к решительным действиям. И тогда разжимающаяся пружина бьет по тем, кто ее сжимал.

Большевики предложили простой выход — взять ша-

тающуюся власть. Они обещали крестьянам землю, фабрики — рабочим, солдатам — мир. С точки зрения крестьян, рабочих и солдат, это, безусловно, было благом. И за большевиками пошли: им поверили.

Бывший марксист, а впоследствии кадет и монархист П. Струве уже в эмиграции писал: «Логичен в революции, верен ее существу, был только большевизм, а потому в революции победил он». На то, что другой, реальной, силы, которая могла бы остановить распад и хаос в стране, кроме большевиков, в то время не было, указывал и видный русский философ Н. Бердяев: «В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способен овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям».

Характерно, что точно так же думали и многие меньшевики. Например, меньшевистская газета «Новая жизнь» 24 октября признала: «Большевики — это не шайка злоумышленников, которых можно легко расстрелять или посадить в Кресты; и их выступление не есть попытка дворцового переворота. Большевики опираются на подавляющую часть того населения, которое вообще способно за кем-либо идти, чтобы делать какую-либо политику». Значит, упрекать в том, что Февральская революция «не остановилась», а пошла к октябрьским рубежам, следует не большевиков, а их противников: осуществи они чаяния народных масс, и Октябрь, возможно, был бы не нужен.

Кроме того, большевики пытались договориться с меньшевиками и эсерами. После корниловщины они предложили коалицию, в которой сами не претендовали на главенство. Предполагалось, что меньшевики и эсеры сформируют свое правительство, а большевики выступят в роли конструктивной оппозиции. «Берите власть», — говорили им. Но меньшевики и эсеры на это не пошли — они не смогли разорвать давних связей с буржуазией и военными. Позднее лидер эсеров Чернов назвал этот феномен «властебоязнью». А уход меньшевиков и эсеров со II съезда Советов меньшевик Н. Суханов оценил так: «Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группой новоожизненцев, мы своими руками отдали боль-

шевикам монополию над Советами, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина».

К тому же А. Луначарский от имени большевиков немедленно поддержал на съезде высказанное Мартовым и единогласно принятое затем предложение создать коалиционное правительство с участием всех демократических сил. Но этот исторический шанс, как видим, был упущен. «Что тут сыграло роль? — пишет один из известных исследователей Октябрьской революции профессор Г. Иоффе. — Недоверие партий друг к другу, партийная амбициозность, теоретический догматизм, властебоязнь одних и стремление к власти других? Наверное, все вместе. Надо, однако, признать, что все социалистические партии — от большевиков до эсеров и энесов — оказались не на высоте государственных задач, перед которыми поставила их история после корниловщины. Партийные распри пересилили понимание общенациональных интересов. Результат — раскол социалистического фронта, через который и прорвалась, все более и более расширяясь, гражданская война».

Тем не менее львиная доля вины за несостоявшуюся коалицию социалистических партий, за несохранение гражданского мира лежит на большевистской партии, в которой победило леворадикальное крыло, возглавляемое Лениным, а осмотрительные «каменевцы» потерпели поражение. И Ленин, и Троцкий, и Сталин, и Бухарин исходили из того, что политическая демократия по своей сути буржуазна и потому должна быть ликвидирована. Стремление Ленина и Троцкого перейти от коалиционной, кадетско-правосоциалистической власти прямо к власти Советов, к пролетарско-плебейской диктатуре, минуя власть кооперативов, фабзавкомов, профсоюзов, армейских комитетов и других организаций, вынудило правых меньшевиков и эсеров повернуть еще правее, блокироваться с буржуазией. А большевики, одержав победу, не проявили ни малейшего желания уступить власть или поделиться ею с кем бы то ни было.

Как справедливо считает А. Рабинович, идеалы 1917 года «поначалу были подорваны борьбой за выживание в гражданской войне, а затем и вовсе уничтожены Сталиным».

Нужна ли вообще была революция, повлекшая за собой столько крови и бед? Ведь в годы гражданской войны Россия потеряла около 15 миллионов человек,

а только на полях военных сражений — около 900 тысяч. На это хорошо ответил Н. Бердяев: «...революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования. В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду, но судящие силы сами творят зло; в революции и добро осуществляется силами зла, так как добрые силы были бессильны реализовать свое добро в истории».

*Участвовали ли в работе
II Всероссийского съезда Советов
рабочих и солдатских депутатов
представители белорусского народа?*

К началу Октябрьской революции Временное правительство было почти полностью дискредитировано, вокруг него возник вакуум, правительство практически никто не поддерживал. Доказательством может служить штурм Зимнего дворца. В одной из телефонограмм сообщалось: «В 2 часа 4 мин. (ночь с 25 на 26 октября) был взят Зимний дворец. 6 человек убито — павловцев. Комендантом Зимнего дворца (назначен) Чудновский».

Большевики, опираясь на массовое движение, являлись в то время наиболее последовательными выразителями воли, интересов и требований этого движения. Интересно тогдашнее признание лидера меньшевиков Л. Мартова: «Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить к антиподу — большевикам, которые «проще» и больше «дерзают», словом, по своей демократичности больше приемлемы для широких некультурных масс. Ввиду этого... люди... сплошь и рядом нас покидают и идут к большевикам».

Практически радикализм большевиков совпал с возросшим радикализмом народных масс, что во многом предопределило успех Октябрьского вооруженного восстания. Большинство народа, поставленное перед решающим выбором — власть Советов или диктатура военщины, — вполне сознательно, по собственному выбору, стало на сторону Советов. Это и подтвердил II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшийся в Петрограде 25 октября 1917 г. Он был весьма представительным. Своих делегатов направили 402 Совета страны — на 10 больше, чем на I съезд. Состав съезда свидетельствовал о полной победе большевиков. Из 649 человек, прошедших регистрацию, 390 яв-

лялись членами большевистской партии. А если учесть, что в октябрьских событиях участвовали не только большевики, но и левые эсеры и анархисты, их преимущество выглядело подавляющим: только левых эсеров было 179.

Прибыли на съезд и представители Советов Беларуси и солдатских организаций Западного фронта. Из десяти Советов белорусских губерний и семи войсковых комитетов Западного фронта и Минского округа, высказавших на съезде свое официальное отношение к свершившейся революции, за установление власти Советов высказалось десять Советов и четыре войсковых комитета, за власть демократии и коалиции — три Совета и три войсковых комитета. По неполным данным, на II съезде Советов от белорусских губерний и Западного фронта было 63 делегата. Из них большевиков — 34, левых эсеров — 7, правых эсеров и центра — 11, меньшевиков — 5, бундовцев — 1, представителей Поалей-Циона — 3, беспартийных — 1 и один делегат невыясненной партийности.

В Беларуси Советская власть в губернских и большинстве уездных центров, на важнейших железнодорожных узлах установилась примерно в первые три недели после революции — в основном в те же сроки, что и в промышленных районах России. В отчете об организации и упрочении Советской власти в Западной области, poslanном председателю Совнаркома В. И. Ленину, Обл-искомзап сообщил: «Процесс перехода власти к Советам в Западной области, т. е. губерниях Могилевской, Витебской, Минской и части Виленской, начавшийся в дни Октябрьской революции, протекал чрезвычайно быстро и уже спустя 2 недели завершился во всех более или менее крупных пунктах победой Советской власти... и к концу первых брестских мирных переговоров власть на Западном фронте и в области была вполне налажена».

Крестьянство, составляющее большинство населения Беларуси, солдаты Западного фронта (одетые в солдатские шинели крестьяне) поддержали лозунг «Вся власть Советам!» — лозунг победившей революции. Таким образом, в борьбе за власть в конце 1917 г. пролетариат поддержало практически все крестьянство. Это произошло потому, что пролетарская революция против капиталистов совпала в России с крестьянской революцией против помещиков.

*Каково значение Декрета о земле
и как он выполнялся в Беларуси?*

Центральным вопросом общественно-политической жизни России, «гвоздем» всех русских революций был аграрно-крестьянский вопрос, сфокусировавший сложный комплекс противоречий. Крестьянство, составлявшее четверть всего населения (в белорусских губерниях — около 86 процентов), опутанное полукрепостнической системой эксплуатации, страдало от малоземелья, высоких налогов и огромной задолженности Крестьянскому поземельному банку. К 1917 году около 79 тысяч помещичьих хозяйств сосредоточили в своих руках более 100 миллионов десятин лучшей земли, а на долю 15 миллионов крестьянских хозяйств приходилось лишь 138 миллионов десятин. Удельный вес крупных помещичьих хозяйств в Беларуси был выше, чем в России. Помещикам, буржуазии, казне, церкви принадлежало здесь две трети всей земли, и только треть ее занимали крестьянские наделы. Вот почему борьба за землю вылилась в России в широкое антипомещичье и революционно-демократическое движение. Крестьянство не могло получить землю из рук буржуазного правительства: финансовый капитал был кровно заинтересован в сохранении помещичьего землевладения, поскольку свыше 60 процентов частных земельных владений оказались заложенными в банках. Это было выгодно и помещикам и капиталистам. Отвоевать землю крестьяне могли, лишь борясь за другую власть. Естественно поэтому, что одним из первых актов Октября было установление новых земельных отношений. 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял Декрет о земле. Его первый пункт гласил: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа». Вся земля обращалась во всенародное достояние: установление государственной собственности на землю означало фактическую ее национализацию. Составной частью Декрета о земле явился «Крестьянский наказ о земле», подготовленный эсерами на основе крестьянских наказов. Помимо требований безвозмездного отчуждения всех видов земель, включая крестьянскую, передачи в исключительное пользование государства или общины земельных участков с высококультурными хозяйствами и всего хозяйственного инвентаря, конфискованных земель, «Крестьянский наказ»

содержал и требования выбора форм землепользования (подворной, хуторской, общинной, артельной), запрещения наемного труда и уравнительного (по числу едоков или рабочих рук) распределения земли. В Декрете можно выделить четыре положения: ликвидацию помещичьего землевладения, национализацию земли, передачу земли в распоряжение крестьянских организаций и уравнительное землепользование. Три первых положения соответствовали аграрной программе большевиков, изложенной Лениным на Апрельской конференции. В то же время стремление широких крестьянских масс к уравниловке в земельных отношениях выражало их неверные представления о возможности покончить таким образом с вековой нуждой и беспросветной бедностью.

Декрет о земле лишь в общих чертах определял основы землеустройства после ликвидации помещичьего землевладения. Новым этапом в развитии аграрного законодательства Советской власти явился принятый 27 января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов Закон о социализации земли. После Декрета о земле он стал основным законодательным актом, на основании которого проходило уравнительное распределение земли среди крестьянства. В целом дополнительно к наделной земле российские крестьяне получили более 150 миллионов гектаров земли всех видов нетрудового пользования. Только отмена арендных платежей помещикам и расходов на покупку новых участков составила ежегодную сумму в 700 миллионов рублей золотом. Кроме того, крестьяне освобождались от огромного долга Крестьянскому поземельному банку, им передавался помещичий инвентарь на сумму 300—350 миллионов рублей. Созданные в июне 1918 г. комитеты бедноты за полгода своего существования реквизировали у зажиточных крестьянских хозяйств более 50 миллионов гектаров земель и также передали их бедным крестьянам. К концу 1918 г. в бывших зажиточных хозяйствах оставалось около 30 миллионов гектаров. У кулаков были реквизированы все сельскохозяйственные машины, значительная часть рабочего и продуктивного скота. Экономическая база кулачества практически была разрушена.

Отсутствие полных статистических данных не позволяет точно определить количество земли, распределенной Советами в 1918 г. во всех белорусских уездах и волостях, тем более что в освобожденной западной части Беларуси к концу 1918 г. аграрные преобразования еще

не завершились. Только в Витебской и Могилевской губерниях (западные области оказались отторгнутыми от республики на целых двадцать лет) из общего фонда нетрудовых земель в 794 854 десятины к концу 1918 г. было распределено между крестьянами 434 259 десятин, между совхозами — 24 279 и между коммунами и артелями — 11 505 десятин. Нетронутой оставалась земля в районах, только что освобожденных от оккупации и еще оккупированных германскими войсками. Крестьяне также освобождались от платежей помещикам за землю, которые составили более 78 миллионов золотых рублей, и ежегодной арендной платы в сумме около 50 миллионов рублей.

После Октябрьской революции крестьяне восточных белорусских губерний получили до начала коллективизации примерно 2,2 миллиона гектаров земли.

Как избиралось Учредительное собрание и почему оно было распущено?

Термин «Учредительное собрание», пришедший в 20-й век из времени Великой французской революции, подразумевает выборное собрание народных представителей, призванное учредить буржуазное государственное устройство вместо феодальной монархии. По мнению большевиков, требование Учредительного собрания, включенное в Программу РСДРП на II съезде в 1903 г., должно было ввести или узаконить демократическую республику. Когда, однако, в процессе революции Советы проявили себя как центры сплочения революционных сил, «зачатки революционной власти», идея Учредительного собрания стала для большевиков второстепенной. Одновременно они допускали, что Учредительное собрание могло бы выполнить роль революционного конвента, не подменяя систему Советов. Не парламентская республика, а республика Советов «снизу доверху», подчеркивал лидер большевиков Ленин.

По существу роль всенародного Учредительного собрания выполнил II съезд Советов. Но идея Учредительного собрания была достаточно популярна среди народных масс, особенно среди крестьян. Учитывая это, Советская власть подтвердила обязательство созвать Учредительное собрание в документах II Всероссийского съезда Советов, в постановлении Советского правительства от 27 октября 1917 г. о созыве Учредительного собрания

в назначенный ранее срок (9 августа Временное правительство назначило выборы Учредительного собрания на 12 ноября и его созыв на 28 ноября 1917 г.). Отрешиться, избавиться от иллюзий широкие массы могли, только увидев, чьи интересы выражает Учредительное собрание. Весьма поучительно в этом отношении признание одного из лидеров эсеровской партии М. А. Спиридоновой: «Мы... повинны в затемнении сознания народных масс тем, что заставляли народ видеть в Учредительном собрании своего спасителя».

12 ноября 1917 г. в 75 избирательных округах начались выборы в Учредительное собрание. По тем временам население страны получило демократическое избирательное право: существовал только возрастной ценз — 18 лет для военнослужаших и 20 для гражданских лиц, все остальные цензы — имущественный, оседлости, грамотности — упразднились, женщины получали равные избирательные права с мужчинами. Голосовали за списки — партии и группы выставляли своих кандидатов списками, вычеркивание конкретных кандидатов не допускалось. В Витебске, например, баллотировалось 14 списков, в Гомеле — 11, в Минской губернии — 12. На территории Беларуси были образованы четыре избирательных округа: Минский, Могилевский, Витебский и Западно-фронтной.

Каковы же итоги выборов? По сохранившимся данным, в 68 округах проголосовало 44 433 тысячи избирателей (более половины их не участвовало в голосовании). Большевики, получив 24 процента голосов, имели решающий перевес в Петрограде, Москве, в других крупных городах, во многих тыловых гарнизонах, на Северном и Западном фронтах и на Балтийском флоте. За мелкобуржуазные партии (включая националистические) проголосовало 59 процентов избирателей, за буржуазно-помещичьи вместе с националистическими — 17 процентов.

При этом, однако, не следует забывать, что выборы проводились в условиях, когда еще не во всех районах России победила Советская власть, а декреты о мире и земле не везде были известны. Кроме того, население голосовало за старые кандидатские списки, составленные еще в сентябре 1917 г., до раскола партии эсеров фактически на две партии — левых и правых эсеров. В списки были включены преимущественно правые эсеры, что и обеспечило им большинство в Учредительном собрании.

К тому же выборы проводили прежние избирательные комиссии, земства и городские думы, допустившие немало злоупотреблений. О том, что многие шли за большевиками, свидетельствуют итоги выборов в Учредительное собрание в белорусских губерниях и на Западном фронте. Так, из 56 избранных депутатов 30 являлись большевиками и 22 эсерами (преимущественно левыми). Четыре депутата представляли различные националистические организации. В четырех избирательных округах Беларуси за большевиков проголосовала половина избирателей.

Во всех крупных промышленных центрах Беларуси рабочие отдали свои голоса большевикам. Так, в Минске они получили 26,7 процента, в Витебске — 34,8 процента голосов избирателей. На выборах потерпели поражение белорусские националистические партии. На Западном фронте и во всех округах за них проголосовало менее процента избирателей. Не добились успеха и еврейские националистические партии.

После выборов политическая борьба вокруг Учредительного собрания обострилась. Учитывая неблагоприятные для большевиков итоги выборов, противники большевизма стали готовиться к реваншу. Документы того времени свидетельствуют, что, требуя созыва «учредилки», рабочие и крестьяне связывали с этим признание власти Советов и декретов II съезда Советов. Так, крестьяне Дудичской волости Речицкого уезда заявили: «Только такое Учредительное собрание будет поддержано крестьянами, которое признает власть Советов». Съезд крестьян Городокского уезда Витебской губернии постановил: «Учредительное собрание должно явиться не хозяином земли русской, а лишь для того, чтобы подробно разработать и утвердить все изданные декреты. Если же Учредительное собрание не признает власти Советов ... то таковое должно быть распущено...»

Но эсерово-меньшевистское большинство Учредительного собрания избрало путь не сотрудничества, а борьбы. 5 января 1918 г. открывшееся Учредительное собрание, заслушав «Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа», отказалось ее обсуждать. После этого народные представители перешли к рассмотрению законопроектов о мире, о земле, о государственном устройстве России, подготовленных правыми эсерами. Большевики покинули зал заседаний. Вслед за ними ушли и левые эсеры. Распуск Учредительного собрания стал неизбежен, и декретом ВЦИК, принятым в ночь на 7 января 1918 г., оно было распущено.

*Как сказались Брестский
и Рижский мирные договоры
на судьбе белорусского народа?*

Брестский и Рижский мирные договоры — драматические страницы в истории белорусского народа. Их несправедливый, грабительский характер бесспорен и не вызывает сомнений. Однако если Брестский договор существовал только полгода и 13 ноября 1918 г. был аннулирован ВЦИК РСФСР, то Рижский действовал 18 лет и имел более тяжелые последствия для белорусского народа.

При подписании этих договоров Беларусь как самостоятельная республика не рассматривалась: все вопросы за нее решали представители РСФСР, хотя впервые Социалистическая Советская Республика Белоруссия была провозглашена 1 января 1919 г., а повторно — 31 июля 1920 г.

В то время многие члены ЦК РКП(б) отличались национальным нигилизмом, жили романтическими надеждами на победоносное шествие мировой революции. Так же думали и рядовые коммунисты, в представлении которых национальный вопрос должен был решаться в «перспективе мировой революции». Приведем в этой связи выдержки из письма наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) 30 декабря 1920 г.: «...на Парижской конференции не следует вводить Белоруссию как непосредственного участника, а надо ограничиться имеющейся уже сейчас комбинацией, т. е. мандатом от Белоруссии правительству РСФСР, который был подтвержден белорусским съездом Советов без непосредственного мандата от Белоруссии делегации в Риге, делегация остается русско-украинской, но правительство РСФСР... имеет полномочия от Белоруссии. Идти за пределы этой комбинации нецелесообразно... в случае появления непосредственно белорусской делегации в Риге она там опрокинет все наши дипломатические комбинации...»

С другой стороны, на переговорах в Риге польская сторона не принимала в расчет существование самостоятельной Белорусской Советской Республики. По словам А. Г. Червякова, входившего в состав делегации РСФСР, польская делегация ультимативно потребовала: «либо плебисцит во всей Белоруссии, либо никаких разговоров о самоопределении народов и раздел Белоруссии».

Она действовала не по законам справедливости, а по праву сильного.

Участниками Брестского договора были РСФСР, Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция. Советская делегация в составе Г. Я. Сокольников (председатель), Л. М. Карахана (секретарь), Г. И. Петровского, Г. В. Черина, А. А. Иоффе (консультант) 3 марта 1918 года подписала мир, демонстративно не обсуждая его условий. В оглашенной ею в тот же день на заседании в Брест-Литовске декларации «Перед лицом рабочих, крестьян и солдат России и Германии, перед лицом трудящихся и эксплуатируемых классов всего мира» подчеркивался вынужденный характер такого решения.

Итак, долгожданный мир был подписан. Для России он обернулся серьезными потерями. Советские войска оставляли Беларусь, Украину, Лифляндию, Эстонию, Финляндию, Аландские острова, округа Ардагана, Карса и Батуми — всего около миллиона квадратных километров. Армия и флот РСФСР подлежали полной демобилизации. Правительство РСФСР не могло облагать пошлинами вывоз леса и руд. Россия обязывалась выплатить Германии контрибуцию в размере 6 миллиардов марок. В ходе февральско-мартовского наступления на севере и в центре Беларуси немецкие войска вышли на линию Россоны — Полоцк — Орша — Жлобин. От Жлобина линия фронта поворачивала на юго-восток к Новозыбкову. В оккупированной зоне оставался Гомель.

В соответствии со статьями Брест-Литовского мирного договора четыре пятых территории Беларуси попададо под власть оккупантов. Южная часть республики — Гомельский, Мозырский, Речицкий и Пинские уезды — выделялись в отдельную Полесскую губернию, присоединяемую к гетманской Украине. Оставшаяся территория, на которой сохранилась Советская власть, не превышала 40 тысяч квадратных километров.

Брест-Литовский договор на четыре дня пережил революцию в Германии. 13 ноября ВЦИК РСФСР заявил: «...условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения, Брест-Литовский договор... в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным». К концу февраля 1919 года почти вся белорусская земля была очищена от оккупантов. Однако с изгнанием кайзеровских войск испытания для белорусского народа не кончились. Над только что родившейся ССР Белоруссии нависла угроза порабощения

со стороны Польши, поддерживаемой странами Антанты. Жестокий режим установили польские оккупанты на белорусской земле. Вновь, как и в 1918 году, в республике развернулись партизанское движение и подпольная борьба. Наступление Красной Армии, поддержанное партизанами в тылу противника, летом 1920 г. привело к изгнанию оккупантов. Однако неудачи под Варшавой заставили Красную Армию отступить за Брест и Барановичи. Угроза оккупации вновь нависла над Минском.

Несмотря на помощь и временные военные успехи Польши, сил продолжать войну у нее не хватило. Поэтому польское руководство вынуждено было пойти на заключение мира с Советской страной. 12 октября 1920 г. РСФСР и УССР подписали предварительный мирный договор с Польшей, правящие круги которой выжидали удобный момент для возобновления военных действий против Красной Армии. Рижский мирный договор был подписан 18 марта 1921 г. По нему к Польше отходили огромные площади восточнее линии Керзона, составлявшие почти половину территории Беларуси.

*Как проходило становление
белорусской национальной
государственности после октября 1917 г.?*

Живучими оказались догмы и стереотипы сталинского толка в национальной политике. В угоду устоявшимся схемам и формулам проблемы национально-государственного строительства в Беларуси лакировались, а то и просто искажались. XX съезд КПСС немного прояснил ситуацию, однако только демократизация и гласность позволили освободиться от деформаций.

Уже в декретах II Всероссийского съезда Советов были законодательно определены основные принципы национальной политики государства диктатуры пролетариата: равенство, суверенность и братство народов, пролетарский интернационализм. 2 ноября 1917 г. Советское правительство приняло акт, позволивший практически претворить в жизнь большевистскую программу по национальному вопросу, — «Декларацию прав народов России». В этом документе провозглашались равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Отменялись также все и всякие национальные и национально-религиозные приви-

легии и ограничения, предполагалось свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Однако право наций на самоопределение автоматически сработать не могло: процесс осложнили гражданская война и неоднократное иностранное военное вмешательство. Кроме того, совершив в октябре 1917 года революцию, лидеры и рядовые члены большевистской партии были убеждены, что вся планета стоит в преддверии всемирной пролетарской революции, развитие которой виделось им как распространение Советов по всему миру. Разумеется, их прообразом выступала РСФСР. В этом отношении самоопределение наций, создание советских национальных республик выглядело делом ненужным, вредным, ибо вело, как считалось, к возведению искусственных барьеров на пути победного шествия мировой революции. Подобных взглядов придерживалось и большинство руководителей Северо-Западного обкома РСДРП(б) — А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин, Р. В. Пикель, И. И. Рейнгольд и другие.

Трудности создания белорусской государственности усугублялись еще и тем, что после революции национально-освободительное движение в Беларуси оказалось по идейным соображениям расколотым. В нем выделились левые организации, тяготеющие к революционной борьбе, и правое крыло, выражавшее интересы крупных землевладельцев и предпринимателей.

Местные националисты не приняли Октябрьской революции и под флагом «национального самоопределения» выступили против Советской власти. 27 октября Великая Белорусская рада, Центральная белорусская войсковая рада в «Грамоте к белорусскому народу» открыто выразили свою враждебность диктатуре пролетариата. В частности, свержение Временного правительства они оценивали как анархию, которая угрожает правам и свободам белорусского народа. Так появилась идея создания «белорусской буржуазной национальной государственности», хотя у многих рабочих и крестьян подобное желание вызвало протесты. Об этом говорят и итоги выборов в Учредительное собрание по Беларуси: за списки националистических партий и организаций проголосовало всего лишь 0,3 процента участвовавших в выборах избирателей.

Однако в тех непростых условиях недооценка руководителями Северо-Западного обкома партии значимости

национального вопроса привела к тому, что инициативу перехватили деятели рады и близкого к ним Белорусского областного комитета (БОК) при Всероссийском Совете крестьянских депутатов.

В начале декабря 1917 г. БОК обратился в Наркомнац РСФСР с предложением о совместной работе и созыве краевого съезда крестьянских депутатов. При этом лидеры комитета и его председатель Е. С. Канчер заявили о признании декретов II Всероссийского съезда и всей структуры Советов в Беларуси. Поэтому Наркомнац, исходя из принципов «Декларации прав народов России», пошел навстречу комитету и разрешил созыв съезда совместно с местными органами власти. Для этой цели Совнарком РСФСР выделил БОК ссуду в размере 50 тысяч рублей и предоставил ему право пользоваться телеграфом и радио. Однако лидеры БОК вели двойную игру: их позиция по национальному вопросу практически совпадала с позицией рады, и поэтому деловая подготовка краевого съезда велась не в контакте с Советами Беларуси, а с Белорусской радой. В этом альянсе роль первой скрипки играл БОК, который пытался опереться на более широкую социальную базу. После жарких дискуссий Великая Белорусская рада и БОК пришли к соглашению объединить созванный радой на 5 декабря 1917 года Белорусский съезд с намеченным на 15 декабря I Всебелорусским съездом.

Съезд открылся 15 декабря, объединив различные политические течения. Из 1872 делегатов большинство составляли представители волостных, уездных и губернских земств, земельных комитетов, учительских организаций, союза земских и почтово-телеграфных служащих, националистических организаций. Представителей Советов рабочих и солдатских депутатов на нем не было. На съезде БОК стремился реализовать следующие политические цели: создать в Западной области «краевую власть» и «общественно-политический уклад», отвечающий «интересам белорусского трудового народа». С этой целью лидеры БОК, в большинстве своем правые эсеры, утверждали, что Облискомзап и СНК Западной области и фронта являются органами власти Западного фронта и не выражают национальные чаяния белорусского народа.

Логика борьбы привела к тому, что съезд объявил о взятии им власти в свои руки. Временным органом Белорусской демократической республики стала рада

съезда, которой поручалось в ближайшее время созвать Учредительное собрание. Поскольку Всебелорусский съезд, который позднее стал называться Всебелорусским конгрессом, не признал власть Советов, взял курс на отделение Беларуси от Советской России и провозглашение буржуазно-демократической республики, СНК Западной области принял решение: «Оцепить здание, где происходит заседание Белорусского съезда, арестовать президиум съезда, и равно избранный им орган краевой власти, отозвав со съезда... большевиков и стоящих на точке зрения Советской власти, и самый съезд объявить распущенным».

В сложном переплетении социальных и национальных интересов, вызванных к жизни Октябрьской революцией, руководящие партийные работники Беларуси нередко запаздывали с решением национальных проблем. Так случилось и с Всебелорусским съездом, в составе которого, по воспоминаниям О. Л. Дыло, наркома труда в первом советском белорусском правительстве, было довольно сильное левое течение, тяготевшее к большевикам. На это указывал и член Северо-Западного обкома РСДРП(б) В. Г. Кнорин: «Несмотря на то, что съезд был созван правосоциалистическими белорусскими элементами, на нем была довольно сильной левая фракция, и при умелом партийном руководстве, возможно, удалось бы съезд расколоть и его революционную часть объединить под советским флагом. Но это не было сделано из-за ряда упущений».

Эту ошибку Северо-Западный обком РСДРП(б) попытался исправить на своей III Чрезвычайной конференции, проходившей в конце декабря 1917 г. в Минске. В повестку дня был включен и национальный вопрос, по которому с докладом выступил председатель Совнаркома Западной области К. И. Ландер. В обсуждении доклада, по сообщениям прессы, участвовали многие делегаты, была принята и специальная резолюция. Однако питать какие-либо иллюзии по поводу этой резолюции не стоит. Национальный вопрос руководители области решали на основе национального нигилизма. А. Ф. Мясников, В. Г. Кнорин, Р. В. Пикель, И. И. Рейнгольд и другие абсолютизировали принципы областной автономии, по которым все белорусские губернии объединяются в территориальную областную единицу и на этой основе входят в состав РСФСР. Кроме того, некоторые члены областного комитета партии (и Кнорин в их числе)

считали, что белорусы только часть русской нации, обладающие незначительными этнографическими особенностями. Поэтому для них принцип самоопределения наций неприемлем. Все это усложняло процессы национально-государственного строительства в республике.

Весьма неоднозначно складывались взаимоотношения руководителей Западной области с Белнацкомом и белорусскими коммунистическими секциями. Сегодня, когда рассеивается завеса лжи и идеологических фабрикаций, служивших «от имени науки» политике отлучения и остракизма, настало время назвать вещи своими именами, окончательно снять ярлыки «националистов» с работников Белнацкома.

Белорусский национальный комиссариат (Белнацком) был создан в Петрограде декретом Совнаркома РСФСР 31 января 1918 г. Декрет гласил: «При Народном комиссариате по делам национальностей организуется Комиссариат по делам белорусов. Комиссаром по делам белорусов назначается тов. Александр Григорьевич Червяков, товарищем его — Владислав Викентьевич Скорычко». Учредителями Белнацкома являлись Белорусская социал-демократическая рабочая партия (БСДРП), возникшая осенью 1917 г. на базе Нарвенской организации Белорусской социалистической громады (БСГ), и Петроградская организация БСГ.

В марте 1918 г. Белнацком переехал в Москву, где и работал до марта 1919 г. В Петрограде, Витебске и Смоленске были созданы отделения комиссариата, а в российских губерниях, где проживало более полутора миллионов белорусских беженцев, работали эмиссары Белнацкома. Среди беженцев было много коммунистов, которые стали создавать свои объединения — белорусские коммунистические секции. Такие секции возникли в Петрограде, Москве, Саратове, Тамбове и других городах России. Белнацком и секции, работая в тесном контакте, немало сделали для образования БССР.

Вместе с тем советские и партийные органы Западной области тратили много сил и энергии на борьбу с националистами, деятельность которых оживилась после оккупации Минска кайзеровскими войсками. Исполком Всебелорусского съезда, избранный подпольно еще в декабре 1917 г., 19 февраля создал правительство — «Народный секретариат Белоруссии». 9 марта 1918 г. члены рады провозгласили Белорусскую Народную Республику, а 25 марта заявили о независимости Беларуси

от Советской России. Правительство БНР обратилось к правительствам многих стран с просьбой о признании. Однако те просьбы проигнорировали. В телеграмме германскому императору Вильгельму II деятели БНР выразили слова «глубокой благодарности за освобождение германскими войсками Белоруссии», просили его поддержать их в образовании независимой и неделимой «Белоруссии в союзе с Германской империей». Только под германским покровительством они видели свою страну процветающей в будущем. Телеграмму подписали члены рады БНР И. Середа, И. Воронко, Р. Скирмунт, А. Авсяник, П. Алексюк, П. Кричевский, Я. Лёсик. Послание сыграло плохую службу для рады.

Телеграмма явилась своеобразным катализатором, ускорившим кризис в рядах БНР. Весьма симптоматично в этом отношении признание члена ЦК БСГ С. Рак-Михайловского: «Я не могу понять социалистической Громады. Как могла Громада привести белорусский народ к Вильгельму? Как смогла Громада бросить себя к трону Вильгельма и подать свой голос Раде за союз белорусской демократии с империалистической Германией?.. Громада этой телеграммой себя погубила».

Не связав воедино национальные и социальные задачи, рада БНР не смогла привлечь на свою сторону широкие народные массы, в первую очередь белорусское крестьянство, которое в то время остро нуждалось и в хлебе, и в земле. Отсюда и изменчивая ориентация радовцев то на Германию, то на Польшу. Позже многие из них вступили на путь сотрудничества с Советской властью.

БНР подчеркнула идею, которую стремились воплотить в жизнь представители белорусских национальных партий и других политических течений, не признававших Советскую власть. С окончанием гражданской войны, в эмиграции, радовцы вынуждены были признать крах своих устремлений. В октябре 1925 г. на совещании в Берлине они приняли резолюцию, которая определила Минск центром возрождения белорусской нации и объявляла «всякие попытки борьбы против него предательством дела освободительного белорусского движения». Постановление подписали А. Цвикевич, К. Езавитов, В. Прокулевич, А. Головинский, Л. Заяц.

Активному росту национального самосознания во многом способствовала целенаправленная деятельность Белнацкома. В среде сотрудников Белнацкома вынашива-

лась идея создания Белорусской области на правах автономии в составе РСФСР. При этом речь шла не об административной единице, а о политическом автономном образовании. Такую же идею провозгласил и Всероссийский съезд белорусских беженцев, созванный Белнацкомом летом 1918 г.

Иную позицию занимали руководители Облискомзапа и Северо-Западного обкома, продолжавшие недооценивать национальный вопрос, утверждая, что всякое самоопределение народа будет только на руку буржуазии. Отдел Белискомзапа по делам национальностей был закрыт. Сотрудничество с Белнацкомом полностью отвергалось. В сентябре 1918 г. в Смоленск прибыла делегация Белнацкома во главе с заведующим отделом труда И. В. Лагуном. Делегации было поручено предложить обкому партии придать Западной области автономный статус и переименовать ее в «Белорусско-Литовскую область». Предложение было отвергнуто, а третий съезд Советов области в сентябре 1918 г. дал области новое название — Западная коммуна. Из этого следует, что, хотя Белнацком и боролся за осуществление права на самоопределение белорусского народа, в своих требованиях он не выходил за рамки областной автономии, а его вполне здоровые устремления к консолидации белорусской нации характеризовались «областниками» в Смоленске как националистические. Такой подход серьезно препятствовал строительству белорусской национальной государственности.

Победа ноябрьской революции в 1918 г. в Германии создала в Беларуси новую политическую обстановку. Правительство РСФСР аннулировало Брестский мирный договор. На освобождавшихся от германской оккупационной армии территориях восстанавливалась Советская власть.

29 ноября 1918 г. Ленин в телеграмме главному И. И. Вацетису просил дать указание командному составу Красной Армии о всяческой поддержке временных советских правительств Украины, Литвы, Латвии и Эстляндии. Беларусь в этой телеграмме не упоминается. Таковы были реалии того времени. Спустя четыре месяца, в марте 1919 г., I Учредительный конгресс Коминтерна провозгласил программу борьбы за мировую пролетарскую диктатуру, за мировой коммунизм. Средством ее выполнения избиралась «революционная война». К тому же руководство Западной области по-преж-

нему придерживалось «областных» взглядов на государственное строительство в Беларуси, а центральные органы в Москве не могли не учитывать его мнение. Так, 13 ноября «Правда», оценивая работу Облкомзапа, писала: «При ее создании (Западной области) было проявлено много творческого, организаторского в области административной». И, как бы соглашаясь с этой оценкой, 23 декабря 1918 г. ВЦИК принял решение о сохранении Западной области, определив и ее территорию.

События того времени позволяют утверждать, что взгляды руководителей Западной коммуны во многом совпадали с позицией Комиссара Наркомнаца И. Сталина, считавшего, что создание независимых национальных республик — явление в политике временное. Об этом же в номере газеты «Западная коммуна» за 21 декабря 1918 г. писал и В. Кнорин: «Провозглашение Советской Республики Белоруссии не только не служило бы интересам борьбы с националистическими тенденциями мелкой буржуазии, но как раз развивало бы и давало бы простор этим тенденциям. А это не в интересах социалистической революции. То, что мы признаем допустимым в одном месте в силу тактических соображений, не должно быть перенесено в другие места...»

Однако к концу декабря 1918 г. ситуация резко меняется. В Польше к власти приходит правительство Пилсудского, опирающееся на поддержку Антанты и поднявшее на щит идею «Великой Польши в исторических границах». В этой обстановке ЦК РКП(б) пришел к выводу, что образование БССР объективно будет способствовать упрочению международного положения Советской страны, защите революции и Советской власти. Фактически Беларуси отводилась роль буферного государства между коммунистической Россией и Польшей.

И все же сохранившиеся многочисленные постановления и резолюции собраний, сходов, съездов Советов во второй половине 1918 г. свидетельствуют о возросшем национальном самосознании белорусского народа. Чувствуя это, Белнацком и белорусские секции пытались ускорить решение вопроса о создании белорусской национальной государственности.

21—23 декабря 1918 г. в Москве прошла конференция белорусских секций. В ее работе участвовали представители шести секций: Московской, Петроградской, Саратовской, Тамбовской, Минской, Невельской. Конфе-

рeнция высказалась за самоопределение Беларуси. В телеграмме во ВЦИК выражалась надежда, что Советское правительство, «...проводя в жизнь принципы федеративного социалистического строительства, осуществит идею создания Советской Белоруссии». Избранное на конференции Центральное Бюро в составе Д. Жилуновича, Ф. Балбеки, А. Червякова, И. Нецецкого, М. Драко-Дракана, О. Дыло предоставило в ЦК РКП(б) все материалы, связанные с работой конференции.

25 декабря 1918 г. из Москвы в Смоленск была послана телеграмма ЦК РКП(б), в которой полностью одобрялась идея образования Белорусского Советского правительства. В тот же день в Наркомназе состоялось совещание ответственных сотрудников Белнацкома, ЦБ белорусских секций и комитета Московской белорусской секции РКП(б). Совещание признало, что в целях укрепления и расширения завоеваний революции в настоящий момент появилась необходимость провозглашения белорусской нации как самостоятельной во всех отношениях.

На втором совещании, 27 декабря, обсуждались организационные вопросы, ставшие позднее известными как «шесть условий тов. Сталина по созданию Белорусской Советской Республики и Компартии Белоруссии». Однако «шесть условий Сталина» содержали положения, ничего общего со статусом суверенной Беларуси не имеющие. Шестой пункт «условий» гласил, что «права ЦБ партии и отделов правительства остаются такими же, как и бывшего ОК партии и отделов Облискомзапа». Тем самым провозглашение республики практически ничего не меняло. Отсюда и указание, данное Сталиным Мясникову 25 декабря: «Необходимо произвести только некоторые изменения конструкции Облискомзапа».

30—31 декабря в Смоленске состоялась VI Северо-Западная конференция, провозгласившая себя I съездом КП(б)Б. В ее работе участвовали 176 делегатов с решающим голосом и 30 — с совещательным, представлявших 17 771 члена партии. В докладе «По текущему моменту», с которым выступил Мясников, содержался специальный раздел «Белорусская Советская Республика». Причины образования республики докладчик объяснил международным положением: «Наша Западная область представляет собой тот пароход, куда устремляются на Советскую Россию силы черного интернационала. Нужно замкнуть цепь всех советско-самоопределяющихся образований». В докладе ничего не сказано о национальных

устремлениях белорусов, которые и являлись определяющими в создании белорусского государства. Не говорится об этом и в резолюции конференции.

На съезде завершился процесс организационного оформления КП(б)Б как составной части РКП(б). Съезд избрал Центральное Бюро Компартии Белоруссии из 15 человек. В него вошли: А. Ф. Мясников (председатель), В. Г. Кнорин (секретарь), М. И. Калманович (заместитель), Г. П. Найденов, Р. В. Пикель, И. И. Рейнгольд, С. В. Иванов, Я. Ф. Перно, В. З. Соболев, И. В. Лагун, В. С. Селезнев, И. Я. Алибегов, А. А. Андреев, Д. Ф. Жилунович, В. И. Яркин. После этого трения, существовавшие между белорусскими секциями и Белнацкомом, с одной стороны, и руководством Западной области — с другой, не исчезли, а, наоборот, обострились при формировании ЦБ и правительства республики. После окончания съезда Жилунович стал настаивать на пересмотре состава ЦБ КП(б)Б, в которое вошли только два представителя от секций — он сам и Лагун, считая, что заслуги белорусских секций в создании БССР и Компартии Белоруссии позволяют им делегировать в состав вновь избираемого ЦБ свое Центральное Бюро в полном составе. А когда эти требования были отвергнуты, Жилунович вышел из состава ЦБ КП(б)Б.

Ситуация еще больше осложнилась в связи с формированием правительства. Перед отъездом из Москвы у Жилуновича, который ознакомился с составом будущего правительства, возникло одно лишь замечание, вскоре учтенное. Первоначально предполагалось, что он будет совмещать посты председателя правительства и комиссара по иностранным делам. Для поддержания равновесия в правительстве между «смолянами» и «московскими белорусами» Жилунович передал портфель комиссара по иностранным делам представителю белорусских секций В. С. Фальскому.

Во Временное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии, состоящее из 17 человек, вошли семь представителей секций: Д. Ф. Жилунович, В. С. Фальский, О. Л. Дыло, Д. С. Чернушевич, А. И. Кваченюк, А. Г. Червяков и И. И. Пузырев. Остальные представляли Западную область: А. Ф. Мясников, С. В. Иванов, И. П. Савицкий, М. И. Калманович, М. И. Рейнгольд, Ф. Г. Шантырь, Р. В. Пикель, А. А. Андреев, К. Ф. Розенталь, С. И. Берсон. Однако «московские белорусы» в лице своего представителя Жилуновича потребовали исключе-

ния из правительства комиссаров по военным делам А. Ф. Мясникова, снабжению — М. И. Калмановича и народному хозяйству — Р. В. Пикеля, активно выступивших против образования Белорусской Советской Республики. Реакция последовала незамедлительно: 1 января 1919 г. Мясников отправил телеграмму Сталину, в которой говорилось, что приехавшие из Москвы товарищи «поставили себя в изолированное положение, устраивая свои совещания, противопоставляя себя нам и выставляя ряд ультиматумов».

Разумеется, ЦК РКП(б) не мог одобрить позицию Жилуновича, который, отдавая должное национальному вопросу, стремился сформировать политически зрелое, работоспособное правительство, которое хорошо разбиралось бы в нюансах сложнейшей экономической и политической обстановки. Поэтому в адрес ЦБ КП(б)Б из ЦК РКП(б) пришел такой ответ: «Предложение Жилуновича о невключении трех членов нахожу дезорганизаторским и в корне противоречащим решениям партии. Никаких особых решений группы Жилуновича не может быть. Список членов, всего 17, является окончательным. Я требую от Жилуновича, его группы категорического ответа на вопрос, подчиняется ли он беспрекословно решению ЦК партии. Жду срочного ответа. По поручению ЦК партии. Сталин».

Позднее позицию Жилуновича расценили как враждебную, националистическую. «Вождь народов» не прощал инакомыслия. Факты подтверждают, как непросто, драматически решались вопросы национально-государственного строительства в республике.

Временное рабоче-крестьянское правительство, которое возглавил Д. Ф. Жилунович, в ночь с 1 на 2 января 1919 года приняло написанный им Манифест о провозглашении Белорусской Советской Социалистической Республики. Спустя месяц в Минске состоялся I Всебелорусский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, принявший ряд законодательных актов и тем самым юридически оформивший создание БССР. Съезд принял Конституцию БССР, в качестве образца взяв Конституцию РСФСР 1918 года. В соответствии с конституцией съезд избрал ЦИК из 50 человек. Был избран также Президиум ЦИК БССР во главе с Мясниковым. В отличие от Конституции РСФСР Конституция БССР не предусматривала организацию Совета Народных Комиссаров. Центральный Исполнительный

Комитет БССР избрал большой и малый Президиумы ЦИК для общего управления делами и руководства народным хозяйством республики.

Участвовавший в работе съезда председатель ВЦИК Я. М. Свердлов провозгласил постановление Президиума ВЦИК о признании независимости БССР. На съезде была принята декларация о необходимости немедленного установления федеративных отношений с Советской Россией.

*Каковы особенности проведения
в Беларуси новой экономической политики?*

После X съезда РКП(б), провозгласившего в марте 1921 г. замену продразверстки продналогом, политика Советского государства круто изменилась. Возникшие перед страной новые проблемы не могли быть решены военными, сугубо административными или исключительно насильственными методами. Они диктовали необходимость введения новой экономической политики — нэпа.

Большевикам пришлось решительно отказаться от бестоварных и безденежных постулатов марксизма XIX века. Выступая 5 июля 1921 года на III Всемирном конгрессе Коминтерна, их лидер Ленин подчеркнул, что «свобода торговли означает свободу капитализма, но вместе с тем новую его форму. Это значит, что мы, до известной степени, заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это — государственный капитализм».

От «ломки» капитализма пришлось перейти к оживлению торговли и мелкого предпринимательства. Новая экономическая политика предполагала укрепление союза рабочего класса и крестьянства на экономической основе, развитие промышленности на базе электрификации, кооперирование населения, использование товарно-денежных отношений, повсеместное внедрение хозрасчета, личной заинтересованности в результатах труда, временное допущение капиталистических элементов в экономику, совершенствование государственного планирования и управления, борьбу с бюрократизмом, административно-командными замашками, комчванством, повышение культуры во всех сферах человеческой деятельности. При этом учитывались экономические, политические, национальные и природные условия каждого конкретного региона.

В Беларуси проведение новой экономической политики началось в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Разруха, разрыв или ослабление ранее имевшихся хозяйственных связей, распыление рабочего класса, бедственное положение всего населения проявились здесь значительно острее, чем в других районах страны. Промышленность и сельское хозяйство республики дошли до крайней степени обнищания. Из 815 крупных промышленных предприятий бездействовало 470, валовая продукция сельского хозяйства составляла чуть более половины довоенной.

До 1924 года Беларусь состояла из шести уездов бывшей Минской губернии. Занимаемая ею площадь составляла всего лишь 52,3 тысячи квадратных километров: большая часть территории, населенной белорусами, входила в состав бывших Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, которые тогда были подчинены РСФСР.

Своеобразие нэпа на территории Беларуси обуславливалось социально-экономической структурой хозяйства, сложившейся в процессе ее развития. Сельское хозяйство преобладало над промышленностью, преимущественно мелкой и отчасти средней. Крупных фабрик и заводов, имевших общегосударственное значение, практически не было. Средние предприятия занимались в основном переработкой продукции сельского и лесного хозяйства. Около половины всей промышленной продукции производили мелкие кустари и ремесленники.

На экономике республики сказывались и последствия Рижского мирного договора. Отторжение западных районов нарушило исторически сложившиеся экономические связи. Необходимо было искать новые рынки сбыта и источники сырья взамен утраченных.

Положение усугублялось тем, что Беларусь находилась, как тогда говорили, «на западном аванпосте советских республик», граничила с Латвией и Польшей. Такое соседство вызывало целый ряд специфических трудностей. Несмотря на Рижский мирный договор, Польша не прекратила антисоветские акции. К марту 1921 г. антисоветские отряды, сконцентрированные вблизи польско-советской границы, насчитывали свыше 13 тысяч человек. Вторгаясь на советскую территорию, они совершали диверсии, грабежи, убийства. За девять месяцев 1921 г. на территории республики было зарегистрировано около 250 диверсионных актов. При этом умело использовалось

недовольство крестьян политикой «военного коммунизма».

В таких условиях в Беларуси пришлось восстанавливать промышленность, транспорт, промыслы, оживить торговлю, укреплять связи между городом и деревней. Тем не менее хозяйственный механизм нэпа побуждал к более высокой производительности и добросовестной работе. Стимулировали это действовавшие в республике методы соединения личных интересов с общественными. И результаты не замедлили сказаться. В 1925 г. уровень сельского хозяйства республики в основном достиг довоенного, а в следующем превысил среднегодовые показатели 1911—1913 гг. почти на 10 процентов. Народ республики был накормлен и одет, горожане стали больше потреблять мяса. Хватало для населения и хлеба.

Главная особенность нэпа — экономическая реформа, основанная на децентрализации и широкой автономии промышленных предприятий, переведенных на хозяйственный (в рамках госбюджета и твердых цен) и коммерческий (получение прибыли за счет договорно-рыночных цен) расчеты. Все наркоматы и главки, ранее руководившие народным хозяйством, были упразднены — тресты и синдикаты подчинялись непосредственно ВСНХ. Проводилась также реорганизация республиканских, губернских и уездных совнархозов. В Беларуси тресты были организованы в конце 1921 г. лишь в Гомельской губернии. На остальной территории создавались новые формы управления промышленностью, отличные от форм управления в центральных районах страны. Здесь преобладали мелкие и средние предприятия, объединять которые в тресты было нецелесообразно. Поэтому основными формами управления стали групповые объединения и управления, объединявшие предприятия не только по принципу однородности производства, но и территориально близко расположенные. Однако после укрупнения Беларуси в 1924 г. тресты были созданы уже на всей ее территории. В 1922 г. для обеспечения бесперебойной работы госпредприятий в условиях нехватки материальных, сырьевых и денежных ресурсов из 595 в непосредственном подчинении белорусских совнархозов оставили только 167. Около трехсот предприятий, преимущественно мелких, сдали в аренду частным лицам, что позволяло в одной только Гомельской губернии ежемесячно получать в качестве арендной платы свыше 9800 золотых рублей. Аренда в промышленности была

единственной формой государственного капитализма в Беларуси: концессии и акционерные общества здесь не прижились. Частный капитал, сосредоточив в своих руках почти все предприятия мелкой промышленности, способствовал укреплению экономических связей между городом и деревней.

Новая экономическая политика позволила восстановить численность рабочих, повысить производительность их труда. Уже в 1922/23 г. выработка продукции на одного рабочего в крупной промышленности Беларуси превзошла уровень 1913 г., а в 1927 г. производительность труда превысила довоенный уровень примерно в 1,8 раза. Этому способствовали переход с начала 1923 г. на сдельную оплату труда и выплата зарплаты с 1924 г. не натурой, а твердым рублем. Включалась в зарплату и стоимость коммунальных услуг для семей рабочих и служащих.

Главным регулятором экономической деятельности в Беларуси стал рынок. Одновременно были сняты запреты на торговлю. Преодолевалась инфляция, укреплялась денежная система. Огромная сеть бирж, ярмарок, различных торговых предприятий укрепляла связь промышленности с рынком, с крестьянами. К весне 1924 г., после завершения денежной реформы, в оборот был выпущен червонец, обеспеченный золотом. Оживилась экономическая и культурная жизнь республики.

Как укрупнялась Беларусь?

Создание после Февральской революции Советов в Петрограде и Москве привело к возникновению их и во многих других регионах. К июлю 1917 г. в Беларуси действовало около 150 Советов различных названий. Однако чем больше их становилось, тем многочисленнее были возникавшие перед ними проблемы, тем неотложнее казалась необходимость во всероссийском объединении Советов вокруг естественных центров для преодоления разобщенности, мобилизации людей под лозунгами революции. Уже 29 марта 1917 г. в Петрограде открылось первое Всероссийское совещание депутатов Советов. В принятой резолюции говорилось об образовании 9 областных объединений Советов, причем на равных основаниях перечислялись области, объединявшие несколько губерний по территориальному признаку, и губернии, связанные национальной общностью. В соответствии с

резолюцией 9 апреля исполком Петроградского Совета направил Витебскому Совету телеграмму, в которой предлагал ему взять на себя инициативу созыва областного съезда, а Витебск сделать центром Западной области со следующими губерниями: Минской, Могилевской, Виленской, Смоленской, Витебской и Псковской. С этой целью в Витебске было создано организационное бюро для созыва и проведения областного съезда. В бюро вошло 28 человек, а съезд назначили на 4 мая.

Однако в искусственную схему создания Западной области жизнь внесла свои коррективы. Псков стал центром Северной области, к которому отошла и Витебская губерния. Смоленскую же губернию включили в Московскую область. Собственно Западную область составили Минская, Могилевская и неоккупированные уезды Виленской губернии. Фактическое оформление Западной области произошло на съезде Советов этих губерний в мае 1917 г. с центром в Минске.

Октябрьская революция придала Западной области юридический статус. До наступления кайзеровских войск в феврале 1918 г. Западная область включала в себя Минскую, Могилевскую, часть Виленской и Витебской губерний. Однако границы области во многом были условны. После Октябрьской революции, когда связи центральных и местных органов власти ослабели, на областные объединения возлагалась задача объединить удаленные от центров Советы в единую систему. В письме Наркомвнудела от 22 декабря 1917 г. областные Советы рассматривались как наиболее крупные объединения.

После захвата Германией в феврале 1918 г. новых районов Беларуси Западная область продолжала существовать уже в других территориальных рамках. Свободными от оккупации оставалось лишь 12 уездов Витебской, Минской и Могилевской губерний. В этой связи комиссия Комиссариата внутренних дел на своем заседании 8 апреля 1918 г. постановила: «...признать необходимым как временную меру, чтобы уцелевшие уезды Минской, Могилевской и Витебской губерний вошли в общее объединение со Смоленской губернией и в целях административного сосредоточения». Центром области становился Смоленск.

С освобождением Беларуси от немецкой оккупации возникла проблема национально-государственного строительства на этой территории. 1 января 1919 г. Временное

рабоче-крестьянское правительство провозгласило образование независимой ССР Белоруссии в составе Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской и Смоленской губерний. Днем раньше на I съезде Компартии Белоруссии предполагалось вместо губернского деления ввести семь районов, которые в свою очередь должны были делиться на подрайоны.

Однако международная обстановка изменила ситуацию. В январе 1919 г. Могилевская, Витебская и Смоленская губернии были включены в состав РСФСР. Две губернии, Минская и Гродненская, вошли в новое государственное образование — ЛитБел. К осени 1919 г. польские легионеры захватили практически всю территорию Литовско-Белорусской республики. Мозырский, Дисненский и неоккупированные части Борисовского, Бобруйского и Игуменского уездов были присоединены к РСФСР.

11 июля 1919 г. приказом Наркомата внутренних дел РСФСР была образована Гомельская губерния. В нее вошли 9 уездов упраздненной Могилевской губернии, Речицкий уезд Минской и 4 уезда Черниговской губернии. Мстиславский уезд бывшей Могилевской губернии был передан Смоленской, а Сенненский — Витебской губернии.

После успешного наступления Красной Армии летом 1920 г. 31 июля в освобожденном Минске было объявлено о воссоздании самостоятельной независимой Белорусской республики на началах, провозглашенных в Манифесте революционного рабоче-крестьянского правительства от 1 января 1919 г. В «Декларации о провозглашении независимости ССРБ» подчеркивалось, что «...Социалистическая Советская Республика Белоруссия определяет свою западную границу по этнографической границе между Белоруссией и примыкающими к ней буржуазными государствами. Граница в Социалистической Советской Республике Белоруссии с Советской Россией и Украиной определяется свободным выражением воли белорусского народа на уездных и губернских съездах Советов в полном согласии с правительством РСФСР и ССРУ».

Гражданская война не позволяла провести национально-территориальное размежевание. К августу 1920 г. во вновь провозглашенной независимой Беларуси насчитывалось 18 уездов. После поражения Красной Армии Советская власть сохранилась лишь в шести уездах:

Минском, Бобруйском, Слуцком, Игуменском, Мозырском и Борисовском с населением 1600 тысяч человек. После заключения Рижского мирного договора из коренных белорусских земель к Польше отошли территории нынешних Гродненской и Брестской, а также северо-западные районы Минской и Витебской областей, составляющие почти половину территории республики с населением около 3,5 миллиона человек. Остальные заселенные белорусами земли находились в составе РСФСР.

В сентябре 1922 г. партийные и советские органы БССР подняли в ЦК РКП(б) вопрос о включении в состав республики Витебской, Гомельской и части Смоленской губерний с преобладанием белорусского населения. Однако решение вопроса затянулось на несколько лет из-за того, что руководители Витебской и Гомельской губерний возражали против вхождения в БССР.

В марте 1923 г. VII съезд Компартии Белоруссии принял специальное решение по национальному вопросу, в котором говорилось, что «быстро возродить Советскую Белоруссию можно, включив в территорию Белоруссии родственные ей соседние районы». Спустя два месяца этот вопрос был вынесен на повестку дня Политбюро ЦК РКП(б). Для его решения Президиум ЦИК СССР 7 декабря 1923 г. образовал специальную комиссию под председательством А. С. Енукидзе. Вошедшие в нее представители БССР и РСФСР должны были представить практические предложения об изменении границ между двумя республиками, исходя из постановления Оргбюро ЦК РКП(б) от 29 ноября 1923 г. о включении в Беларусь территорий Витебской губернии, Мстиславского и Горецкого уездов Смоленской губернии и большинства уездов Гомельской губернии как «родственных ей в бытовых, этнографических и хозяйственно-экономических отношениях».

12 января 1924 г. вопрос об укрупнении территории Беларуси обсуждался на V съезде Советов республики. Съезд поручил установить точные границы БССР с РСФСР и УССР, а затем вопрос об укрупнении территории внести на рассмотрение съезда. Между Центральными исполнительными комитетами РСФСР и БССР было заключено соглашение, на основании которого 3 марта 1924 г. ВЦИК издал декрет о передаче Белорусской республике восьми уездов Витебской губернии, шести уездов и ряда волостей Гомельской губернии, Горецкого и части Мстиславского уездов Смоленской губернии.

Окончательно оформил укрупнение республики VI Чрезвычайный съезд Советов Беларуси, состоявшийся 13—17 марта 1924 г.

В декабре 1926 г. ВЦИК РСФСР принял постановление о передаче Беларуси Гомеля и двух уездов — Гомельского и Речицкого, большинство населения которых составляли белорусы. К началу 1927 г. территория БССР составила 125,6 тысячи квадратных километров с населением около 5 миллионов человек.

Окончательно национальное единство белорусов было восстановлено через 13 лет.

*В чем состоит сущность белорусизации
и как она проводилась в республике?*

Белорусизация — не эпизод, а пласт в истории нашей республики, который сегодня можно рассматривать как целый комплекс мероприятий по возрождению белорусской нации, развитию национальной культуры, белорусского языка, школы, выдвижению на руководящие должности представителей коренного населения.

К белорусизации как официальной политике приступили в 1924 г. после большого подготовительного периода, начавшегося в конце гражданской войны. На состоявшемся в 1920 г. II Всебелорусском съезде Советов была подчеркнута необходимость широкого распространения родного языка. Уже в первый год после освобождения Беларуси от оккупации Народный комиссариат земледелия республики приступил к переводу делопроизводства на белорусский язык, на котором тогда говорило абсолютное большинство занятого в сельском хозяйстве населения. Такую же инициативу проявили Народные комиссариаты просвещения и иностранных дел. В феврале 1921 г. ЦИК БССР подтвердил принятый еще в 1919 г. правительством Литовско-Белорусской ССР декрет о равноправии белорусского, русского, еврейского и польского языков, наметил ряд мер по совершенствованию системы дошкольного воспитания и школьного образования, работы профессионально-технических училищ и техникумов. Закладывались принципы трудовой школы и преподавания на родном языке. Крупным событием в жизни белорусского народа стало открытие 30 октября 1921 г. Белорусского государственного университета. С помощью Народного комиссариата просвещения РСФСР в БГУ были созданы факультеты: медицинский,

общественных наук, педагогический и народного хозяйства. Из Москвы для работы в университете прибыли В. И. Пичета, Н. А. Прилежаев, Н. М. Никольский, В. Н. Перцев и другие видные ученые. В 1922 г. на базе объединившихся Горецкого земледельческого и Минского сельскохозяйственного институтов в Горках создали Белорусскую сельскохозяйственную академию. Был образован и Институт белорусской культуры (Инбелкульт) с десятью секциями и постоянными комиссиями. В Инбелкульте работали также еврейский и польский отделы. Издательская деятельность разворачивалась на базе издательств «Белтрестпечать» и «Савецкая Беларусь». Только за 1925 г. выпуск литературы на белорусском языке возрос на 129 процентов, на еврейском — на 130, на польском — на 108 процентов, а на русском сократился почти наполовину. Мощный импульс политике белорусизации придало укрупнение территории республики в 1924—1926 гг.

Исторически сложилось так, что белорусы в основном являлись сельскими жителями, евреи проживали в городах и местечках (более половины всех жителей), а в городах, как правило, — русские. Отсюда и своеобразная языковая ситуация в республике: русскоязычный город и белорусскоязычная деревня. Вековая колонизаторская и русификаторская политика на территории Беларуси привела к тому, что белорусский язык даже в сознании сельских жителей считался языком «второго сорта», «мужицким», поскольку столетиями не использовался в государственном делопроизводстве, в обучении детей. В 1920 г. белорусские губернии среди губерний европейской части России по грамотности населения — 33 процента — занимали предпоследнее место. Особенно низкой была грамотность в белорусских деревнях. Это обстоятельство не могло не влиять на непропорционально низкую долю белорусов в органах власти и управления — в среднем менее четверти состава. К тому же среди советского и партийного актива республики было немало выходцев из мелкобуржуазных национальных партий, в том числе и сионистских — на республиканском уровне около 40, на окружном — свыше 25 процентов. Естественно, вступив в Коммунистическую партию, они не смогли сразу расстаться с прежним идеологическим багажом. Это также сказывалось на проведении национальной политики.

15 июля 1924 г. II сессия ЦИК Беларуси приняла

постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики». Белорусский, еврейский, русский и польский языки на территории республики объявлялись равноправными, причем белорусскому, как языку преимущественному, отдавалось предпочтение в отношениях между государственными, профессиональными и общественными организациями и учреждениями. Одновременно с этим каждому гражданину БССР любой национальности обеспечивались право и реальная возможность пользоваться родным языком. Кроме того, с целью обеспечения прав белорусского населения, составляющего в республике большинство, сессия предложила всем наркоматам перевести делопроизводство на белорусский язык в сроки от одного до трех лет, причем в первую очередь те наркоматы, которые в своей деятельности больше всего соприкасались с деревней. Было принято также решение основные белорусские законы печатать на четырех языках. Каждому сотруднику организации или учреждения следовало знать белорусский и русский языки. Кроме того, во всех учреждениях должно было быть определенное количество сотрудников, владеющих еврейским или польским языками.

Всем ведомствам и организациям республики вменялось в обязанность организовать для служащих курсы по изучению белорусского языка, подготовить штаты.

Сессия приняла также ряд постановлений в области народного просвещения с целью обеспечить за населением Беларуси право обучать своих детей на родном языке, развивать национальную культуру. Одно из них предусматривало обучение и преподавание в учреждениях социального воспитания и профессионально-технического образования, проведение всех культурно-просветительных мероприятий на материнском языке. При этом белорусский язык, как язык большинства населения республики, и русский, как имеющий общесоюзное значение, являлись обязательными предметами преподавания во всех учебных заведениях Беларуси.

В связи с тем что вошедшие в Беларусь части Витебской, Гомельской и Смоленской губерний в гораздо большей степени испытали на себе влияние царской русификаторской политики и в течение длительного времени были оторваны от белорусских культурных центров, сессия постановила проводить белорусизацию культурно-просветительных учреждений присоединенных частей постепенно и последовательно. Во всех высших учебных

заведениях республики предполагалось создать специальные кафедры по изучению Беларуси (истории, географии, языка, литературы и т. д.), а на педагогическом факультете Белгосуниверситета — учредить специальные секторы для подготовки работников еврейских и польских культурно-просветительных учреждений. Белорусизацию намечалось провести в сроки от трех до пяти лет. Кроме того, сессия поручила Наркомпросу в 1924/25 учебном году провести целый ряд мероприятий по ускорению ее хода.

Всем процессом белорусизации руководила специальная комиссия, созданная Президиумом ЦИК Беларуси. Возглавил комиссию известный государственный деятель А. Хацкевич. Такие же комиссии функционировали при окружных исполнительных комитетах.

Укрупнение Беларуси позволило решить проблему административного районирования. Новое административно-хозяйственное деление, отменяя старые произвольные принципы губернского уездно-волостного деления, устанавливало более крупные административные единицы с твердой хозяйственной базой, наделенные большими правами. Такую реформу провели в республике в 1924—1929 гг. Губернии, уезды и волости упразднялись, а вместо них с существенными изменениями границ создавалось 8 округов, 101 район и 1470 сельсоветов.

В проведении реформы немаловажную роль играл и национальный принцип. В решении II сессии ЦИК БССР подчеркивалось, что при окончательном определении районов и сельсоветов «обеспечить возможность выделения местностей с преобладающим еврейским, польским, латышским, литовским и другим населением в самостоятельные административные единицы». К 1928 г. в республике насчитывалось 23 еврейских, 19 польских, 16 русских, 5 латышских, 2 украинских и 2 немецких Совета. При создании национальных единиц учитывался главным образом состав населения. В 1932 г. был образован отдельный польский район с центром в Дзержинске.

Политика белорусизации опиралась на укреплявшуюся экономическую базу. После гражданской войны в республике развивалась крупная промышленность. Значительно увеличились посевные площади, урожайность сельскохозяйственных культур. Стабилизировалась финансовая система, повысился жизненный уровень населения.

Результаты такой национальной политики проявились уже в 1925 году. Полностью перевели делопроизводство на белорусский язык аппарат ЦИК БССР и его комиссии, Белорусский государственный музей, Белгиз, все окружные отделы народного образования, Калининский окрисполком и его отделы, почти все райисполкомы и сельсоветы. Именно в то время на литературном небосклоне республики ярко засияли такие имена, как М. Чарот, К. Чорны, М. Лыньков, К. Крапива, М. Зарецкий. В полный голос заявило о себе Всебелорусское объединение поэтов и писателей «Молодняк».

Больших успехов национальная политика достигла в школьном деле. Только летом 1925 г. через курсы белорусоведения прошло переподготовку более тысячи учителей. К 1928 г. 80 процентов школ республики вели преподавание на родном языке. Параллельно шло открытие школ с родным языком обучения и для национальных меньшинств, проживавших на территории Беларуси.

В политику белорусизации вкладывалось не националистическое, а демократическое содержание. Июльский 1923 г. декрет ЦИК СССР и ЦИК БССР предусматривал амнистию всем участникам национальных формирований и организаций периода гражданской войны, стал важным шагом к переходу от гражданской войны к гражданскому миру. Все — и кто вернулся в республику, и кто не покидал ее — получили работу в соответствии с образованием, профессиональной подготовкой и личными склонностями. Так, «националист» В. Ластовский стал секретарем-академиком АН БССР, его единомышленник Я. Лёсик — академиком, а «националист» С. Некрашевич — вице-президентом академии. К 1928 г. в центральных государственных учреждениях уже более 80 процентов работников владело белорусским языком, а в округах и районах — 70 процентов.

Активно шло выдвижение кадров из коренного населения. К концу 1925 г. в советских органах республики процент белорусов значительно увеличился в окружных исполкомах — с 48 до 63, в райисполкомах — с 75 до 80, в сельсоветах — с 84 до 91.

Тем не менее идеализировать 20-е годы, представляя их своего рода ренессансом в истории белорусского народа, не стоит: тому времени были свойственны серьезные экономические и социально-политические противоречия, которые не могли не сказываться и на национальной политике.

Уже с конца 20-х годов в СССР стала утверждаться сталинская национальная политика с ее административно-командным методом управления, волевыми решениями, недоверием, подозрительностью и жестокостью к представителям национальностей, диким произволом к целым народам. Тезис об «обострении классово-борьбы в социалистическом обществе» обернулся в национальных республиках репрессиями против всех носителей «местного», «буржуазного» национализма. На XVII съезде ВКП(б) на риторический вопрос, какой уклон — к великорусскому национализму или к местному национализму — представляет главную опасность, Сталин ответил так: «Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности».

В конце 20-х годов в Беларуси разворачивается кампания по разоблачению так называемого национал-демократизма, который характеризовался как враждебная Советской власти идеология и практика контрреволюционного националистического течения, ставившего своей целью реставрацию капитализма в республике. В сознание белорусского народа настойчиво вбивался миф о существовании различных «контрреволюционных националистических организаций». С этой целью в кабинетах ОГПУ в 1929—1930 гг. было сфальсифицировано дело так называемого «Союза вызвалення Беларусі» (СВБ). По этому «делу» прошло 86 человек. Безжалостная колесница репрессий прокатилась по белорусскому народу, уничтожив цвет его управленческих кадров и интеллигенции. В «национал-уклонизме», «правоопportunистических и национал-демократических ошибках» были обвинены Лёсик, Ластовский, Некрашевич, Красковский, Цвикевич, Прищепов, Адамович, Ильюченюк и десятки других известных и уважаемых людей в Беларуси. Именно тогда по национальной белорусской интеллигенции был нанесен удар такой силы, что его последствия в полной мере ощущаются и сегодня.

Как проходила индустриализация?

К началу первой пятилетки (1928/29—1932/33 гг.) в СССР уровень промышленного развития дореволюционной России был превзойден на 20 процентов. Однако это не могло обеспечить реализацию социальных программ,

провозглашенных большевиками в 1917 году. Страна столкнулась с вопиющими противоречиями между намеченными планами и существующими реалиями. Доля промышленной продукции во всем народном хозяйстве страны составляла в 1926/27 г. только около 39 процентов (в Беларуси — 24,5 процента). До революции страна не успела пройти стадию индустриального развития, по-прежнему оставаясь аграрной. Материалы переписи 1926 года свидетельствуют, что в сельскохозяйственном производстве в Беларуси было занято свыше девяти десятых всего населения (по СССР — 80 процентов).

По уровню индустриального развития СССР значительно отставал от ведущих капиталистических держав. Имея более многочисленное население, он в конце 20-х годов ежегодно производил 3—4 миллиона тонн чугуна, 4—5 миллионов тонн стали, 5—6 миллиардов киловатт-часов электроэнергии — в несколько раз меньше, чем Германия, Англия, Франция и США. Еще ниже был уровень промышленного производства в Советском Союзе на душу населения. Многие сложные промышленные изделия здесь не выпускались. При этом в промышленности большинство рабочих было занято ручным трудом.

К тому времени более половины взрослого населения страны не знало грамоты. Очень многие не окончили даже начальной школы.

В 1917—1922 гг. из России эмигрировало около двух миллионов человек, в том числе и часть интеллигенции. В эмиграции оказалось немало инженеров, техников, опытных производственников. Нехватка квалифицированных кадров усложняла индустриальное преобразование. К примеру, в Беларуси в 1927 г. удельный вес инженеров и техников составлял менее двух процентов общего количества рабочих, причем многие специалисты являлись практиками.

После революции от России отделились Прибалтика, Финляндия и Польша, на долю которых приходилась пятая часть ее промышленного потенциала. Оставляла желать лучшего обеспеченность населения товарами первой необходимости. Выступая на XV съезде ВКП(б), председатель центрсоюза И. Е. Любимов сообщил: «Мы удовлетворяем примерно на 60—65 процентов потребность населения по хлопчатобумажным тканям, на 30—35 процентов — по сукну, на 30 процентов примерно — по селедкам, далеко не в достаточной мере по чаю и т. д.»

Жизненные трудности народа усугублялись его соци-

альной незащищенностью. В стране сохранялся высокий уровень безработицы. На VIII съезде Советов Беларуси говорилось о 33 тысячах безработных в городах и о 600 тысячах — в сельской местности республики.

Следует учесть также особенности тогдашнего международного положения СССР. Страна находилась в экономической изоляции, в ее адрес раздавались угрозы, периодически подкрепляемые провокациями, убийствами советских полпредов, всевозможными ультиматумами. И если в 1924—1925 гг. еще можно было говорить хотя бы о «мирном сожительстве» СССР и капиталистических стран, то спустя два года и эта кратковременная «разрядка» закончилась.

Проблема индустриализации страны, реконструкции экономики все больше заострялась. Утверждение индустриальных экономических отношений предполагало не только развитие промышленности, но и переход от домашнего к индустриальному типу производства. Объективно индустриальные преобразования в СССР вели к обобществлению основных средств производства, к замене многоукладной экономики такой, в которой безраздельно преобладал так называемый социалистический уклад.

По целям, характеру и размаху индустриализация в СССР не имеет аналогов в истории. Но и трудности, связанные с ее осуществлением, также были беспрецедентными. Разговоры о первоочередном подъеме сельского хозяйства во второй половине 20-х годов шанса на успех не имели, альтернативы индустриализации не было. Однако современный международный опыт говорил о различных вариантах проведения индустриальных преобразований. И понятно, почему индустриализация заняла центральное место во внутривнутрипартийных дискуссиях в 20-е годы. Внутривнутрипартийные разногласия диктовались различными подходами к темпам и масштабам индустриализации, источникам накопления, необходимым для подъема тяжелой промышленности, массового строительства предприятий, оснащенных новой технологией. Острота споров обуславливалась недостатком средств для одновременного развития основных отраслей народного хозяйства и культуры.

Споры усугублялись также борьбой за лидерство прежде всего внутри Политбюро. «Левые» — сторонники Троцкого, Каменева и Зиновьева — в 20-х годах неоднократно поднимали вопрос о «сверхиндустриализации»,

резком ускорении индустриального развития за счет перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность, управления обществом административно-военными методами. Вместе с тем в выступлениях ряда «левых» содержалась вполне справедливая критика бюрократизма партийного аппарата, складывающейся личной диктатуры Сталина. «Правые» — сторонники Бухарина, также отстаивая курс на индустриализацию, делали ставку на взаимные экономические интересы промышленности и сельского хозяйства. Отсюда их требование достижения быстрой самоокупаемости предприятий, повышения качества продукции. Таким образом, «правые» ориентировались на рынок, на потребителя.

Сталин с конца 20-х годов проявил себя сторонником ускоренных темпов индустриализации, преимущественного развития тяжелой индустрии за счет перекачки в нее средств, накапливаемых в сельском хозяйстве и легкой промышленности. Фактически это совпадало с точкой зрения троцкистов, отрицавших социализм как товарное общество. Сталинский вариант ускоренной индустриализации базировался в первую очередь не на добровольных и сознательных усилиях народа, а на политике насилия. «Репрессии в области социалистического строительства,— признавал Сталин,— являются необходимым элементом наступления».

Так цель и средства ее достижения вступили в глубокое противоречие. История не отвела СССР времени на постепенное накопление сил и средств, на решения, позволяющие всесторонне оценивать их последствия. «Революционное нетерпение», общая культурная отсталость, отсутствие демократических традиций в стране способствовали тому, что индустриализация велась в основном «чрезвычайными», внеэкономическими, административно-принудительными методами. Казалось, что именно жесткая централизация, команды сверху обеспечат ускорение развития промышленности при нехватке средств. Тем более, что подобные методы уже применялись в годы гражданской войны.

Возможен ли был в СССР на рубеже 20—30-х годов иной стиль руководства экономикой, другие пути ее строительства? Возможен. Вместо внеэкономических мер «правые» предлагали рыночное маневрирование, включая ввоз сельхозпродуктов из-за границы, применение кредитно-финансовых рычагов и других экономических методов. Сторонники такого подхода считали, что возмож-

ное из-за этого сокращение фонда накопления, замедление роста промышленного производства перекроют преимущества здоровых отношений с деревней, расширения внутреннего рынка, ведущие в долговременной перспективе к сохранению высоких темпов индустриализации. Вопросы накопления, заметил однажды Бухарин, нужно решать так, «чтобы политика индустриализации не только не разрывала с крестьянством, а, наоборот, сплачивала союз с крестьянством...» Но для этого прежде всего следовало сохранить нэп.

На словах признавая нэп как политику, принятую «всерьез и надолго», Сталин подчеркивал, что серьезно и надолго еще не означает навсегда. Когда новая экономическая политика, говорил он в 1929 г., «перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к черту».

Пагубные последствия такого подхода проявились очень быстро. На XIV съезде РКП(б) Сталин, провозгласив курс на индустриализацию в качестве генеральной линии партии, поставил задачу «вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратил в страну, производящую машины и оборудование...» Речь уже не шла, как в знаменитом «Плане ГОЭЛРО», о разумном соотношении тяжелой и легкой промышленности, о вытеснении ручного труда и в городе, и в деревне. На плечи народа вновь легли тяжелейшие испытания.

Как в СССР и Беларуси решалась проблема накопления средств?

Начавшаяся индустриализация потребовала гигантских по тем временам капиталовложений. Рассчитывать на иностранные кредиты или помощь не приходилось, полагаться следовало только на внутренние источники. Резолюция апрельского (1926 г.) Пленума ЦК ВКП(б), определяя источники накопления, отмечала, что «экспроприация непродуцированных классов (буржуазии и дворянства), аннулирование долгов, сосредоточение доходов от промышленности, госторговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т. п.— сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает необходимый для социалистического строительства темп развития индустрии».

В тот период проблема накоплений отражала соотно-

шение между производством и потреблением. Индустриализация требовала повышения нормы накопления. Однако в СССР она возросла до абсурдно высокого уровня, не соответствующего возможностям страны (в отдельные годы до половины национального дохода), из-за чего экстенсивные возможности экономического роста быстро иссякли.

Важнейшим источником накопления являлась сама промышленность. Добиться этого можно было за счет постоянного сокращения накладных расходов, снижения себестоимости продукции, ускорения оборачиваемости средств, внедрения новых технологий, повышения производительности труда и укрепления трудовой дисциплины. В Беларуси прибыль от промышленных предприятий Совнархоза с 5,4 миллиона рублей в 1926/27 г. увеличилась до 93,2 миллиона рублей в 1932 г. Однако этих средств для проведения индустриальных преобразований в республике явно не хватало. А если учесть, что ее бюджет за 1927/28 хозяйственный год был сведен с дефицитом в 9 миллионов рублей, то становится ясно: без всесторонней помощи других регионов ликвидировать свое социально-экономическое отставание Беларусь не смогла бы. Кстати, из 338 миллионов рублей, вложенных в промышленность республики за годы первой пятилетки, около трети поступило из союзного бюджета.

Одновременно в целях изыскания дополнительных средств решено было переводить в госбюджет доходы других отраслей народного хозяйства, сбережения населения, внутренние займы. Массовая подписка населения на займы индустриализации позволила собрать значительные суммы. Начиная с 1927 года займы стали ежегодными. Постепенно менялся и порядок их проведения: если раньше они распространялись банковскими учреждениями на добровольной основе, то начиная с первой пятилетки стали размещаться принудительно, под контролем общественных организаций. Только за годы первой пятилетки в Беларуси государственных займов было размещено на 113,5 миллиона рублей — вдвое больше, чем предусматривалось планом. Примерно в три раза больше средств поступило за годы второй пятилетки.

В годы индустриализации в тяжелую промышленность переливались средства из легкой промышленности, которую держали на голодном пайке. В 1928/29 г. из суммы платежей, вносимых промышленностью в бюджет, только 27 процентов приходилось на группу «А», а

остальные — на группу «Б». Однако для развития индустриализации этих средств явно не хватало, поэтому шла перекачка их и из сельского хозяйства. Не случайно XIV съезд ВКП(б) в своих решениях подчеркнул, что успех индустриализации зависит в первую очередь от всемерного укрепления «смычки» рабочего класса с крестьянством — от участия деревни в финансировании промышленности через сбалансированную политику в сфере налогов и цен как на продукцию сельского хозяйства, так и на промышленные товары. Еще категоричнее по этому вопросу высказался XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г.: «Неправильно исходить из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и разрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв его внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы».

Однако на практике все было иначе. Кроме обычных налогов, прямых и косвенных, которые крестьянство платило государству, существовал, что отмечалось и в партийных документах того времени, «сверхналог в виде переплат на промтовары и в виде недополучек по линии цен на сельскохозяйственные продукты». В результате ежегодно удавалось собирать не менее миллиарда рублей.

Устранив с политической сцены своего главного противника Льва Троцкого, Сталин взял на вооружение его методы — террор, ненависть к крестьянству, администрирование, предельное усечение демократии, что очень роднило двух личных врагов. Сегодня ясно, что основой идейной близости Сталина и Троцкого являлось их ложное представление об обязательной контрреволюционности крестьянства в любых исторических условиях. Такого рода «теоретизирование» имело для советского общества поистине катастрофические последствия. В СССР почти на 30 лет крестьяне превратились в крепостных государства, которое, подобно феодалу, привязало их к земле. Для предотвращения массовых побегов сельчан в города была введена паспортная система. Ни один сельский житель под угрозой тюрьмы не мог покинуть место жительства. Крестьянам паспортов не выдавали. Насильственная коллективизация, возврат к методам «военного коммунизма» потребовали создания целого класса привилегированных чиновников, что и подтверди-

ло предвидение Бухарина о возникновении советской бюрократии как класса.

Средством для пополнения государственной казны стало также резкое увеличение выпуска бумажных денег, которые все меньше обеспечивались товарами. Реальная стоимость рубля падала. За первую пятилетку она снизилась примерно на 40 процентов. Поскольку промышленность «посадили» на бюджет, нужны были новые источники доходов. Их нашли, возобновив дореволюционную государственную монополию на водку. Если в 1927 г. ее продажа дала полмиллиарда рублей, то в 1934-м — уже около семи миллиардов. Была введена валютная монополия, червонец стал внутренней валютой и лишился конвертируемости.

Каковы особенности индустриальных процессов 20—30-х годов в Беларуси?

Индустриализация СССР не ограничивалась ни масштабами отдельных отраслей, ни территорией отдельных регионов. Экономика Беларуси была неотъемлемой частью экономики СССР, и индустриализация республики являлась частью единого процесса. Вместе с тем в республике имелись и свои особенности, и свои трудности: иными здесь были и сроки, и темпы индустриализации.

В середине 20-х годов Беларусь отличалась крайне низким уровнем промышленного производства. Имея 3,4 процента населения страны, она производила всего 1,6 процента промышленной продукции. В республике преобладали отрасли промышленности, специализирующиеся на переработке сельскохозяйственного и лесного сырья: деревообрабатывающая, пищевая и легкая. По данным переписи 1926 г., мелкие кустари производили здесь товаров и изделий на 88,7 миллиона золотых рублей — 41,1 процента всей промышленной продукции республики. В 1926 г. рабочие, занятые в ремесленно-кустарной промышленности Беларуси, составляли почти три четверти всех рабочих республики, в то время как в среднем по СССР этот показатель равнялся примерно 60 процентам.

Вместе с тем в Беларуси значительно острее ощущался недостаток финансовых средств, подготовленных специалистов, были недостаточно изучены ее природные ресурсы. Несмотря на огромные запасы торфа, в топлив-

ном балансе республики он не занимал ведущее место. По подсчетам Бюро электрификации при Госплане Беларуси, 55 процентов всех ее промышленных предприятий использовали привозные уголь и нефть.

Условия, в которых находилась республика, диктовали необходимость более интенсивного промышленного развития. Соответствующие условия для этого имелись. Не случайно в отчете республиканского правительства на 3-й сессии ЦИК СССР специально было подчеркнуто, что, «...имея в виду большой избыток рабочей силы, нужду в товарах, географическое положение Белоруссии и удобные пути сообщения, мы можем ставить вопрос и об организации промышленных предприятий, которые будут перерабатывать привозное сырье, в первую очередь тех предприятий, которые будут обслуживать сельское хозяйство, содействуя его интенсификации».

Ставка делалась на ускоренное развитие экономики ранее отсталых национальных районов. Исходя из этого, сумма бюджетных вложений в расчете на душу населения в народное хозяйство Беларуси в 1928—1932 гг. увеличилась в 2,8 раза, в то время как в РСФСР — в 1,2 раза.

Индустриальное развитие республики началось уже в 1926 году. С этого времени и до конца первой пятилетки основное внимание уделялось в ней развитию легкой и пищевой промышленности, что было обусловлено достаточными запасами местного сырья, сложившимися кадрами, существующими традициями. За три хозяйственных года, начиная с 1925/26-го, в промышленность Беларуси было вложено около 40 миллионов рублей. Основные средства направлялись в топливную, деревообрабатывающую, бумажную, кожевенную и пищевую отрасли: сооружение предприятий этих отраслей требовало значительно меньших затрат и времени.

Часть капиталовложений была направлена на развитие энергетической, машиностроительной и промышленности стройматериалов. В те годы началось строительство минского кожевенного завода «Большевик», Бобруйского деревоотделочного комбината, Гомельского завода сельскохозяйственных машин и других крупных предприятий. Всего их было построено 150. В 1928 году первые 200 сверлильных и 15 токарных станков выпустил завод «Энергия». Так было положено начало развитию станкостроения в Беларуси. В том же году на базе небольших заводов в Минске создали металлообрабатыва-

ющий завод «Коммунар». После постановления Совета Труда и Оборона СССР от 20 июня 1927 г. началось сооружение крупнейшей в республике районной электростанции — БелГРЭС, призванной обеспечивать электроэнергией Витебск, Оршу, Могилев и другие крупные промышленные центры.

В мае 1929 г. IX съезд Советов БССР утвердил первый пятилетний план республики, достаточно сбалансированный, с четкими целями и задачами. Привлечение научно-исследовательских учреждений республики к разработке контрольных цифр пятилетнего задания позволило полнее учесть потребности народного хозяйства и перспективы его роста. В плане определялись конкретные задания по 50 основным отраслям народного хозяйства. Особое внимание обращалось на развитие деревообрабатывающей, спичечной, бумажной, пищевой, кожевенной, льняной, швейной отраслей промышленности.

В то время индустриальное развитие Беларуси осуществлялось на основе использования природных богатств, накопленного опыта, что на первых порах обеспечивало устойчивость этого процесса. Доказательством служат и решения XII съезда КП(б)Б, сделавшие упор именно на «расширение промышленного производства, основывающегося главным образом на местном сельскохозяйственном, лесном и минеральном сырье», размещение в Беларуси «промышленных предприятий, основывающихся на транспортабельном заводном сырье и полуфабрикатах». Задания первой пятилетки составлялись тщательно. Планы включали и производственную, и строительную, и финансовую программы. Предусматривались также плановые изменения индексов цен, определялись не только натуральные, но и стоимостные показатели. Предполагались торговля средствами производства, долгосрочное кредитование. Намечалось многократное увеличение производства практически всех видов продукции, а также выпуск таких изделий, которые раньше в республике не производились.

Многообещающее начало привело к весьма ощутимым результатам. Промышленность республики развивалась уверенно. Возникшее массовое соревнование помогло превзойти намеченные показатели. Если в первом году пятилетки (1928/29) промышленной продукции было произведено почти на 69 миллионов рублей больше, чем в предыдущем, то в 1929/30 году — уже на 187 мил-

лионов рублей. Вместе с тем следует учитывать, что в те годы значительно увеличились и оптовые цены на все виды промышленной продукции.

Росла численность рабочего класса. Если на одно крупное предприятие республики в начале пятилетки приходилось примерно 250 рабочих, то через два года — уже 870. Многие из намеченных показателей удалось превзойти. Так, вместо запланированного увеличения объема производства продукции за первые два года пятилетки на 87,8 процента фактический прирост составил 149,3 процента.

Однако именно в тот период обострилась проблема накоплений. Чрезмерно форсированная коллективизация обернулась падением сельскохозяйственного производства, ухудшила продовольственное снабжение населения: появились карточки. По сырьевой базе индустриализации республики был нанесен серьезнейший удар, который во многом затруднил выполнение пятилетнего плана.

Если в процессе формирования пятилетнего задания еще учитывали хозрасчетные стимулы, в процессе его выполнения возобладали методы командной экономики. Этому способствовала проведенная на рубеже 20—30-х годов комплексная перестройка системы управления. В 1932 году XVII партконференция ВКП(б) окончательно похоронила последние стимулы новой экономической политики, которые еще сохранились к тому времени, подчеркнув в своей резолюции «полную несовместимость с политикой партии и интересами рабочего класса буржуазно-нэпманских извращений принципа хозрасчета, выражающихся в разбазаривании общенародных государственных ресурсов и, следовательно, в срыве установленных хозяйственных планов». Хозрасчетный механизм в экономике сменила командно-приказная система. На основании решения ЦИК СССР от 5 января 1932 года о реорганизации совнархозов Белорусский совнархоз был преобразован в Наркомат легкой промышленности БССР, а находившиеся в его ведении предприятия тяжелой и лесной промышленности переподчинялись соответствующим союзным наркоматам. Фактически восстанавливалась жесткая централизованная система управления промышленностью периода «военного коммунизма». Еще в 1929 году тресты из мощных хозрасчетных предприятий были преобразованы в посреднические звенья в управлении промышленностью, а в начале 30-х годов практически прекратили свое существование. Торговля

стала заменяться распределением ресурсов «сверху» по фондам и нарядам. Обеспечение индустриализации денежными средствами возлагалось на наркомат финансов, а на Госплан и отраслевые наркоматы — материально-техническое снабжение предприятий. В результате оторванности финансовых доходов от промышленности непосредственным источником финансирования крупномасштабного капитального строительства стало не производство, а сфера распределения и обращения — налог с оборота и займы, размещаемые среди населения.

Индустриализация в СССР и Беларуси велась в полном соответствии с идеями разгромленной идеологически и организационно на XV съезде ВКП(б) «новой оппозиции» и троцкистов. И хотя официально это отрицалось, на практике было именно так.

*Соответствуют ли результаты первых
пятилеток официальным данным о них?*

Первоначальные успехи командного стиля управления рождали иллюзии небывалых его возможностей. В действительности же он очень быстро обнаружил свою порочность. Провозглашенный Сталиным лозунг «Пятилетку — в четыре года!» потребовал еще большего форсирования темпов развития промышленности. Последствия такой гонки сказались незамедлительно — в 1931 году. В январе 1932 г. XIV съезд КП(б)Б вынужден был признать «невыполнение промышленностью БССР количественных и качественных показателей в 1931 году». План по объему производства продукции был выполнен только на 79 процентов. Себестоимость ее не уменьшалась, а росла. В 1931 году вместо запланированных 8,1 процента она составила всего 1,2, а производительность труда в промышленности республики увеличилась всего на 15 процентов вместо запланированных 33. И хотя провал был налицо, решения XIV съезда КП(б)Б с непостижимым оптимизмом утверждали возможность «успешного осуществления пятилетки за 4 года». Более того, на завершающий пятилетку 1932 год планировался прирост промышленной продукции на 22,3 процента больше, чем было предусмотрено заданием. Но и этого показалось недостаточно. Было объявлено, что целый ряд отраслей промышленности может выполнить пятилетку и за три года.

Экономические отношения не могут быть определены

декретом или приказом, они складываются в соответствии с уровнем развития производительных сил и состоянием производства. Именно тогда в СССР сформировался затратный механизм, подхлестывавший прежде всего рост объемов производства. Предпочтение отдавалось количественным показателям. Качество продукции и финансовая эффективность отодвигались на задний план. Такое хозяйствование опиралось на широкое использование экстенсивных факторов: в производство вовлекались все новые материальные и трудовые ресурсы.

К началу 30-х годов центральные органы страны регламентировали фактически все основные показатели работы республиканской промышленности. На рубеже 20—30-х годов участились несправедливые обвинения местных государственных и партийных кадров в национал-уклонизме, стремление местных руководителей учитывать в своей деятельности национальную специфику и интересы коренного населения республики подавлялось бюрократизмом центра. К тому же многим хозяйственным процессам стало придаваться политическое значение, невыполнение планов объяснялось происками «контрреволюционеров», «нацдемов», «вредителей».

Все это не могло не сказаться на конечных результатах пятилетки. Вместо 260 миллионов киловатт-часов электроэнергии выработали, например, 177 миллионов киловатт-часов — 69 процентов от запланированного. Не получилось ускорения и во многих других отраслях республиканской промышленности. В торфяной — пятилетнее задание было выполнено только на 85, в кирпичной — на 90 процентов. Такое же положение сложилось в пищевой, химической и текстильной отраслях. В результате за пять лет национальный доход вырос не на 100 процентов, как намечалось, а только на 86. Промышленность республики недодала продукции на 192,5 миллиона рублей. Политика «большого скачка» обернулась и материальными, и нравственными потерями.

Вместе с тем темпы экономического роста того периода впечатляют: Увеличение выпуска промышленной продукции в республике в 1932 г. в 2,7 раза по сравнению с 1928 г. (по плану — в 3,8 раза) — бесспорное достижение. За годы пятилетки было введено в строй 538 предприятий, из них 78 крупных. И это при том, что строительные организации имели к концу пятилетки всего лишь 5 экскаваторов, 13 гравиемоек и сортировок, 61 подъемный кран, 98 растворомешалок, 70 тракторов

и 33 автомобиля. В Беларуси были созданы новые отрасли промышленности: топливная, машиностроительная, химическая, наладилось производство искусственного волокна, трикотажа. В 1932 г. промышленность республики выпустила 1500 металлорежущих станков и свыше 13 тысяч различных сельскохозяйственных машин.

Промышленное развитие Беларуси не являлось копией хода индустриализации СССР. Хотя в группу «А» было вложено 67,6 процента всех средств, направленных на развитие промышленности, отдача по-прежнему была выше в группе «Б» — в 1932 году на ее долю пришлось 64,9 процента всей продукции, произведенной промышленностью республики. Другая особенность индустриализации Беларуси заключалась в использовании возможностей кустарно-ремесленного производства, развитию которого оказывалось содействие. Планы республиканской пятилетки предусматривали вовлечение кустарей в кооперативную систему, развитие крупных артелей.

Однако права кооперативных предприятий вступали в противоречие с административными методами управления экономикой, поэтому кооперативная собственность рассматривалась не как «последовательно социалистическая». Данные об эффективности кооперированных предприятий сознательно искажались, они преобразовывались в государственные. Так легче было «управлять», да и время «торопило». В результате кооперативная форма собственности была дискредитирована, кооперативные предприятия хирели.

Итоги первой пятилетки в Беларуси подчеркивают такие цифры. Если в первый год пятилетки удельный вес ценовой промышленности республики составлял в продукции ценовой промышленности СССР 1,12 процента, то в 1932 году этот показатель увеличился до 2,51 процента. В том же году республика произвела 6,3 процента общесоюзной добычи торфа, 29,3 процента — спичек, 6,1 процента — бумаги, 9,9 — спирта, 5,1 процента всей заготовленной в стране древесины.

Важнейшее социальное последствие индустриализации — ликвидация безработицы. Если в 1928 году в Беларуси насчитывалось 50 тысяч безработных и 40 тысяч отходников, то к началу 1931 года вместе с биржами труда исчезли и безработные. Удельный вес рабочего класса в составе населения с 11,3 увеличился до 20 процентов.

Во второй пятилетке (1933—1937 гг.) объем про-

мышленного производства вырос в республике в 1,9 раза. В то же время этот показатель оказался не только ниже запланированного (в 3,8 раза), но и ниже общесоюзного (в 2,2 раза). Замедление темпов роста объясняется прежде всего тем, что в годы второй пятилетки со всей остротой проявились негативные последствия командной экономики, преобладающей во всех сферах хозяйственной жизни. Рынок, товарно-денежные отношения вытеснило директивное плановое распределение ресурсов и продукции. Административно-командная система управления, утверждавшая принцип непогрешимости всеобъемлющих указаний «сверху», не задумывалась над обоснованностью решений, а неизбежные при этом хозяйственные провалы перекладывала на плечи народа.

Одна из причин замедления роста промышленного производства заключалась в низкой квалификации рабочих. Насильственная коллективизация привела к тому, что в города хлынул широкий поток дешевой рабочей силы. Оторванные от земли, психологически подавленные, стремившиеся любой ценой сохранить себя и свою семью, бывшие крестьяне болезненно приспособлялись к непривычным для них условиям жизни. Новые горожане в большинстве своем не умели ни читать, ни писать. Если учесть, что в основном они шли на новые предприятия, им было очень сложно осваивать новую технику и технологию, повышать производительность труда. Только в 1935 году около 40 процентов продукции в СССР было получено за счет привлечения новых рабочих рук. При этом почти 70 процентов рабочих имели производственный стаж не более трех лет. Материальное стимулирование труда отвергалось, признавались только моральные стимулы. Но когда и они не срабатывали, в дело вступало внеэкономическое принуждение. Над работником ставился надсмотрщик, над ним — еще один надсмотрщик. Низкое качество труда, поломки и простои новой техники увеличивали издержки производства.

Ускорение промышленного роста в СССР не достигло и не могло достигнуть таких темпов, при которых он был бы способен догнать и перегнать наиболее развитые страны. Производство основных видов промышленной продукции в расчете на душу населения и в конце 30-х годов в Советском Союзе было значительно ниже, чем в большинстве стран Запада.

*Какой ценой оплачены успехи
предвоенных пятилеток?*

Историческая Голгофа 30-х годов не обошла стороной и белорусский народ. Провалы в экономической области следовало чем-то оправдать. «Виновников» искали и находили в диверсионно-террористических центрах за границей и их филиалах в республике. Один за другим проходили судебные процессы над «вредителями» на заводах, фабриках, электростанциях.

Органы НКВД в Беларуси, которым не давала покоя слава «мастеров», состряпавших процессы «Промпартии» и «Шахтинского дела», обнаружили массу «врагов народа» и в промышленности республики. Так, они «разоблачили» две группы «троцкистских контрреволюционных вредителей» в Витебском железнодорожном депо, на фабрике «Знамя индустриализации», на Гомельском вагоноремонтном заводе и заводе имени Ланцуцкого, где главной причиной срыва производственных планов являлась будто бы «двурушническая деятельность врагов народа».

Летом 1937 г. ставленники центра А. А. Яковлев и Г. М. Маленков учинили разгром партийной организации республики. Чистку партии и обмен партийных документов, которые проводились в 1933—1936 гг., они использовали не только для избиения руководящего состава республики, инженерно-технической и творческой интеллигенции: молах репрессий обрушился и на рабочих-коммунистов. Если на первое января 1933 г. членов и кандидатов в члены ВКП(б) среди рабочих насчитывалось в Беларуси 42 234, то на первое января 1937 г. — 21 754. В 1938 г. только в промышленности республики количество первичных парторганизаций уменьшилось более чем на 10 процентов.

Сталинский метод руководства экономикой неизбежно вел к плачевным результатам. Огромная текучесть кадров на предприятиях Беларуси, организационная неразбериха — на протяжении 30-х годов управление промышленностью все время перестраивалось, — боязнь проявить инициативу, взять на себя ответственность постоянно срывали выполнение все увеличивающихся планов, замедляли процессы индустриализации. Горький парадокс: трудовой энтузиазм, без которого невозможно было в столь короткие сроки создать индустриальный потенциал страны, и утверждение тоталитарной диктатуры с ее

административно-карательной системой, уничтожающей личность, уживались в те годы.

Об обстановке того времени можно судить, например, по передовой статье седьмого номера журнала «Бальшавік Беларусі» за 1937 г.: «В деле обнаружения и ликвидации последствий вредительства мы не имеем еще решительного сдвига на ряде участков хозяйственного и культурного строительства, и там продолжает орудовать классовый враг. Об этом свидетельствует вредительски медленное строительство Могилевского кожеперерабатывающего завода... на заводе им. Ворошилова (Минск) орудуют притаившиеся классовые враги, а партийный комитет не принимает мер для мобилизации рабочей массы на разоблачение конкретных вредителей.

Газеты «Звезда» и «Рабочий» сигнализируют, что в Академии наук, в кондитерской промышленности, БЕЛКМО, на белорусской железной дороге, в торговой сети и на других участках еще не выкорчеваны враги народа, которые своими вредительскими делами стремятся подрвать могущество и обороноспособность нашей страны».

Ценой невероятного напряжения белорусский народ вынес трудности 30-х годов. В 1929—1940 гг. в республике ввели в строй и реконструировали 1863 предприятия, включая и мелкие. Тем самым были созданы основы для дальнейшего индустриального развития. К концу второй пятилетки республика выпускала уже 2,2 процента всей валовой продукции промышленности СССР. Промышленность республики производила 1,2 процента металло-режущих станков, 10,3— торфа, 28,7— фанеры, 6,9— бумаги, 2 — цемента, 16 — льноволокна и трикотажных изделий и 3,8 процента обуви от общесоюзного выпуска. Созданная структура промышленного производства соответствовала внутриреспубликанским потребностям.

Однако за резким рывком последовал еще более резкий спад, оплаченный огромной растратой сил и средств. При этом ухудшилось материальное положение всех слоев общества, особенно крестьянства. По сравнению с периодом нэпа белорусский крестьянин стал хуже питаться, в его рационе уменьшилось количество хлеба, мяса, молока. Цены на зерно и ряд других продуктов не возмещали затрат на их производство. Они были в 10—12 раз ниже рыночных. Резко ухудшилось положение городского населения. Индекс розничных цен в 1940 году в 6,3 раза превышал уровень 1928 года, а с 1932 по

1940 год цены на основные продовольственные товары возросли в 2,2—5,7 раза, цены же на основные непродовольственные товары — примерно в 1,5—2,5 раза. Покупательная способность рубля была очень низкой. Например, в 1932 г. по сравнению с 1928 г. она снизилась на 60 процентов. Реальная заработная плата рабочих достигла уровня 1928 года только в 1940 году. Карточная система обеспечивала лишь минимальный прожиточный уровень. Несмотря на это, в марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) подчеркнул, что «поставленная вторым пятилетним планом задача подъема материально-культурного уровня трудящихся с повышением уровня народного потребления в два раза и более... выполнена». Налицо было сознательное искажение действительности, стремление хотя бы таким образом не позволить многострадальному народу усомниться в «величайшей мудрости» руководства страны.

Сталин и его окружение стремились прийти в «светлое завтра» любыми путями и средствами. Успехи индустриализации были оплачены немислимыми жертвами, принесенными в угоду авантюризму верхов.

*Какие изменения произошли
в сельском хозяйстве Беларуси
после перехода к нэпу?*

К концу гражданской войны в Беларуси резкое сокращение посевных площадей и снижение урожайности значительно уменьшили валовые сборы зерна, картофеля и технических культур. По сравнению с 1917 г. сбор зерновых культур сократился более чем наполовину, а по сравнению с довоенным уровнем — почти на 75 процентов. Валовой сбор картофеля снизился более чем на три четверти. Почти на треть уменьшилось поголовье скота.

С окончанием гражданской войны стало ясно, что продолжение уже в мирных условиях запрета на торговлю, изъятие у крестьян, как тогда говорили, всех «излишков» продуктов нарушало нормальные экономические связи между промышленностью и сельским хозяйством, грозило «диктатуре пролетариата» гибелью. Восстание в Кронштадте, повстанческое движение в Западной Сибири и на Тамбовщине фактически поставили страну на грань новой гражданской войны, на этот раз между рабочими и крестьянами. Отсюда и необходимость кардинального изменения экономической политики. Новой

власти следовало наладить отношения с крестьянством, которое составляло в то время более 80 процентов населения страны.

Переход к нэпу означал отказ от системы «военного коммунизма», ставшей сильнейшим тормозом для развития хозяйственной инициативы. Замена продразверстки продовольственным, а затем денежным фиксированным налогом, восстановление свободы землепользования и прекращение практики частых переделов, не позволяющих крестьянам заботиться о плодородии земли, — первые наиболее важные мероприятия новой экономической политики. Идея о продналоге выходит за рамки отношений «пролетарского государства» с крестьянином-единоличником, выражает принципиально новый подход в «социалистическом хозяйствовании».

Замена продразверстки продналогом сразу же дала заметные результаты. Например, если в 1920 г. посевные площади Витебской губернии составляли 40 процентов площадей 1916 г., то весной 1921 г. — уже 90 процентов. Крестьяне Беларуси к концу года полностью рассчитались с государством.

Подъему сельского хозяйства способствовало развитие арендных отношений. После Октябрьской революции вместе с отменой права частной собственности на землю была отменена и земельная аренда. Однако последующее развитие событий внесло коррективы в это решение. В сентябре 1922 г. Президиум ЦИК БССР принял Закон о трудовом землепользовании в республике. По нему разрешалась сдача в аренду всей земли или ее части тем хозяйствам, которые не могли ее обрабатывать. К тому времени 88 тысяч крестьянских хозяйств республики арендовали примерно 140 тысяч десятин земли. В отчете Наркомзема БССР за 1925/26 хозяйственный год указывается, что маломощные хозяйства от сдачи земли в аренду имели значительный доход.

С 1925 г. разрешался подсобный найм и рабочей силы, и средств производства. И хотя Беларусь уступала многим другим регионам по аренде земли и сдаче средств производства, в ней был широко распространен наем рабочей силы. Только в 1925 г. в 20 064 крестьянских хозяйствах республики насчитывалось около 22 тысяч сельскохозяйственных рабочих. В 1926 г. к найму рабочих прибегало 19 процентов крестьянских хозяйств. Этот показатель был одним из самых высоких в стране.

Уже к середине 20-х годов сельское хозяйство по

многим показателям достигло довоенного уровня, а в дальнейшем и заметно превзошло его. Крестьяне восстановили разоренные войнами подворья, осваивали земли, переданные им новой властью. К концу 1925 г. посевных площадей в республике стало на 18 процентов больше, чем в 1913 г. Росли, хотя и медленно, сборы урожая, производство технических культур, увеличилось поголовье. В 1926 г. поголовье лошадей в Беларуси превышало довоенный уровень на 23 процента, крупного рогатого скота — на 42,4, свиней — на 70,5 процента и овец — более чем на три четверти. Росло и благосостояние крестьян. После проведенного в 1925 г. ЦСУ выборочного опроса сельского населения о расходах на питание и одежду три четверти опрошенных ответили, что питаются и одеваются лучше, чем в прошлые годы, и только около 7 процентов отметили ухудшение питания. На крестьянских столах стало меньше появляться ржаного хлеба, гороха, картофеля. В то же время в 1927 г. по сравнению с 1921 г. потребление сахара увеличилось более чем в 12 раз, молочных продуктов — в 3,5 раза, мяса — почти в 2 раза, рыбы — в 2,6, ягод и фруктов — в 10 раз.

Как выглядело социальное расслоение белорусской деревни к концу нэпа?

Бедняк — типичная фигура дореволюционной белорусской деревни, ее самый многочисленный представитель. Накануне Октябрьской революции 60 процентов крестьянских хозяйств Беларуси были бедняцкими. Национализация земли и последующие мероприятия новой власти позволили резко сократить численность крестьянской бедноты в республике. Несмотря на то что к середине 20-х годов в ее состав влились бывшие батраки и безземельные крестьяне, удельный вес бедноты в социальной структуре деревни к тому времени снизился по сравнению с дооктябрьским периодом почти в два раза.

В условиях нэпа численность бедняков сократилась: в 1924/25 г. они составляли не более 34 процентов сельского населения республики, а через два года — уже 26 процентов. К бедняцким хозяйствам относились безлошадные, безпосевные и большинство хозяйств с посевными площадями до двух десятин. Хозяйства с посевными площадями, превышавшими две десятины, но не имевшими скота и инвентаря, также являлись бедняцкими.

В годы нэпа часть бедняцких хозяйств окрепла, поднялась до уровня середняцких.

Вместе с тем бедняки продолжали пополнять ряды батраков. Основные причины этого процесса — перенаселение белорусской деревни, сохранявшаяся в то время безработица, дробление крестьянских хозяйств. Около 40 процентов «лишних людей» было в годы нэпа в белорусской деревне, средний надел которой составлял всего 41 процент среднего надела по СССР. В результате в республике сформировался в то время довольно значительный отряд сельскохозяйственных рабочих: к середине 1928 года их насчитывалось свыше 184 тысяч, в том числе более 97 тысяч батраков и пастухов. О дроблении крестьянских хозяйств свидетельствуют следующие данные: в 1925 году их было 776 тысяч, в 1928 — более 803 тысяч.

Центральной фигурой белорусской доколхозной деревни был середняк. К середине 20-х годов количество середняков по сравнению с дореволюционным периодом увеличилось в три раза и продолжало расти. В 1924/25 г. середняцкими считались 60 процентов крестьянских хозяйств республики, а спустя два года — уже около 65 процентов. Каждое из них имело от двух до шести десятин посевных площадей, одну или две лошади, было обеспечено простейшим инвентарем. Зажиточные середняки нанимали поденщиков. Основой ведения таких хозяйств являлись труд членов семьи и собственные средства производства. В 1927 г. они производили свыше двух третей всей товарной продукции сельского хозяйства республики.

В деревне не так отчетливо, как в городе, проявлялись классовые признаки. В деревенской действительности «чистые» пролетарии, как и «чистые» буржуа, встречались редко. Но если сельских пролетариев можно было определить по отсутствию у них единоличного крестьянского хозяйства, то разграничение середняков и зажиточных крестьян без определенных критериев существенно затруднялось. Однако факт расслоения крестьянства не на «трудяг» и «лодырей», а на социально различающиеся слои, среди которых были и эксплуатируемые и эксплуатирующие, признавали и такие известные экономисты того времени, как Н. Д. Кондратьев и А. В. Чайнов. Поэтому поводы для социальных конфликтов в деревне сохранялись.

Как же выглядело по терминологии того времени

кулацкое хозяйство? Если учитывать совокупность признаков — обеспеченность земель, посевными площадями, рабочим и продуктивным скотом, сельскохозяйственным инвентарем, масштабы и характер наемного труда, аренду земли, сдачу сельхозинвентаря и т. д., — в Беларуси к концу 20-х годов кулацкие хозяйства не превышали четырех процентов общего количества крестьянских хозяйств.

Условия хозяйствования кулаков в разных регионах страны имели существенные отличия. Сохранившиеся в архивах республики материалы позволяют заглянуть внутрь кулацкого хозяйства, проанализировать его развитие в середине 20-х гг. Доход зажиточные крестьяне получали за счет сдачи внаем более сложных сельскохозяйственных орудий, аренды земли и использования наемного труда. Из всех хозяйств, в которых применялся наемный труд, кулацких было более половины, в них работало свыше 20 тысяч батраков. Статистические данные свидетельствуют о том, что к концу 20-х гг. зажиточное крестьянство сосредоточило у себя около трети всего арендного фонда. В результате доход бедняцких хозяйств был в несколько раз ниже, чем в зажиточных — кулацких.

Зажиточные крестьяне были, не было класса кулаков. Незначительная группа крупных крестьян, применявших наряду со своим личным и наемный труд, в силу своей малочисленности опасности для Советской власти не представляла.

Как решалась в Беларуси проблема кооперирования крестьянства?

После Октябрьской революции крестьянское землепользование увеличилось в Беларуси более чем на 30 процентов за счет передачи земледельцам бывших помещичьих имений. Чтобы производительность полученных земель оставалась на уровне крестьянских, крестьяне как минимум на 30 процентов должны были увеличить и обеспеченность своих хозяйств инвентарем, постройками, семенами. Но все средства производства помещичьих хозяйств перешли в основном к совхозам и коллективным хозяйствам, единоличники их не получили. Здравомыслящий земледелец понимал, что в одиночку развивать хозяйство трудно. По мере роста производительных сил деревни, углубления общественного и внутриотраслевого

разделения труда объективно возникала необходимость его кооперирования.

В середине 20-х гг. в СССР насчитывалось 24—25 миллионов мелкотоварных крестьянских хозяйств (в Беларуси — свыше 776 тысяч). Экономические связи между собой и с предприятиями народного хозяйства они осуществляли в основном через рынок. Вот почему в первую очередь возникла потребность в таких формах объединения, которые обеспечивали бы сбыт продукции, кредитование, закупку промышленных товаров. Развитие сбытоснабженческой и кредитной кооперации укрепляло единоличное производство, права крестьянина-труженика, хозяина земли, подтверждались экономически. Вместе с тем создавалась основа для развития простейших производственных кооперативов. Без денег, без кредита не могли функционировать машинные, мелиоративные, семеноводческие и другие товарищества, которые должны были решать производственные нужды крестьянских хозяйств. Земледелец должен был стать одновременно и тружеником, и собственником, и торговцем.

Кооперативный план был построен с учетом этого определяющего принципа. Сущность его состояла в использовании всех видов кооперации как различных звеньев единого процесса. Ценность кооперативного принципа заключалась в том, что в нем сочетался частный интерес кооперированного крестьянина с экономическими потребностями общества.

Новая власть была заинтересована в развитии кооперации. Сосредоточив в своих руках решающие командные высоты, основные средства производства, кредитно-банковские ресурсы, опираясь на монополию внешней торговли, регулирование рынка и систему заготовок, Советское государство перераспределяло национальный доход, увязывая общенародные интересы со специфическими интересами «цивилизованных кооператоров». Новый этап в разработке аграрной политики определила состоявшаяся в апреле 1925 г. XIV конференция РКП(б), принявшая ряд решений по развитию аграрного сектора экономики сельскохозяйственной кооперации. Всем занимающимся сельским хозяйством предоставлялось право участвовать в кооперации, облегчались условия применения наемного труда и аренды земли. Партийным и советским органам на местах запрещалось административное вмешательство в кооперативную работу. Результаты такой политики проявились очень скоро. Если на

1 октября 1924 г. сельскохозяйственная кооперация объединяла 4,6 процента крестьянских хозяйств, то в 1927-м — уже 35,9. Накануне «великого перелома» к ней приобщилось уже свыше 69 процентов крестьянских хозяйств.

На базе кооперации расширялись и укреплялись экономические связи города и деревни. Если в 1924/25 г. государство и кооперация в Беларуси заготовили 6516 тонн мяса, то в 1925/26-м — уже 8257 тонн. В свою очередь, с каждым годом увеличивалось снабжение деревни промышленными товарами. Так, за 1922—1926 гг. через сельхозкооперацию крестьянам было продано сельхозмашин, семян и удобрений более чем на 7,8 миллиона рублей. Свыше трети этой суммы приходилось на сельскохозяйственные машины и инвентарь.

Тем не менее и к концу восстановительного периода коллективные хозяйства в республике достаточного развития не получили. На 1 января 1926 г. в Беларуси насчитывалось 371 коллективное хозяйство — 43 коммуны, 62 тоза и 266 артелей. В них было занято лишь 3 процента сельского населения, которые давали 1,1 процента национального дохода, создаваемого в сельском хозяйстве.

В чем сущность хуторизации в Беларуси?

В исторической литературе хуторизация в Беларуси характеризовалась как проявление «правого уклона». Хутора здесь широко распространились еще до революции, во времена столыпинской аграрной реформы, когда было создано 55—60 тысяч хуторов и отрубов. В соответствии с решениями IX Всероссийского съезда Советов в январе 1922 г. ЦИК БССР принял декрет «О свободном выборе форм землепользования», который предоставлял крестьянству возможность выбора товарищеской, общинной, отрубной или хуторской форм хозяйствования. При хуторской форме крестьянской семье, вышедшей из деревни, земля выделялась отдельно от деревенского массива. На этом наделе возводились жилье и все хозяйственные постройки. Хуторское хозяйство обычно имело от 14 до 70 десятин земли.

Преобладающая в начале 20-х гг. подворно-участковая чересполосная форма землепользования (на ее долю в 1925 г. приходилось почти три четверти всех крестьянских дворов), земельная неустроенность (болота и леса

занимали 40 процентов всей земли), низкое качество земель с обилием песка и камней заставляли белорусских крестьян искать более интенсивные формы землепользования в виде хуторов и отрубов. В декабре 1925 г. IX съезд КП(б)Б одобрил «Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства БССР на 1925/26—1929/30 гг.». В соответствии с этим планом в республике в 1929 году существовало уже около 177 тысяч хуторов, что составило почти четверть всех крестьянских хозяйств. На эти цели было израсходовано 4,8 миллиона рублей, отпущено около шести миллионов рублей кредита.

Использование хуторской системы в период нэпа обуславливалось стремлением ускорить подъем сельскохозяйственного производства. При этом, как считала новая власть, крестьянство должно было на собственном опыте убедиться в неэффективности хуторского землепользования. Вот что писал по этому поводу в работе «Сялянская гапсатарка і сялянка», изданной в Минске в 1927 г., нарком земледелия республики Д. Ф. Прищепов: «...При хуторской системе крестьяне не объединятся в хозяйственном и культурном развитии, а наоборот... при современных задачах сельскохозяйственного производства разрешаем хуторскую систему только там, где по природным условиям нельзя организовать другой формы (например, на участке, который окружен болотом, при очень пестром виде участков, в бугристой местности)».

Партийные и советские органы рассматривали хуторскую систему как временную, которая препятствовала «осуществлению социалистических преобразований». Директива бюро ЦК КП(б)Б, принятая 7 июня 1929 г., гласила: «Категорически запретить хуторскую и мелкопоселковую форму землеустройства».

Как проходил процесс коллективизации в белорусской деревне?

Индустриализация и связанная с ней урбанизация предьявили повышенный спрос на сельскохозяйственные продукты и сырье. Кроме того, деревня должна была и финансировать индустриализацию — за счет дохода от продажи на крестьянском рынке промышленных товаров. Однако неблагоприятное соотношение цен на зерно по сравнению с ценами на мясо и технические культуры не стимулировало продажу хлебных излишков, и зимой

1927/28 г. в стране разразился хлебозаготовительный кризис. Экспорт хлеба прекратился, планы индустриализации оказались под угрозой срыва.

В 1929 г. Сталин и его окружение, преодолев сопротивление группы Бухарина, взяли курс на применение чрезвычайных мер в сельском хозяйстве. Были включены все рычаги силового нажима на крестьянство. На первый план выдвигались административно-репрессивные меры: продразверстка, запрещение свободной торговли, повальные обыски, заградительные отряды, захват зерна, аресты. Все это напоминало обстановку «военного коммунизма». Только за январь — февраль 1928 г. у белорусских крестьян было изъято около 70 тысяч пудов хлеба. Согласно статистическим данным, в конце 20-х годов у основной массы крестьянства запасы не превышали необходимых страховых фондов. Несмотря на это в Беларуси в 1927/28 хозяйственном году у крестьян отобрали зерна в 3,5 раза больше, чем в предыдущем.

В 1928/29 г. трудности с заготовками повторились. Вновь были применены чрезвычайные меры, сопровождавшиеся насилием. Поскольку промышленность «посадили» на бюджет, потребовались новые источники доходов. Однако наибольший взнос в казну должно было внести крестьянство. Сталин надумал отобрать у крестьян зерно и заплатить им за импортные машины, тем самым совершить технологический скачок без всяких дополнительных затрат.

Окончательная судьба советского крестьянства определилась в 1929 г. Принятый в мае 1929 г. на V съезде Советов первый пятилетний план предусматривал к концу 1933 г. объединить в колхозах 18—20 процентов крестьянских хозяйств. Колхозам предстояло освоить пятую часть всех посевных площадей, чтобы доля их валовой продукции с одного процента в 1927/28 г. поднялась до 11,4 процента в 1932/33 г. и они могли дать стране свыше 500 миллионов пудов хлеба. В Беларуси к концу пятилетки планировалось коллективизировать около 80 тысяч крестьянских дворов (9,8 процента), которые должны были производить не менее 12 процентов всей валовой продукции сельского хозяйства. Это был очень напряженный, но вполне реальный план. О том, как он выполнялся, можно судить по вступлению крестьян в колхозы. Если к октябрю 1928 г. в коллективные хозяйства в республике объединилось чуть более процента подворий, то только за месяц — с октября по

ноябрь 1929 г.— этот показатель увеличился в несколько раз.

В начале 1930 г. серьезные испытания выпали на долю всех слоев крестьянства: от организаторов колхозов и деревенского актива до «отсталых» и «колеблющихся». Успехи коллективизации в 1929 г., воспринятые как начало перелома, когда за короткий срок число колхозников увеличилось в несколько раз, создали обманчивое впечатление легкости объединения крестьян в коллективные хозяйства. Укрепили такие настроения и решения ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б), который в своей резолюции сделал далеко идущий вывод: «Колхозное движение ставит уже задачу сплошной коллективизации перед отдельными областями». В результате у многих местных руководителей появилось неудержимое стремление повысить темпы коллективизации любой ценой, «забежать вперед», подменить методы убеждения насильем и террором.

Для обеспечения высоких темпов, коллективизации в деревню послали многие тысячи уполномоченных, в городах на промышленных предприятиях создавали специальные бригады помощи коллективизации. И «результаты» сказались быстро: за три месяца, к 1 марта 1930 г., в Беларуси загнули в колхозы более 430 тысяч крестьянских хозяйств, а процент коллективизации увеличился почти в 10 раз — до 58. В семи районах республики завершилась сплошная коллективизация. Однако на этом перегибы руководства республики не закончились. Январский (1930 г.) Пленум ЦК КП(б)Б постановил завершить сплошную коллективизацию к 1931 году. Однако и этого «радителям крестьянства» показалось недостаточно. В Москву они отправили докладную записку с требованием включить республику в число районов полного обобществления сельского хозяйства и объявить Беларусь республикой сплошной коллективизации.

Приведенные выше факты не означают, что никто в республике не пытался воспротивиться этой бездумной и безумной гонке или хотя бы сдержать ее. Одной из попыток упорядочить ход коллективизации, учесть реальную обстановку являлась резолюция Минского окружного комитета КП(б)Б от 21 февраля 1930 г., которая рекомендовала не проводить поголовное обобществление скота, птицы, мелкого инвентаря. Но против такого решения окружкома с негодованием выступили низовые парторганизации, обвинив его руководство в со-

знательном снижении темпов коллективизации.

Многие крестьяне, сомневавшиеся в целесообразности создания колхозов, объявлялись классовыми врагами, агентами кулаков, подкулачниками, арестовывались и высылались из родных мест. В результате в деревне обстановка вновь обострилась, нарастали волнения крестьян, антисоветские вооруженные выступления. С начала января до середины апреля 1930 г. в республике было зарегистрировано более 500 выступлений. Росли случаи расправ над коммунистами и колхозными активистами. Истребление скота приобрело массовый характер и наблюдалось повсеместно. Пришлось вмешаться Москве. 2 марта 1930 г. была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой он всю вину за сложившуюся обстановку возложил на местных работников, обвинив их в «авантюризме», «головотяпстве», «самоуверченности и зазнайстве». В принятых ЦК ВКП(б) документах намечались меры по исправлению положения. Прилив в колхозы сменился отливом из них, к середине мая из 457 513 крестьянских хозяйств в белорусских колхозах осталось только 87 225, а к августу 1930 г. всего 11,1 процента подворий.

Ошибочное представление о сплошной коллективизации как о кратковременной «ударной кампании» отразилось и в гигантомании — создании агроиндустриальных комбинатов. Сталин и его окружение намеревались организовать сельскохозяйственные фабрики по образу и подобию промышленных, а крестьянина из самостоятельного товаропроизводителя превратить в безликого исполнителя отдельных трудовых операций. Размеры «фабрик» становились самоцелью, крупные сельскохозяйственные предприятия создавались независимо от местных условий. В Витебском округе коммуна имени Ленина объединяла 4 тысячи крестьянских хозяйств и имела 32 тысячи гектаров посевных площадей. В Гомельском, Оршанском и Могилевском округах сельскохозяйственные «фабрики» занимали площади от 5 до 10 тысяч гектаров. Подобные гиганты дискредитировали принципы укрупнения сельскохозяйственного производства.

*Каковы плоды сталинской
«революции сверху»?*

Сложные, трагические годы форсирования колхозного строительства обернулись большими потерями в сель-

ском хозяйстве. В ходе борьбы за создание колхозов из деревни практически исчез совсем еще тонкий слой «цивилизованных кооператоров». Переход к «ликвидации кулачества как класса» был законодательно закреплен в постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1933 г. На места «спустили» и квоту — 3—5 процентов всех крестьянских хозяйств. Репрессии велись в соответствии с делением кулаков на три категории: активно сопротивляющихся коллективизации, наиболее богатых, всех остальных. Практически происходило примерно так: из района приезжал уполномоченный, собирал работников сельсовета, бедняцкий актив, спешно составлялись списки раскулачиваемых и начиналась вакханалия. Всех отнесенных к первой категории без суда и следствия по решению «троек» (первый секретарь райкома партии, председатель исполкома и начальник ГПУ) арестовывали, направляли в места заключения или нередко расстреливали. Зачисленных во вторую категорию вместе с семьями выселяли на Урал, в Сибирь и Казахстан. Отнесенные к третьей категории лишались надела в своей деревне, им отводились участки за пределами колхозов. Но так как в Беларуси земли не хватало, то и они вошли в категорию спецпоселенцев, находившихся под административным надзором в своеобразных концлагерях. Поскольку «категории» четко не разграничивались, под раскулачивание попадало гораздо больше сельских жителей. Только с февраля по май 1930 г. в Беларуси было раскулачено 15 629 крестьянских хозяйств — почти два процента всех существовавших. При этом прихватили и часть середняцких — около 2400. Весной 1931 г. по республике прокатилась новая волна раскулачивания. Для руководства и контроля за ее ходом была образована специальная комиссия, возглавлявшаяся заместителем председателя СНК СССР А. А. Андреевым. Борьба с кулаком продолжалась в течение всех 30-х годов и на рубеже 30—40-х годов, когда в республике ликвидировались хутора. Тысячи крестьян переселялись на центральные усадьбы, земли оставались без хозяев.

В 1929 году к кулакам было отнесено примерно 4 процента крестьянских хозяйств Беларуси. А число раскулаченных в отдельных районах доходило до 10—15 процентов. Количество же лиц, незаконно лишенных избирательных прав из-за отказа вступить в колхозы — «лишенцев», — нередко до 20 процентов. Если учесть, что в конце 20-х годов в республике было около 800 тысяч

крестьянских хозяйств, а по статистике тех лет крестьянские семьи насчитывали в среднем шесть-семь человек, получается, что в Беларуси было разорено примерно 95 500 крестьянских хозяйств и около 700 тысяч человек, лишенных прав, выселено в различные места Урала и Сибири.

Произошло беспрецедентное по своим масштабам и последствиям глубинное «перепахивание» социальной и экономической структуры белорусской деревни. Насильственно проведенная коллективизация обернулась падением сельскохозяйственного производства, обострила проблемы продовольственного снабжения. К концу первой пятилетки урожайность основных сельскохозяйственных культур снизилась в республике от 6 до 23 процентов, резко сократилось поголовье крупного рогатого скота, свиней, овец, лошадей. При росте численности населения Беларуси с 1926 по 1932 г. на 7,3 процента производство сельскохозяйственной продукции за эти годы сократилось более чем на четверть, оставаясь на уровне 1924—1928 гг. С колхозных земель снимали несравненно скуднее урожаи, чем с земель крестьянских подворий.

Сельское хозяйство так и не смогло ликвидировать тяжелые последствия той разрушительной бури, которой можно назвать сплошную коллективизацию, одно из крупнейших политических преступлений в истории страны.

Правомерно ли распространенное ранее утверждение о всенародности борьбы в Беларуси против немецко-фашистских оккупантов?

Приукрашивание, лакировка действительности, стремление выдать желаемое за свершившееся были широко распространены в историографии прошлых лет, в том числе и в работах, освещающих события в оккупированной Беларуси в 1941—1944 гг. Вплоть до ухода с политической арены КПБ и краха коммунистической системы, оценивая ситуацию, сложившуюся в оккупированных районах, историки республики, как правило, придерживались устоявшейся идеологической схемы, установки на всенародность борьбы в тылу врага. Такая оценка событий утвердилась в послевоенной литературе и благопо-

лучно просуществовала до самого последнего времени.

Тем не менее ситуация в оккупированной Беларуси была сложна и далеко не однозначна. В захваченной немецко-фашистскими войсками республике под властью нацистского оккупационного режима оказалось около 9 миллионов человек. На июнь 1941 г. численность ее населения составляла свыше 10,5 миллиона человек. С началом военных действий в Красную Армию было мобилизовано около полумиллиона военнообязанных, свыше миллиона жителей эвакуировалось в глубь страны. Жизнь очутившейся в тылу противника огромной людской массы подчинялась извечным законам: поиску средств к существованию, работе, ведению какого-либо хозяйства. В сельской местности людей кормил труд на земле. В городах и рабочих поселках очень многие могли выжить, лишь устраиваясь на предприятия и в учреждения, работавшие на оккупантов. К этому их принуждали и силой.

Действительность поставила миллионы белорусов перед выбором: принять иноземное нашествие, приспособиться к резко изменившимся жизненным условиям или же активно бороться с оккупантами.

Уже с первых месяцев оккупации Беларуси гитлеровцы столкнулись с партизанским движением, подпольной борьбой, саботажем, в которых участвовала довольно значительная часть населения. В 1941 г. в республике действовало около 100 партизанских отрядов и примерно столько же партизанских групп. С оружием в руках против захватчиков выступили в первую очередь те, для кого приход гитлеровцев представлял непосредственную угрозу для жизни — партийный, советский, комсомольский, колхозный актив. В отряды и группы вливались рабочие-коммунисты, служащие, комсомольская молодежь. Наряду с партийным и служебным долгом, житейскими обстоятельствами на борьбу с вражеским нашествием людей поднимали патриотические чувства, замешанные у многих на коммунистической идеологии. Несколько тысяч бойцов первых партизанских формирований создали в Беларуси очаги партизанской войны, которые гитлеровцам так и не удалось подавить. Всего в подобных формированиях насчитывалось около 374 тысяч человек. На тысячи шел счет и членов подпольных коммунистических организаций, возникших во многих населенных пунктах республики.

Со временем партизаны вытеснили оккупантов с об-

ширной территории, где образовались партизанские края и зоны с многочисленным населением. В конце 1943 г. под контролем повстанцев находилось уже около 60 процентов территории республики. Жизнь здешнего населения во многом была сориентирована на довоенный уклад, подчинялась жестким требованиям военного времени. Ни на минуту не затухла хозяйственная деятельность. Настроенные патриотически люди, буквально отрывая от себя и своих детей последнее, снабжали бойцов партизанских отрядов и бригад всем, чем могли.

Тем не менее в постулаты марксизма верили далеко не все. Кто-то делал это вполне искренне, кто-то поступал «как все», не вдаваясь в суть, или вообще по малограмотности ничего «не понимал в политике», кто-то, соглашаясь с другими, не спорил, не желая прослыть врагом.

Вместе с тем среди самих партизан и населения восставших районов было немало людей, которые хотели бы, изгнав захватчиков, жить иначе, чем жили раньше. Насильно внедренная колхозная система нанесла тяжелый удар по крестьянскому укладу жизни. В опубликованных после войны мемуарах многие посланцы Большой земли, побывавшие в партизанских зонах, независимо друг от друга вспоминали, как им по прибытии на место задавали один и тот же вопрос — будут ли после войны колхозы? Что думают по этому поводу в Москве? Понятно, какой ответ хотелось услышать людям.

О том, что население республики было недовольно довоенными порядками и это приходилось партизанам учитывать, есть сведения и в немецких документах. 22 января 1943 г. в Берлин из Беларуси руководство полиции безопасности и СД сообщало: «О пропаганде партизан... В отдельных случаях, прежде всего в устной пропаганде, все чаще высказываются тезисы, что советское правительство распустит колхозы и что разрабатывается новая конституция, которая даст больше свободы». Известно, что ничего подобного после войны не случилось. Сталинский тоталитаризм, использовав победу, оплаченную неслыханными жертвами народа, еще больше укрепился. Однако тогда, в условиях вражеского тыла, в людях жила надежда на лучшее. Вот свидетельство участника партизанского движения, ныне известного белорусского писателя А. Адамовича, опубликованное в «Литературной газете» 15 августа 1990 г.: «Как самозабвенно лгали мы, партизаны, себе и несчастным бабам, колхозникам, которых фашисты жгли, убивали за по-

мощь нам, «сталинским бандитам»: зато колхозов уже не будет! И все будет не так, как до войны!.. Мы добросовестно вращали нашим бабам и мужикам насчет новых порядков... Людям было так обидно умирать за эти самые колхозы».

Население партизанских зон являлось надежной опорой массового повстанческого движения, тысячами нитей срослось с ним. Местные жители помогали партизанам разрушать вражеские коммуникации, уничтожать связь, добывали разведывательную информацию. Создававшиеся в деревнях отряды самообороны, партизанские резервисты, охрана семейных гражданских лагерей в лесных массивах принимали участие и в полномасштабных боевых действиях против немецких войск.

Следует, однако, отметить, что стало партизанами и подпольщиками, включилось в активную вооруженную борьбу с захватчиками лишь около пяти процентов населения Беларуси — всего в тылу врага на конец лета 1941 г. в составе партизанских формирований и подпольных организаций насчитывалось около 440 тысяч человек, в том числе около 40 тысяч военнослужащих, многие из которых не были местными уроженцами. Во многих немецких документах периода 1941 — начала 1942 гг. позиция значительной части жителей Беларуси характеризуется как выжидательная, говорится о сильных колебаниях в настроениях населения. В известной степени это отражало действительность. В условиях, когда немецко-фашистские войска оказались у стен Москвы, а на оккупированной территории царил террор карательных отрядов, многие белорусы стремились выжить, уйти от столкновения с оккупационными властями, рассчитывая хотя бы на какое-то время уклониться от участия в глобальном конфликте «Германия — СССР». Тем более, что сначала немцы всячески поддерживали у основной массы населения иллюзии относительной безопасности в случае отсутствия сопротивления, надежду на возможность приспособиться к жизни при «новом порядке». Однако многие белорусы испытывали и чувство позора из-за катастрофических поражений 1941 г., понесенных от векового врага славян, понимали, что война еще не окончена и ее ход может измениться, помнили о том, что их родственники, друзья, знакомые, не щадя жизни, сражаются на фронтах, борются в партизанских отрядах. Позже, когда в полной мере проявился звериный облик оккупационного режима, желание широких масс населения

любой ценой избавиться от чужеземных захватчиков выразилось особенно зримо.

Однако были в то время в Беларуси и совсем другие настроения. Сами немцы в одном из документов, датированном апрелем 1943 г., так сказали об этом: «Общая обстановка и настроение населения на территории Белоруссии... Выяснилось в общих чертах 3 группы. Прежде всего, относительно небольшая группа открытых, отчасти фанатичных сторонников большевистской системы. Ее членов можно найти в больших количествах в городах (Минск), особенно в бывших большевистских областях. Эта группа поддерживает связь с бандами*, покровительствует им и является непосредственным носителем успешной большевистской устной пропаганды. Свою цель она видит в приходе Красной Армии. Большой интерес... представляет настроение большей части населения, которая стоит на позиции между «правыми» и «левыми»... Со стороны этих кругов высказывались мнения предпочесть все же жизнь при Советах, чем под немецким господством. Есть ... круги населения, внутренне готовые отказаться от советского режима, если данные с немецкой стороны всякого рода обещания будут выполнены. К группе «правых», которая преданна Германии и без компромиссов видит свое будущее только в покровительстве со стороны Германии, принадлежит совсем незначительная часть белорусской интеллигенции и немного больший круг крестьянского населения, живущего вблизи городов. Эта группа... уже так связала себя с немецкой полицией и кажется в глазах другого местного населения в такой степени падшей, что она должна связать свою судьбу с Германией на веки вечные. К этим трем группам присоединяется ... небольшая группа интеллигенции, которая до сих пор объединялась в «Белорусской народной самопомощи» и которая в последнее время, используя сложившуюся обстановку, выражает свои претензии на автономию. Для этой последней ... характерно, что она, несмотря на предполагаемое единство ее взглядов и желаний, не является сплоченной руководящей группой всего белорусского народа, а является смешанным пестрым объединением различных характеров, неудавшихся горе-политиков (отчасти эмигрантов) и идеалистов с демократическими наклонностями... В то время как партизанское руководство имеет в распоряжении силы-

---

* Так именовались партизанские формирования.

ных сторонников, эти «антибольшевистские представители белорусского народа» до сих пор не смогли установить связь с широкими массами».

Потребность в таком анализе для оккупационной администрации и немецких спецслужб понятна. Уже летом 1941 г. гитлеровцы начали искать для себя опору среди местного населения, вербовать сторонников. В оккупированных областях широко пропагандировалась мысль о том, что «...победа германской армии выгодна населению и только она обеспечит ему жизнь и собственность». Фашистский пропагандистский аппарат старался привлечь жителей захваченных районов к сотрудничеству, используя естественную тягу человека к собственности и достатку, умело обыгрывая при этом предвоенные ошибки руководства СССР в области имущественной политики. Германское министерство по делам оккупированных восточных территорий издало приказ, разрешивший возвращать бывшим владельцам имущество, конфискованное Советской властью. Были разрешены мелкий частный бизнес, частная практика медицинским и некоторым другим работникам, допускалось частное владение кустарными предприятиями, мастерскими, лавками, была проведена земельная реформа. Собственность, недвижимость и земля обещались в первую очередь тем, кто поддержит «новый порядок», немецкую армию и администрацию. В выгодном свете выглядели гитлеровцы по сравнению с большевиками и в вопросах свободы вероисповедания.

Тем не менее немецкие аналитики из полиции безопасности и СД постоянно констатировали безразличие многих жителей Беларуси к немецкой пропаганде, ее попыткам склонить к сотрудничеству, индифферентность широких масс. Вот характерное наблюдение автора немецкого документа, датированного 10 сентября 1942 г.: «По имеющимся сообщениям... недавние успехи ... вермахта на южном фронте даже в малейшей мере не улучшили настроение населения. Кроме вопроса партизанской деятельности, широкая масса белорусского населения совершенно апатично относится ко всем политическим событиям. Люди живут со дня на день только своими личными заботами. Их повседневные мысли заняты с удивительной ограниченностью только партизанами, продовольствием и личным добром под девизом «моя хата с краю».

Автор ошибся по большому счету — от «апатичности»

многих тысяч людей не осталось и следа, они выступили активными борцами против фашистского порабощения. Однако нашлось немало людей, уклонившихся от борьбы на чьей-то стороне, надеявшихся «пересидеть» войну, не желавших идти ни в партизаны, ни в полицию. Эту позицию можно охарактеризовать как сугубо обывательскую, направленную на собственное выживание, можно — и как реакцию людей, не желавших участвовать в кровавом столкновении двух тоталитарных систем, видевших порочность как гитлеровского, так и сталинского режимов. Военная действительность, однако, не считалась с подобными желаниями и намерениями, втягивая многих в разворачивающиеся события помимо их воли.

Следует сказать и о таком социальном явлении в истории Беларуси военного периода, как коллаборационизм, сотрудничество части населения с врагом. В услужение гитлеровцам, под их покровительство попадали разные люди. Насильственная коллективизация, репрессии, проводившиеся сталинским руководством, создали в республике накануне войны сложную морально-политическую обстановку. Ведь только от репрессий к 1941 году здесь пострадали сотни тысяч людей. Гитлеровцы, несомненно знаящие об этом, попытались сыграть на народной обиде, привлечь на свою сторону пострадавших, озлобленных, разуверившихся. И хотя глобального раскола в рядах населения, оказавшегося на оккупированной территории, на который фашисты рассчитывали, не произошло, все же нашлось немало тех, кто перешел на сторону врага, обострилось и противостояние в обществе. Социальная база коллаборационизма в Беларуси, однако, была сужена тем, что «раскулаченных», «врагов народа», многих других репрессированных в большинстве своем высылали на север, в глубинные районы СССР, не оставляли на территории республики. Сразу же после вторжения фашистских войск привилегии получили лица немецкого происхождения — «фольксдойче». В Минске, например, к осени 1942 г. их насчитывалось около 1700. Известно, что только в вермахте, войсках СС, люфтваффе в годы войны находилось до 180 тысяч человек, которые до начала фашистской агрессии являлись советскими гражданами. Значительную часть их составляли военнопленные, сделавшие этот шаг вынужденно, под угрозой мучительной смерти, надеявшиеся, получив оружие, повернуть его против гитлеровцев. Многие попали в части противника, смалодушничав, запу-

тавшись. В рядах перешедших на сторону оккупантов оказалось немало запуганных, сломленных. На службу к врагу перешло также значительное количество деклассированных, опустившихся элементов, изменивших не из идейных соображений, а за паек, льготы, возможность грабить, упиваться полученной властью над своими земляками. В сложившейся обстановке нашлись и те, кто пошел в услужение врагу сознательно, по убеждению. По этим мотивам сотрудничать с захватчиками начала некоторая часть интеллигенции Беларуси, не принявшая сталинского режима, запутавшаяся, обманувшаяся и обманутая. Вместе с представителями довоенной белорусской национальной эмиграции, прибывшими после захвата Беларуси немецкими войсками, местные коллаборационисты использовались при формировании оккупационной администрации, аппарата белорусского самоуправления, хозяйственных органов. Как и в партизанских зонах, основным поставщиком руководящих кадров для управленческих структур стала интеллигенция. При этом с 1942 г. Берлин сделал ставку на преимущественное выдвижение лиц белорусской национальности, надеясь тем самым ослабить польское и русское влияние в республике. Об этом, в частности, свидетельствует и социальный состав делегатов состоявшегося в Минске в июне 1944 г. 2-го Всебелорусского конгресса, среди которых представителей интеллигенции и служащих было больше половины. Многие интеллектуалы-коллаборационисты с верой в правоту своего дела исповедовали национализм, пытались претворить в жизнь мечту о независимом, демократическом белорусском государстве, возродить культуру народа, родной язык. На это была направлена политика «белорусизации» в духовной сфере — газетно-издательском и школьном деле, культурно-пропагандистской деятельности. Политика, которую немецкая администрация поддерживала с умыслом, с определенной целью. Естественно, в таких условиях никто из коллаборационистов не смог выступить с критикой в адрес немецкого «опекуна», с разоблачением геноцида, зверств и грабежей, чинимых представителями «нового порядка». Пресса и устная пропаганда белорусского национального движения в оккупированной Беларуси немало сделала для разоблачения преступлений сталинизма. Но при этом оккупанты представлялись как «освободители» и «друзья» белорусского народа. Однако жители оккупированных районов на себе испытали «свободу» и «дружбу»

вермахта, зондеркоманд, СС, СД и гестапо. Поэтому коллаборационистским газетам верили немногие. К тому же идею национального возрождения коллаборационисты компрометировали угодничеством перед оккупантами, соучастием в преступлениях, кровавым «сведением счетов с коммунизмом», использованием служебных кресел для личного обогащения, коррупцией. Вот выдержка из сообщения в Берлин полиции безопасности и СД, датированная июлем 1942 г.: «...Трудности к тому же связаны еще с тем, что имеющиеся некоторые продовольственные запасы неправильно распределяются русскими учреждениями. Эти учреждения выдают определенным слоям населения, в особенности родственникам и знакомым, повышенные продовольственные рационы. Из различных населенных пунктов сообщают, что сотрудники волостных управ и полиции службы порядка в достаточном количестве обеспечиваются продовольствием, в то время как остальное население испытывает нужду в продовольствии».

Противоречия в коллаборационистской среде усугублялись межнациональными трениями — во вспомогательных органах управления в разных местностях Беларуси гитлеровцы наряду с белорусами использовали русских и поляков. Проблемы у коллаборационистов возникали также и во взаимоотношениях с формированиями власовцев, подразделениями «казачков», другими частями, состоявшими в основном из выходцев из России. В таких условиях перехватить инициативу у целеустремленно действовавшего коммунистического подполья и партизан было очень трудно.

Тем не менее противостояние приверженцев коммунистической идеологии, социализма и отвергающих «социалистический выбор» сторонников частной собственности, парламентаризма, традиционных свобод демократического общества, а также тех, кто за определенные льготы готов был, не рассуждая, верно служить новым хозяевам в Беларуси, продолжалось. Большое значение в этой ситуации имела позиция самой многочисленной группы населения республики — крестьян. В 1943 г. гитлеровцы, понимая всю сложность своего положения, решили найти среди них социальную опору, передав землю в частную собственность. 3 июня за подписью министра оккупированных восточных областей Розенберга публикуется декларация о наделении крестьян землей. Одновременно оккупанты продолжали укреплять

систему «полицейских деревень» и «военных поселений», расположенных на стратегически важных направлениях. Со второй половины 1942 г. такие поселения создавались главным образом за счет жителей того или иного населенного пункта, а с 1943 г. — за счет сбора коллаборационистов из различных мест. Спасаясь от партизан, жители «полицейских деревень», получившие землю взамен на согласие воевать на стороне немцев, вынуждены были ходить за плугом вооруженными — с винтовкой или автоматом. Судьбу «полицейских деревень» решили события на фронтах. Однако вплоть до лета 1944 года можно говорить не только о жестком противостоянии обеих сторон, но и об элементах своеобразной гражданской войны в Беларуси.

Полицейские подразделения для борьбы с партизанами и «умиротворения» захваченных районов формировались гитлеровцами уже с лета 1941 г. К декабрю только в сельских полицейских отрядах, действовавших на территории Беларуси, насчитывалось до 16 тысяч человек. Под командованием немцев местные полицейские участвовали в преследовании и уничтожении первых белорусских партизанских отрядов, разгроме их баз, в репрессиях против евреев, других групп населения. Ожесточение с обеих сторон усиливалось. Опираясь на коллаборационистов, немецкая сторона пыталась «славянизировать» борьбу с партизанами. «Со стороны пронемецких и активнейших белорусско-русских кругов в этой связи все время указывается на то, что для борьбы против бандитов необходимо использовать в больших масштабах, чем это делалось до сих пор, «русских против русских», тем более что мысль об использовании «белорусской самообороны» для борьбы против бандитской деятельности нашла относительно широкий резонанс у части местного населения» — говорится в сообщении полиции безопасности и СД в Берлин 23 октября 1942 г. К апрелю 1943 г. 70—75 тысячам белорусских партизан противостояло уже до 28—30 тысяч полицейских сельских охранных отрядов. Значительное число полицейцев находилось также в городах. Весной 1944 г. число сторонников гитлеровцев пополнили батальоны «Белорусской краевой обороны».

История сохранила немало примеров вооруженного славянского противостояния в Беларуси — участия полицейских сил в карательных экспедициях гитлеровцев, партизанских штурмов немецко-полицейских опорных

пунктов и гарнизонов, взаимных засад, ловушек, террористических актов. Вот, например, данные о стычке 13 марта 1943 года у деревни Дрила в районе Плещениц: партизан преследовали 20 жандармов-немцев, около 80 местных полицейских и свыше 100 солдат 118-го украинского батальона. А вот выдержка из боевого донесения начальника СС и полиции Борисовского округа командиру жандармерии Беларуси о сражении 20 мая 1943 года между полицейскими и партизанами у деревни Ганцевская Слобода: «...В ходе почти четырехчасового боя было убито 47 бандитов и 4 бандита захвачены в плен... В успешный исход боя выдающийся вклад внесли полицейские поста жандармерии в Бегомле под командованием своего командира Кушнаревича. Примерно 20 бандитов с оружием пытались вплавь переправиться через р. Цна, однако были замечены полицейскими и полностью расстреляны ими в воде». Приведем еще строку из боевого донесения от 28 июня 1943 г. экспедиционной группы фон Готтберга об операции «Коттбус»: «Отлично проявили себя в боях и местные формирования...»

Партизаны тоже не церемонились с теми, кого они считали предателями. Измена искоренялась «огнем и мечом». Расстрелять старосту, другого представителя оккупационной администрации, хозяйственного аппарата, захваченных полицейских, а для устрашения и их семьи, захватить продовольствие, одежду, скот в деревне с преобладанием семей полицейских было для многих ушедших в леса повстанцев жестокой, но необходимой обыденностью. Свидетельствующие об этом немецкие документы вряд ли чрезмерно сгущают краски. Они всего лишь отражают реальность, ожесточение страшной и долгой войны.

После битвы на Курской дуге и последующего наступления советских войск активность полицейских и других пособников немцев в Беларуси резко снижается. Для многих из них становится ясен исход войны. Учащаются случаи перехода на сторону партизан, разложения коллаборационистских формирований. Даже непримиримых противников коммунистической идеологии развитие событий на фронтах заставляло задумываться о том, что же будет с ними, когда немцев выбьют из Беларуси? Так срабатывал инстинкт самосохранения, действовал страх за содеянное.

*Каков вклад белорусского народа
в противоборство с врагом на фронтах
Великой Отечественной?*

К июню 1941 г. численность Советских Вооруженных Сил, в которых находилось значительное количество белорусов, превышала 5300 тысяч человек. Летом того же года в действующую армию вступило более полумиллиона жителей республики. В боях активно участвовало также свыше 33 тысяч бойцов народного ополчения. Многие путь в армейские ряды находили и в условиях вражеской оккупации: за весну и лето 1942 г. из Беларуси через «Суражские ворота» перешло и влилось в воинские части около 20 тысяч человек. В декабре 1943 г. 10 тысяч белорусов перешли линию фронта на юге Минской области, а в феврале — марте 1944 г. столько же в Брестской области. На фронт было мобилизовано также немало людей из миллиона эвакуировавшихся в советский тыл летом 1941 г. В ходе освобождения Беларуси и на заключительном этапе войны в Советскую Армию с территории республики было призвано свыше 750 тысяч человек. Таким образом, на фронтах Отечественной войны сражались более миллиона выходцев из Беларуси.

217 уроженцев республики, став генералами и адмиралами, командовали во время войны соединениями армии и флота. В составе Военно-Воздушных Сил сражались с врагом свыше 5300, а в бронетанковых и механизированных частях — около 2500 офицеров-белорусов. В памяти белорусского народа навсегда останутся имена Льва Доватора, Феодосия Смолячкова, Александра Горовца, Зинаиды Тусноловой, Петра Куприянова и многих других героев. Более 300 тысяч воинов-белорусов, уроженцев республики, награждено боевыми орденами и медалями, 65 стали кавалерами ордена Славы трех степеней, 441 удостоен звания Героя Советского Союза, а П. Я. Головачеву, И. И. Гусаковскому, С. Ф. Шутову и И. И. Якубовскому это звание присвоено дважды.

*Соответствуют ли действительности
утверждения об интернациональном
характере освободительной борьбы
против фашизма на территории Беларуси?*

Разумеется. Сплоченность людей различных национальностей в борьбе против фашистских оккупантов суще-

ствовала. Однако историки многие годы освещали эту проблему однобоко, не вникая в сложность ситуации, глубоко не осмысливая национальные процессы в СССР в предвоенные годы.

Сегодня мы признали, что советское общество кануна войны было глубоко больным. О произошедших в нем деформациях, допущенных сталинским режимом, сказано уже достаточно. Однако если многие из нас узнали правду с большим опозданием, то руководство нацистской Германии знало ее еще до нападения на СССР. Расчет врага столкнуть между собой народы Советского Союза не в последнюю очередь основывался на анализе грубых ошибок, репрессивных действий тогдашнего руководства страны в области национальной политики.

Захватив Беларусь, гитлеровцы установили на ее территории жесточайший оккупационный режим, повсеместно расправляясь с мирными жителями и военнопленными. Активисты уничтожались без различия национальностей, в первую очередь. Руководствуясь пресловутой расовой теорией, фашисты с первых дней оккупации развернули также на территории республики массовое истребление евреев и цыган. У основной массы коренного населения оккупанты сначала поддерживали иллюзию относительной безопасности в случае покорности, хотя и его ожидала далеко не лучшая участь. Согласно хранящемуся в глубокой тайне генеральному плану «Ост» нацисты собирались оставить для онемечивания и использования в качестве грубой рабочей силы только четвертую часть белорусов. Полностью осуществить этот план им помешал лишь неблагоприятный для них ход войны.

В Беларуси оккупанты поощряли и всячески разжигали межнациональную рознь. Определенных успехов они достигли в попытках с помощью прессы и устной пропаганды утвердить в сознании части населения образ сталинизма как еврейско-русского явления. Положение усугублялось определенными трениями, вплоть до вооруженных столкновений, между местными партизанами и польскими формированиями Армии Крайовой в Западной Беларуси.

Однако по большому счету попытки захватчиков «разыграть» в республике национальную карту провалились. Перед лицом общей опасности у многих людей, оказавшихся в оккупированной Беларуси, возобладало и яр-

ко проявилось стремление к единству и сплоченности. Все они хотели уничтожить гитлеризм, защитить свои народы от порабощения и истребления, спасти Родину. Дружба патриотов разных национальностей в полной мере проявилась уже летом 1941 г. при отступлении Красной Армии.

Смертельно рискуя, жители республики при отходе советских войск оказывали всемерную помощь попавшим в беду, раненым и больным воинам. «Белорусы, — вспоминает бывший военнослужащий, один из участников тех событий, — нередко погибали сами, но солдат и офицеров Красной Армии на расправу врагу не выдавали. Никого. Ни бурят, ни карелов, ни черкесов, ни удмуртов. Оберегали всех». Многие спасенные бойцы и командиры, перейдя впоследствии линию фронта, влились в Красную Армию, оставшиеся пополнили ряды партизан и подпольщиков. Большую помощь население республики оказывало также военнопленным, которые находились в фашистских концлагерях.

Поднявшиеся на отпор врагу патриоты получали значительную помощь из советского тыла. Для партизан и подпольщиков конструировалась подрывная техника, был организован выпуск надежных средств радиосвязи и портативных типографий. С помощью авиации, другими путями на оккупированную территорию в большом количестве переправлялись вооружение и боеприпасы, медикаменты, подарки из различных районов страны. На Большую землю самолетами доставлялись раненые и больные, партизанские семьи. Из-за линии фронта партизанские отряды пополнялись квалифицированными кадрами, прошедшими специальную подготовку для работы в условиях вражеского тыла.

Неоднородность населения Беларуси, вступление в партизанские отряды воинов Красной Армии, оказавшихся на оккупированной территории, посланцев советского тыла пополнили личный состав партизанских формирований республики людьми разных национальностей. В годы оккупации в рядах народных мстителей находилось представители почти 70 наций и народностей Советского Союза. По данным БШПД, белорусы составляли свыше 71 процента, русские — более 19, украинцы — около 4 и представители других национальностей — почти 6 процентов общей численности партизан.

Дружба всех, кто объединился в многотысячную армию партизан и подпольщиков, была скреплена совме-

стно пролитой кровью, закалилась в горниле боев с оккупантами. История освободительной борьбы на белорусской земле знает немало примеров взаимовыручки и героической сплоченности людей разных национальностей. Партизаны Беларуси тесно взаимодействовали с «лесными солдатами» соседних республик. К концу 1942 г. силами белорусских, русских и латышских партизан на стыке границ Беларуси, Российской Федерации и Латвии была освобождена обширная территория, названная «Братским партизанским краем». Район площадью 10 тысяч квадратных километров и с населением свыше 100 тысяч человек до зимы 1944 г. оставался неприступным для фашистов. К лету 1942 г. совместными усилиями русских, белорусских и украинских партизан была очищена от оккупантов значительная территория на юго-востоке Беларуси, примыкавшая к Брянскому партизанскому краю. Партизанский край площадью свыше 50 тысяч квадратных километров с населением около 200 тысяч человек к весне 1943 г. образовался также на стыке пяти областей Беларуси и Украины — Полесской, Пинской, Ровенской, Житомирской и Киевской. Передислоцировавшиеся в Беларусь в ходе рейдов или после боев с фашистами формирования российских, украинских, латышских и литовских партизан получали от местных патриотов существенную помощь боеприпасами, медикаментами, продовольствием, пополнялись людьми. На юге республики был организован ряд молдавских отрядов. Некоторые партизанские формирования других республик организационно вошли в состав партизан Беларуси и вместе с ними сражались до ее полного освобождения.

В боях с оккупантами белорусские партизаны и подпольщики проявили массовый героизм. Десятки тысяч их награждены орденами и медалями, а 87 присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них 45 белорусов, 31 русский, 7 украинцев, литовец, еврей, узбек и караичевец.

Сплоченность народов Европы в совместной борьбе против фашизма выразилась в участии в советском партизанском движении иностранных граждан. На оккупированной территории Беларуси они оказались по разным причинам. Некоторые из них, спасаясь от фашистского террора, еще до войны эмигрировали в СССР, и с ее началом вместе с советскими людьми вступили в борьбу с захватчиками. Большинство же гитлеровцы привезли

насиленно в составе воинских частей и рабочих отрядов. Под влиянием событий на фронтах, большой пропагандистской работы подпольных организаций, по велению совести они поодиночке или группами уходили в партизанские отряды. В 1941—1944 гг. в ряды партизан республики влились сотни польских граждан, более четырехсот словаков и чехов, 235 югославов, почти 70 венгров, 60 французов, свыше 30 граждан Бельгии, 24 австрийца, 16 голландцев, представители других европейских народов. В ходе войны происходил перелом и в сознании части немецких военнослужащих, убеждавшихся в преступности гитлеризма. Среди некоторых солдат и офицеров подразделений вермахта, дислоцировавшихся в Беларуси, распространились антифашистские настроения. Наиболее решительные уходили в леса, к партизанам. По сведениям БШПД, такой шаг сделали более 100 немцев.

*Верен ли тезис о ведущей роли
рабочего класса
в партизанской борьбе в Беларуси?*

Статистические данные Белорусского штаба партизанского движения свидетельствуют: около 90 процентов личного состава партизанских формирований составляли жители Беларуси. Из них рабочих было 17,03 процента, крестьян — 39,1, интеллигенции и служащих — 20,55, учащихся — 12,16 процента. Таким образом, больше всего бойцов на вооруженную борьбу с оккупантами делегировало белорусское крестьянство, которое в основном и снабжало партизан продовольствием, одеждой, обувью. В деревнях и селах «лесные солдаты» останавливались на отдых, иногда долгое время базировались, отсюда в отряды поступало пополнение. Разносторонняя помощь белорусских крестьян партизанским отрядам, бригадам и соединениям являлась гарантией их жизнестойкости, позволяла вести борьбу с захватчиками с нарастающим размахом.

Весьма значительна в партизанском движении роль людей интеллектуального труда — интеллигенции. В смертельной схватке с врагом опыт и знания специалистов находили самое широкое применение. Среди населения оккупированных районов они налаживали организаторскую работу, создавали партизанские формирования и руководили ими, используя приобретенные ранее навыки работы с людьми.

На протяжении всего времени оккупации интеллигенция Беларуси являлась одним из важнейших источников комплектования командного состава отрядов и бригад. Так, в конце 1942 г., по данным Белорусского штаба партизанского движения, на долю только руководящих и инженерно-технических работников, учителей, агрономов, медиков приходилось более 63 процентов командиров и комиссаров партизанских отрядов, а на 1 июля 1943 г. — более половины командиров, комиссаров и начальников штабов бригад. Кроме того, в партизанских формированиях представители интеллигенции занимались идеологической работой, вели во вражеском тылу агитацию. Свои знания они с успехом применяли в боевой деятельности и диверсионных операциях. Тысячи жизней спасли за время оккупации партизанские медики.

Многих сознательных, дисциплинированных, активных бойцов, составивших ядро партизанских формирований, выдвинул из своей среды рабочий класс республики. Немало его представителей стало известными партизанскими вожаками. Тем не менее удельный вес рабочих в руководящих кадрах формирований народных мстителей оказался невысоким (на 1 июля 1944 г. — немногим более 9 процентов от общего числа учтенных БШПД командиров, комиссаров и начальников штаба партизанских отрядов). Влившись в ряды «лесных солдат», рабочие быстро осваивали вооружение, подрывную технику, умело применяли в партизанской деятельности прежние профессиональные навыки. Многие из них организовали в отрядах оружейные мастерские, выплавку тола, создавали диверсионные группы, успешно действовавшие на коммуникациях противника.

Представители различных социальных слоев населения республики против общего врага воевали в тесном единении между собой, а также в союзе с занесенными военной судьбой в Беларусь людьми из других регионов СССР. В этой сплоченности — залог их боевых успехов. Говорить же о ведущей роли какой-либо одной социальной группы в борьбе с оккупантами на территории Беларуси неправомерно.

*Какова роль советских военнослужащих
в партизанской борьбе
на территории Беларуси?*

Как уже выяснилось, подавляющее большинство участников партизанского движения в Беларуси составляло коренное население республики. При всех сложностях тогдашней внутривойсковой обстановки в СССР значительная часть жителей оккупированных врагом районов без колебаний выступила против чужеземных поработителей за свободу и независимость Родины. Вместе с тем весом вклад в партизанское движение в республике и военнослужащих.

Согласно статистическим данным, разработанным БШПД на 282,5 тысячи партизан, бывшие военнослужащие составляли среди них свыше 11 процентов. Официально зафиксированное количество советских воинов, принимавших участие в партизанском движении в Беларуси, — 31 511 человек. Следует, однако, иметь в виду, что свыше 90 тысяч партизан, выполнявших отдельные поручения командования, находившихся на охране семейных лагерей и деревень в партизанских зонах, а также членов антифашистских комитетов в ряде западных областей республики статистика БШПД не учитывает. Это дает основание предполагать, что число военнослужащих в партизанских отрядах было большим. Основную их массу составили бойцы и командиры частей Красной Армии, попавшие летом 1941 г. в окружение и не сумевшие пробиться на соединение с главными силами. Оказавшись в тылу противника, военнослужащие переходили к партизанским методам борьбы с захватчиками. Они вливались в уже организованные местные партизанские отряды или сами создавали партизанские формирования, продолжая активно бороться с оккупантами. Впоследствии с целью повышения боеспособности партизанских формирований в Беларуси из-за линии фронта регулярно посылались военные специалисты различного профиля. Кроме того, ряды партизан пополняли военнослужащие, бежавшие из фашистского плена, а также те, кто по различным причинам оказался во вражеских подразделениях.

Обладавшие фронтовым опытом офицеры и другие военнослужащие охотно выдвигались в партизанской среде на командные должности. На первое июля 1944 г., например, они составляли до 65 процентов общего

числа командиров, комиссаров и начальников штабов партизанских бригад, учтенных БШПД.

Прошедшие службу в армии кадровые командиры и политработники с первых дней своего пребывания в партизанских отрядах и бригадах активно включались в работу по укреплению дисциплины среди партизан, организации внутреннего распорядка, созданию штабов, разведки и контрразведки, других служб обеспечения боевой деятельности.

Опыт и знания военнослужащих широко использовались при строительстве и обслуживании партизанских аэродромов, оборудовании мест стоянок и баз, огневых позиций, заграждений. Так, например, сооружение аэродрома в Кличевской зоне и его подготовка к приему первых советских самолетов из-за линии фронта велись под руководством офицеров-авиаторов, выделенных командованием партизанских отрядов. Бывший штурман 214-го бомбардировочного полка П. С. Анасенко в августе 1942 г. возглавил строительство партизанского аэродрома на острове Зыслов в Минском соединении и являлся его бессменным начальником до освобождения республики. Первый партизанский аэродром в Брестской области был создан летом 1943 г. под руководством офицера-летчика Д. К. Удовикова. В бригаде «Алексея» Витебской области при подготовке к защите Полоцко-Лепельской зоны зимой 1943—1944 гг. сооружение оборонительных рубежей возглавил начальник штаба кадровый армейский офицер Ф. И. Плоскунов. По его указаниям бойцы бригады соорудили хорошо укрепленную 30-километровую линию обороны. В Лепельской партизанской бригаде, готовившейся вступить в бой с карателями на соседнем участке, подобной работой руководил офицер комбриг Д. Т. Короленко.

Из среды военнослужащих выдвинулись также десятки замечательных мастеров-оружейников, которые обеспечивали «лесных солдат» надежно действующим стрелковым вооружением и подрывной техникой. Благодаря военнослужащим появились у партизан своя артиллерия, надежная радиосвязь.

Эффективность боевой деятельности белорусских партизан зависела от знания ими военного дела. В партизанских формированиях было немало людей, никогда не служивших в армии и нуждавшихся поэтому в таких знаниях. Условия войны в тылу врага требовали от народных мстителей также умения владеть не только

оружием отечественного производства, но и вооружением противника, хорошо разбираться в тактике. Как правило, боевой учебой в партизанских формированиях Беларуси руководили кадровые армейские командиры и политработники, имевшиеся почти в каждом отряде. Привлекая себе на помощь рядовой и сержантский состав, оказавшийся вместе с ними на оккупированной территории, а также партизан, отслуживших в свое время в армии, они вооружили необходимыми знаниями многие тысячи «лесных солдат».

Решающую роль советских военных специалистов в боевом обучении партизан Беларуси отмечало и немецкое командование. Так, командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал пехоты фон Шенкендорф еще в апреле 1942 г. в запросе относительно выделения сил для борьбы против партизан писал: «Установлено, что во всех партизанских районах имеется военное руководство, что в партизанских отрядах проводится военное обучение и они имеют организацию по типу войсковых частей... Военное руководство партизан ... осуществляет планомерное обучение. Поэтому партизаны, даже одетые в штатское платье, в полной мере обладают боеспособностью регулярных частей...»

Какие крупные боевые операции провели в ходе войны советские войска на территории Беларуси?

Несмотря на проявленную стойкость и героизм летом 1941 г. советские войска потерпели в Беларуси крупное поражение. Инициатива находилась в руках противника, войска которого, стремительно наступая, получали лишь отдельные контрудары. Упорные бои с применением значительных сил развернулись в районе Бреста, Гродно, на подступах к Минску, за Могилев, Полоцк, Витебск, Гомель. Советские войска пытались наступать в направлении на Гродно, Лепель, Рогачев и Жлобин. И все же итог летних сражений 1941 г. в Беларуси оказался для Красной Армии катастрофическим. К началу сентября 1941 г. вся территория республики была захвачена врагом.

Советские войска на белорусскую землю вновь вошли осенью 1943 г., уже обладая достаточной мощностью и умением воевать. После завершения Черниговско-Припят-

ской, Брянской и Смоленской наступательных операций ими были освобождены Комарин, Тереховка, Хотимск, Ветка, Светиловичи, Костюковичи, Климовичи, Чериков, Кричев, Краснополье и Мстиславль.

В ноябре 1943 г.— феврале 1944 г. советское командование осуществило Гомельско-Речицкую операцию с освобождением 26 ноября Гомеля, Городокскую с ликвидацией в обороне противника Городокского выступа и созданием благоприятных условий для наступления в районе Витебска, Калинковичско-Мозырскую с освобождением 14 января 1944 г. Мозыря и Рогачевско-Жлобинскую, когда 24 февраля 1944 г. штурмом был взят Рогачев.

Основная часть Беларуси за месяц с небольшим была освобождена летом 1944 г. в ходе стратегической наступательной операции «Багратион». Разгромив немецкую группу армий «Центр», советские войска уничтожили и взяли в плен около полумиллиона солдат и офицеров противника — 17 дивизий и 3 бригады, 50 вражеских дивизий потеряли более половины своего состава.

В Витебско-Оршанской операции с 23 по 28 июня 1944 г. части 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, разгромив левое крыло группы армий «Центр», 26 июня освободили Витебск, а на следующий день — Оршу. Под Витебском попали в окружение и были уничтожены 5 дивизий 3-й немецкой танковой армии. Противник потерял около 20 тысяч солдат и офицеров убитыми и более 10 тысяч пленными. В результате советские войска продвинулись на 80—150 километров.

Одновременно части 2-го Белорусского фронта провели Могилевскую операцию. Сломав упорное сопротивление врага и преодолев его глубокоэшелонированную оборону, они вышли к Могилеву и 28 июня 1944 г. штурмом овладели городом. Только убитыми противник потерял около 6 тысяч человек. В ходе дальнейшего наступления войска фронта продвинулись в междуречье Днепра и Друти, создав условия для наступления на Минск.

С 24-го по 29 июня 1944 г. правое крыло 1-го Белорусского фронта осуществило Бобруйскую наступательную операцию. 27 июня в Бобруйске и его окрестностях завершилось окружение 40-тысячной группировки врага. С помощью массированных ударов авиации, других средств 28 июня окруженная группировка была ликвидирована. Бобруйск освободили на другой день. В ходе операции были разгромлены основные силы 9-й немец-

кой армии, уничтожено около 50 тысяч и взято в плен более 20 тысяч гитлеровцев, подбито и захвачено 366 танков, более 5 тысяч орудий и минометов.

С 29 июня по 4 июля 1944 г. войска 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов провели Минскую операцию. 3 июля части 1-го и 3-го Белорусских фронтов соединились у юго-восточной окраины Минска, во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом окружив 100-тысячную группировку противника, находившуюся восточнее белорусской столицы. В тот же день гитлеровцев выбили из Минска. К 11 июля завершился разгром вражеской группировки в «Минском котле», где было уничтожено более 70 тысяч и взято в плен около 35 тысяч солдат и офицеров. Наступая на запад, войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов к 4 июля 1944 г. вышли на рубеж: озеро Нарочь — Молодечно — Столбцы — Несвиж — Клецк.

Полоцкую операцию части 1-го Прибалтийского фронта провели с 26 июня по 4 июля 1944 г. как продолжение Витебско-Оршанской. Полоцк, превращенный немцами в мощный узел обороны, освободили 4 июля после ожесточенных двухдневных боев. К тому времени от врага были очищены Ветрино, Ушачи, Докшицы, Глубокое, Шарковщина и другие населенные пункты, расположенные западнее Полоцка.

В ходе Вильнюсской операции с 5-го по 20 июля 1944 г. войска 3-го Белорусского фронта освободили Воложин, Молодечно, Ошмяны, Ивенец, Юратишки, Ивье, Лиду.

Завершив Минскую операцию, войска 2-го Белорусского фронта с 5-го по 27 июля 1944 г. провели Белостокскую. Преследуя отступающего противника в направлении Дзержинск — Новогрудок — Волковыск — Белосток, части фронта 24 июля после упорных боев освободили Гродно, а 27 июля — Белосток, выйдя к северо-восточным районам оккупированной Польши, на подступы к границе с Восточной Пруссией.

Освобождение Беларуси завершилось Люблинско-Брестской операцией. Решительными ударами части 28, 61 и 70-й армий 1-го Белорусского фронта 28 июля 1944 г. сломали сопротивление окруженной в Бресте вражеской группировки.

Насколько верен тезис о том, что организатором и руководителем антифашистской борьбы на территории Беларуси были Коммунистическая партия и ее помощник комсомол?

Сформулируем вопрос иначе: была бы на оккупированной территории Беларуси борьба с врагом столь массовой, если бы не коммунисты и комсомольцы? Несомненно. Народ не может смириться с оккупацией. Какова же тогда роль коммунистов?

В Советском Союзе существовала только одна многочисленная и хорошо организованная партия. Ее жесточайший централизм оказался идеально приспособлен к войне.

К тому же минувшая война, как никакая другая, была до крайности идеологизирована: ведь в ней решался вопрос о самом существовании двух тоталитарных систем — фашистской и большевистской. Естественно, что в таких условиях ни о каком компромиссе коммунистов с оккупантами не могло быть и речи.

Партизанская война неизбежно порождает стихию озлобления и бандитизма. Однако большевикам, несмотря на потери, разрушенные связи и жесточайший оккупационный режим, довольно быстро в тылу врага удалось создать эффективные структуры, которые в одних случаях не допустили, в других — обуздали разгул партизанщины и бандитизма. Стихию протеста они направили на разгром врага.

Вот факты. В годы оккупации в республике нелегально действовали 10 обкомов партии и столько же — обкомов комсомола, 193 межрайкома, райкома и горкома партии и 214 — комсомола. В 1255 партизанских отрядах, 997 из которых были объединены в 213 бригад, работало свыше 1200 первичных партийных и 2500 комсомольских организаций. Кроме того, в каждом из этих формирований имелись комиссары, наделенные равной с командирами властью. Именно большевистское подполье и контролируемые им партизанские формирования ни при каких обстоятельствах не допускали возникновения межнациональных конфликтов, постоянно разжигаемых фашистами.

Факты убеждают: в тот период в советском обществе не было силы, способной заменить коммунистов. К тому же следует учитывать, что созданные ими организаци-

онные структуры подчинялись единому центру, который с помощью авиации и радиостанций поддерживал с ними двухстороннюю связь, оказывал значительную материальную помощь и, самое главное, действия партизан координировал с действиями Красной Армии.

Коммунисты пользовались поддержкой народа. В противном случае они не выжили бы. Переходя из деревни в деревню, встречаясь с тем или иным человеком, партийный или комсомольский работник постоянно рисковал жизнью. Его не выдавали — многие тогда им верили.

Партаппаратчики оказались верны себе. В начале войны только в Минске существовала почти 10-тысячная парторганизация. В ЦК КП(б)Б, в партийные комитеты в то время люди шли с единственным вопросом: что делать? Ответы были просты и лаконичны: не паникуйте, работайте на своих местах. А к 26 июня в городе уже не осталось ни одного аппаратчика среднего и высшего звена. Не предупредив никого, они эвакуировались. Когда на их глазах внушенная им сверху концепция войны на чужой территории и малой кровью потерпела полный крах, когда не поступало никаких вразумительных приказов и распоряжений, аппаратчики попросту не рискнули взять на себя хоть какую-то ответственность: их этому не учили. Организацией борьбы в тылу врага они стали заниматься лишь после того, как 29 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли директиву о работе парторганизаций прифронтовых областей.

Вместе с тем в первые дни войны забот у аппаратчиков хватало. Каждый из них работал почти круглосуточно, на пределе сил. Продолжались мобилизация в Красную Армию, эвакуация ценностей и архивов. Однако суеты было много, а результаты оказались плачевными.

В столицу Беларуси немцы вошли 28 июня. Оставшиеся в городе коммунисты понесли страшные и бессмысленные потери. Даже тех из них, кто сумел сменить документы и адреса, вражеские спецслужбы быстро «вычислили». К примеру, все немецкие патрульные службы и комендатуры получили от своей разведки такую информацию: «Все русские паспорта серии П-КТ с приблизительным № 685000 — фальшивы».

Уцелевшие коммунисты по собственной инициативе начали организовываться в подпольные группы и организации, нащупывать пути борьбы. Однако в первое время их усилия направлялись лишь на поиски подполья. Они

не могли даже представить, что город оставлен на произвол судьбы. Естественно, поиски успехом не увенчались. Тем не менее рядовые коммунисты создали свой подпольный горком и райкомы партии. Городской подпольный партийный комитет возглавил бывший секретарь Заславского райкома партии И. К. Ковалев. Есть сведения, что в начале июля 1941 г. он был направлен во вражеский тыл Центральным Комитетом КП(б)Б. Не имея материальной базы, явочных квартир, а главное, опыта, минские подпольщики сделали невероятное: провели десятки диверсий, сотни людей вывели в лес, создавали и вооружали партизанские отряды и группы, распространяли листовки. Даже выпуск газеты «Звезда» наладили на базе немецкой типографии.

Однако, будучи дилетантами в организации нелегальной работы и конспирации, они не смогли долго противостоять профессионалам из стана врага. Последовали провалы. Арестовали и руководителя городского партийного подполья И. Ковалева. Но и под пытками он никого не выдал. Тогда немцы коммунистическое подполье решили уничтожить руками коммунистов. За подписью И. Ковалева в одной из газет, которые издавали в городе оккупанты, была опубликована покаянная статья, его самого в сопровождении агентов водили по городским улицам. Эту информацию, дополненную сообщением о том, что подпольный горком создан якобы немцами для выявления советских патриотов, вражеские спецслужбы «подбросили» Минскому подпольному обкому партии. Его руководители без всякой проверки передали фальшивку начальнику Центрального штаба партизанского движения, первому секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко. На Большой земле, тоже без тщательной проверки, все приняли за чистую монету. В партизанские отряды за подписью П. К. Пономаренко была разослана радиограмма с требованием рассматривать минских подпольщиков как вражеских агентов. Многие из них были расстреляны своими же товарищами по оружию.

На этом трагедия минских подпольщиков не закончилась. После освобождения столицы Беларуси около трехсот из них было арестовано или прошло специальную проверку в НКВД. Долгое время не признавался даже факт существования городского подполья. Когда же это было сделано, И. Ковалева от имени ЦК КП(б)Б публично обвинили в сотрудничестве с гитлеровцами. И лишь в апреле 1990 г. он был полностью реабилитирован.

К сожалению, подобных примеров, рожденных не только военным лихолетьем, но и господствовавшими в административно-командной системе методами, в нашей истории немало. Были, особенно накануне оккупации, расстрелы ни в чем не повинных людей, заподозренных в том, что они якобы являются вражескими агентами. Были также расстрелы заключенных, запреты принимать в партизаны беспартийных. Много было, на что теперь следует взглянуть другими глазами. И все же большинство из 35 тысяч коммунистов, действовавших на территории оккупированной Беларуси, честно и самоотверженно выполнили свой долг в труднейших условиях вражеской оккупации.

Оправдала ли себя вооруженная борьба партизан и подпольщиков, если она стоила жизни каждого четвертого жителя Беларуси?

Вина за невиданные жертвы белорусского народа в годы оккупации республики лежит на гитлеровских захватчиках, а не на партизанах, добровольно взявших за оружие. Миллионы людей были обречены на смерть в любом случае. В оккупированных областях гитлеровцы установили такой террор, что он не мог не вызвать не менее яростного сопротивления. Из почти четырех миллионов красноармейцев, попавших в 1941 г. в немецкий плен, до весны 1942 г. дожило менее половины. Остальные погибли в лагерях, многие из которых находились на оккупированной территории Беларуси. Не случайно поэтому белорусские партизаны называли себя народными мстителями. Им бы не простили бездействия.

Белорусский народ не смог смириться с собственным унижением: не позволяло сознание. В то же время за малейшее сопротивление оккупанты усиливали террор. За каждого погибшего в республике немецкого солдата они убивали 10 ни в чем не повинных заложников, за офицера — 30. За убийство гауляйтера «Белорутении» В. Кубэ гитлеровцы только в Минске казнили 3000 человек. Волны страшных репрессий прокатились по всей республике. Белорусский народ был поставлен перед выбором: или смириться с оккупацией и обречь миллионы своих сограждан на уничтожение и рабство, или же, не считаясь с жертвами, избавиться от кошмара оккупации.

В годы войны мир оказался перед выбором: с кем

быть? Все демократические страны приняли одинаковое решение: фашизм нес людям большую угрозу, чем большевизм в СССР. В то время нельзя было не признать, что только Советский Союз оказался единственной реальной силой, которая, правда, не считаясь с потерями, смогла не только остановить, но и разгромить сильного противника. Немалый вклад в достижение победы внесли белорусские партизаны и подпольщики.

Белорусский народ с оружием в руках выступил против оккупантов. Он не поддержал их и тогда, когда, после крупных поражений на фронте, в своей политике на оккупированной территории они использовали ошибки и просчеты большевиков, допущенные ими в национальной политике, в годы коллективизации и репрессий. После войны эту действительно всенародную поддержку антифашистской борьбы сталинское руководство расценило как всенародную поддержку всей своей довоенной политики.

Народ многое прощал партизанам, даже случаи мародерства. Одного не прощалось «лесным солдатам»: прекращения активных боевых действий. Однако в условиях добровольной вооруженной борьбы не все партизанские формирования вели активные боевые действия. Известно немало примеров, когда порой целые соединения придерживались тактики «Нас не тронешь, мы не тронем». Длительное же отсиживание в лесах неизбежно вносило в ряды партизан элементы морального разложения. Пользы от таких «бойцов» не было. Прибывшим представителям Большой земли местные жители жаловались: «Погоняйте вы этих лесунов, что сидят в лесу, ничего не делают, только забирают у нас все лучшее».

Через систему комиссаров, подпольных партийных и комсомольских организаций большевикам во многом удалось предотвратить разгул бандитизма и партизанщины на оккупированной территории, направить его на достижение главной цели — разгрома фашизма.

Находила ли политика антисемитизма, возведенная в фашистской Германии в ранг государственной, поддержку на оккупированной территории Беларуси?

В годы войны белорусы старались спасти евреев. Будь по-другому, к моменту освобождения Беларуси здесь не осталось бы ни одного еврея. Ведь все еврейское населе-

ние, оказавшееся на оккупированной территории, гитлеровцы согнали в специальные резервации — гетто, где планомерно и систематически уничтожали. Бежавших спасали только партизаны или жители республики.

Население республики оккупанты подвергали изощренной идеологической обработке. По их мнению, Октябрьская революция и ее результаты, включая ошибки и репрессии сталинского руководства, в том числе и в Беларуси, — следствие не только чуждой народу политики, но и еврейского засилия в аппарате сталинщины. При этом приводились подлинные данные, согласно которым, прослойка евреев в среднем и высшем звеньях партийно-советского аппарата республики с 30—40 процентов в 30-х гг. увеличилась до 70—80 в начале 40-х гг., или выпускали плакаты с фамилиями членов партийных комитетов и исполкомов в том или ином районе или городе.

Кроме того, во многом антисемитскую позицию занимали военнослужащие польской Армии Крайовой и деятели организации украинских националистов, которые также на территории республики вели вооруженную борьбу. Один из очевидцев писал в феврале 1944 г. об отношении Армии Крайовой к евреям: «Встречая в лесу евреев, вооруженных или скрывавшиеся семьи, сикорщичики убивали их». Подобную позицию занимали и деятели ОУН, которые считали, что «москальи в союзе с жидами — этими наилучшими наемниками России — разрушили наши святыни, церкви, исторические памятники, подорвали моральные основы человека и общественной этики и ввели в народ моральную гниль». Полностью разделяли взгляды своих хозяев и местные коллаборационисты.

В партизанской среде проявления национальной розни преследовались жестоко, по законам леса. Во время пребывания на территории республики прославленного партизанского соединения С. А. Ковпака один из его партизан обозвал бойца-женщину жидовкой. Комиссар соединения С. В. Руднев приказал политруку роты: «Соберите роту, в присутствии всех бойцов набейте ему морду и предупредите: еще раз повторится подобное, будет расстрелян. Об исполнении доложите завтра».

Документы архивов свидетельствуют о том, что антисемитизм практически не встречался в партизанских формированиях восточных и центральных областей. Видимо, люди поняли нечто глубинное: аппаратчики не могли представлять тот или иной народ или нацию. Это сплоченная группа приспособленцев, давно отказавшаяся

от своего народа, преследовала его не менее рьяно, чем кто-либо другой. В противном случае их самих сталинская система уничтожала.

На оккупированной территории евреи активно участвовали в вооруженной борьбе с захватчиками. И многие из них погибли.

Не является секретом и тот факт, что уровень образования евреев, большинство из которых проживало в городах, значительно превышал уровень образования сельских жителей. Да и работа в городе, как известно, более интеллектуальна, чем в деревне. В то же время партизанам приходилось переносить невероятные физические нагрузки и лишения. Городским жителям было труднее адаптироваться в таких условиях из-за отсутствия у них сноровки и выносливости, свойственной крестьянам. Но ведь в партизанском отряде все должны были поровну делить тяготы и лишения. Именно неприспособленность городских жителей становилась на первых порах объектом насмешек, нередко связываемых и с национальными чертами. Однако по мере того, как люди привыкали к трудным условиям, находили свое место в боевых коллективах, менялось и отношение к ним, исчезал бытовой антисемитизм. Представители разных национальностей становились боевыми товарищами, настоящими друзьями. Через год после вступления в партизанский отряд еврей С. Дубовский писал: «Дорогие, многоуважаемые друзья и спасители!.. Я никогда Вас не забываю. Не забываю, как хороших товарищей, как людей, которые в самый критический момент спасли мне жизнь».

Обратимся к опыту государства Израиль, где изучение судеб евреев в годы второй мировой войны поставлено на государственный уровень. В Иерусалиме создан специальный Институт Жертв Катастрофы — «Яд Вашем». Его сотрудники во всем мире собирают материалы и документы о трудной судьбе евреев. Разбит в Иерусалиме и Парк Праведников. Если сотрудники «Яд Вашем» устанавливают, что в годы войны кто-то, где бы он ни жил, спас жизнь еврею, то его или родственников за государственный счет они привозят в Израиль, где в парке в Иерусалиме в торжественной обстановке сажают именно дерево Праведника. Поучительный опыт.

*Помогало ли партизанам и подпольщикам
Беларуси в борьбе с оккупантами
знание иностранных языков?*

Безусловно. И прежде всего — в пропагандистской и контрпропагандистской деятельности, направленной на разложение вражеских формирований. За годы войны усилиями политорганов Советских Вооруженных Сил, других учреждений страны было подготовлено, переведено на 20 иностранных языков, издано и распространено многомиллионным тиражом в войсках и среди населения стран, воевавших с Советским Союзом, свыше 20 тысяч названий листовок, газет и брошюр. А только на передовой с помощью усилительных установок — более 2700 тысяч агитационных передач. Наряду с советскими гражданами, владевшими иностранными языками, в этой работе активно участвовали тысячи зарубежных агитаторов-антифашистов.

О настойчивых попытках партизан и подпольщиков Беларуси разьяснить немцам, а также бельгийцам, французам, итальянцам, венграм, чехам и словакам, солдатам других национальностей, мобилизованным в фашистскую армию, преступность войны, ведущейся кликой Гитлера, найти в их рядах сторонников говорят данные многих источников. Вот, например, сведения из отчета о деятельности с ноября 1941 г. по март 1943 г. подпольной группы И. Г. Гуриева в Могилеве.

«Начиная с ноября 1941 г., регулярно принимались сообщения Совинформбюро и в десятках экземпляров переписывались, печатались и распространялись среди населения, в госпитале и в лагерях военнопленных... Одновременно сообщения Совинформбюро переводились на немецкий и на французский языки и забрасывались во вражеские гарнизоны».

Об этом же говорят и материалы политдонесений командования бригады «Смерть фашизму» в Минский подпольный обком КП(б)Б. В донесении за сентябрь 1943 г. читаем: «... Важные передачи радио о крупных победах Красной Армии переводятся на немецкий язык и забрасываются в гарнизоны противника. Таких переводов листовок сделано в сентябре 12 общим тиражом 750 экз.». В донесении за ноябрь того же года сообщается: «Одновременно печатались листовки на пишущей машинке на немецком и бельгийском языках для солдат вражеской армии. Среди них — декларация об ответ-

ственности гитлеровцев за зверства и злодеяния, итоги летней кампании Красной Армии, сообщения Совинформбюро о занятии Красной Армией Киева, Житомира, Гомеля, о прорыве обороны противника в районе Пропойска и др».

В архивных документах, воспоминаниях участников партизанской и подпольной борьбы в Беларуси встречается информация о результативности пропагандистских материалов на иностранных языках. Например, после того как в конце 1942 г. подпольщики Борисова переслали более 50 пропагандистских писем французским солдатам гарнизона, 25 из них с оружием в руках перешли к партизанам. В декабре 1943 г. после обращения штаба партизанской бригады «Советская Белоруссия» Пинской области 52 венгра из рабочих команд и подразделений 18-й и 19-й венгерских дивизий ушли в лес. В марте 1944 г., ознакомившись с полученными листовками, венгры передали партизанам Ивановского района Пинской области 33 гранаты, тол и большое количество патронов.

Составляли послания к солдатам вражеских формирований и сами перебежчики, делавшие это как из внутренних побуждений, так и по просьбе партизанского командования, а также партизаны, хорошо владевшие тем или иным иностранным языком.

В отдельных случаях пропагандистские материалы на иностранных языках, подготовленные в партизанских отрядах, засылались в глубокий тыл противника. Так, сотни правдивых писем о положении на фронтах и кровавых преступлениях нацистов, написанных в бригаде имени К. К. Рокоссовского Вилейской области, с помощью подпольщиков через почтовые учреждения оккупантов были отправлены в Германию, Австрию, Италию, Венгрию, Финляндию и другие страны.

Знающие иностранные языки партизаны активно участвовали также в политико-воспитательной работе, которая проводилась среди личного состава отрядов и бригад. Партизанские агитаторы, работники подпольной печати широко использовали для разоблачения врага его же документы, добытые в бою или иными способами, захваченные и переведенные на русский язык письма немецких военнослужащих, обзоры нацистской периодики.

Знание языка было необходимо и для сбора разведывательной информации. Нередко партизанские разведчики получали важные сведения, подключаясь с помощью технических средств к линиям связи гитлеровцев. В апре-

ле 1942 г. начальник тылового района группы армий «Центр» генерал пехоты фон Шенкендорф в донесении в Берлин по этому поводу писал: «Следует с уверенностью полагать, что партизаны в широких масштабах организуют подслушивание на многих линиях телефонной связи и поэтому не разрушают эти линии, так как даже при участившихся теперь диверсиях на автомобильных и железных дорогах и мостах почти никогда не нарушаются линии связи».

Зачастую знание немецкой речи позволяло партизанам и подпольщикам добывать нужную информацию, вступая в общение с гитлеровцами под видом их сторонников, подслушивая разговоры оккупантов.

Еще большими возможностями для добывания разведывательной информации обладали те из патриотов, знавшие язык врага, кто по заданию партизанского командования или подпольных организаций устраивался работать в учреждения оккупантов.

Требовалось знание иностранных языков и непосредственно в боевой обстановке. Владеющие немецким партизаны нередко использовались командованием для проведения смелых боевых операций с переодеванием во вражескую форму. Действуя в одиночку или во главе группы, они при встрече с противником выдавали себя за немецких военнослужащих. Их большое самообладание и выдержка в отдельных случаях вводили в заблуждение и заставляли врасплох немецких солдат и офицеров. Наибольший эффект достигался при кратковременных контактах, обмене несколькими словами или фразами. Часто такие партизанские хитрости срабатывали в отношении к полицейским, власовцам, членам националистических формирований и другим изменникам. Фашистские прислужники нередко попадались на подобные уловки.

И все же немногие из партизан и подпольщиков хорошо владели иностранными языками. Поэтому в условиях борьбы с оккупантами ценилось даже маломальское знание языков. Убедительно сказала об этом в телепередаче «Партизаны» 30 июля 1988 г. Герой Советского Союза М. Б. Осипова: «Для нас человек, знавший хоть 200 немецких слов, был настоящим кладом».

*Коснулись ли сталинские репрессии
белорусских партизан в военное время?*

Деформирующее воздействие сталинизма безусловно сказалось на партизанской борьбе в Беларуси. К 1941 году богатейшие традиции партизанского движения в стране, накопленные в прошлых войнах, обобщены не были. Тогдашняя официальная советская военная доктрина утверждала, что в случае возникновения войны боевые действия будут вестись преимущественно на вражеской территории. Эта мысль, настойчиво звучавшая в материалах печати, выступлениях близких к Сталину политических и военных деятелей, вытеснила даже предположение о том, что война может вестись на советской территории, и поэтому накануне фашистской агрессии мало кто думал о подготовке к подпольной и партизанской борьбе. Более того, созданные в предыдущие годы на случай партизанской войны запасы оружия, снаряжения и продовольствия были ликвидированы, а подготовленные кадры подверглись репрессиям. По свидетельству одного из деятелей Центрального штаба партизанского движения И. Г. Старина, из тысяч людей уцелели единицы.

Масштабы развернувшейся войны потребовали от СССР неслыханного напряжения сил, мобилизации всех его ресурсов, в том числе и кадровых. В этой обстановке репрессивная волна, достигшая своего пика в конце 30-х годов, заметно пошла на убыль. Из лагерей и тюрем были освобождены и направлены в действующую армию многие военные специалисты, некоторые другие заключенные. Однако произвол и беззаконие карательных органов, благословляемых Сталиным, продолжались. Ряд фактов неопровержимо свидетельствует о преступных намерениях подручных Берия в отношении партизанских кадров Беларуси. Так, осенью 1942 г. был отозван за линию фронта и осужден по ложному доносу известный партизанский командир, руководитель Кличевского военно-оперативного центра полковник В. И. Ничипорович. В январе 1945 г. он погиб в застенках НКВД. В 1943 г. был также вызван в Москву и арестован командир бригады «Старик» Минской области В. С. Пыжиков. Поверив фашистской дезинформации, органы госбезопасности репрессировали в годы войны и после нее десятки минских подпольщиков.

Каким образом легендарному партизанскому командиру, народному герою Константину Заслонову удалось войти в доверие к гитлеровцам, получить руководящую должность и возможность организовать подпольную деятельность?

Путь Константина Сергеевича Заслонова к всенародной славе и признанию не был таким простым, каким он зачастую представлялся в исторических работах прежних лет. Сегодня многие события прошлого предстают перед нами без наведенного на них в годы сталинщины и застоя глянца и лакировки, во всей сложности и противоречивости.

Многое пришлось испытать в жизни Константину Заслонову. В детстве он работал пастухом, подмастерьем сапожника. В неполные 15 лет вопреки воле отца ушел в город для продолжения учебы и помощи семье лишился. Учился и работал. В 1927 г. юный Заслонов поступает в профтехшколу путей сообщения в Великих Луках. Полуголодную жизнь скрашивала стипендия. Однако «сверхбдительность» тех лет нанесла 19-летнему юноше тяжелейший удар. Было установлено: отец Заслонова способен оказывать помощь сыну. Стипендию отняли, а самого Константина исключили из комсомола. Только случайность спасла ему жизнь при попытке самоубийства.

Окончив училище, Заслонов благодаря упорству, трудолюбию и тяге к знаниям за короткий срок прошел путь от слесаря до начальника паровозного депо сначала на станции Рославль, а с осени 1939 г. — на станции Орша. Как и на многих в предвоенные годы, на него пала тень необоснованных подозрений. Вот что сказал по этому поводу бывший начальник станции Орша В. А. Телегин: «Примерно за год до начала войны нам стало известно, что начальнику депо тов. Заслонову К. С. по неизвестным нам причинам стали выносить политическое недоверие, выразившееся в том, что ему было отказано в ведении закрытых документов. При обсуждении специальных мобилизационных вопросов присутствовал его заместитель... Мотивировалось недоверие тем, что у него неблагополучно социальное происхождение».

Проясняет ситуацию сохранившаяся автобиография К. С. Заслонова. В этом предельно откровенном документе, датированном 6 марта 1940 г. и проштампованном

печатью с надписью «НКГБ. Транспортный отдел Западной железной дороги. Отделение ст. Орша», можно прочесть такие строки: «К 1930 году скудное хозяйство отца переросло в зажиточное хозяйство. В 1930 году хозяйство отца сгорело (было предположение, что якобы умышленно сжег отец, так как не хотел переходить в колхоз). Отец с семьей в результате пожара переехал в г. Петрозаводск КАССР. В 1932 г. отец как спецпереселенец был переселен в отдаленную местность СССР — Заполярье, город Хибингорск... С семьей не имел и не имею связи с 1932 г. ...»

Молчать бы Заслонову, затаиться... Однако помнилось пресловутое сталинское: «Сын за отца не отвечает». Он уже твердо поверил в провозглашенные ВКП(б) идеалы. И честно рассказал обо всем.

Жизнь показала, что глубоко ошиблись те, кто вынес Заслонову политическое недоверие. Война все расставила по своим местам. Истинным патриотом проявил себя в пору испытаний Константин Заслонов. Выгодно преподнеся гитлеровцам отдельные факты из своей биографии, он сумел обмануть их, войти к ним в доверие, стать организатором и руководителем подполья на станции Орша. Под его руководством была развернута активная диверсионная деятельность, парализовавшая работу железнодорожного узла. Подпольщики вывели из строя свыше 170 паровозов, большое количество другой техники. Летом 1942 г. Заслонов командовал уже крупной партизанской бригадой, насчитывавшей несколько сот человек и наносившей ощутимые удары по фашистам. В сентябре 1942 г. бесстрашный партизанский командир был принят товарищами по оружию кандидатом в члены ВКП(б), а в начале октября 1942 г. ему было поручено руководить всеми партизанскими силами Оршанской зоны. 14 ноября 1942 г. жизнь Заслонова оборвалась в бою.

Брали ли партизаны в плен вражеских солдат?

По отчетам партизан за годы оккупации они взяли в плен 43 632 вражеских солдата и офицера. По данным же БШПД — 17 926 человек. Столь существенная разница объясняется отчасти тем, что статистика БШПД не учитывает оккупантов, захваченных в плен партизанами в период освобождения республики.

В 1941—1943 гг. условия, в которых действовали

партизаны, не позволяли им содержать военнопленных. Поэтому подавляющее большинство немецких солдат и офицеров, попавших в плен к партизанам, после получения от них разведывательных данных расстреливалось. Лишь наиболее ценные «языки» самолетами отправлялись на Большую землю. Однако при малейшей возможности, когда в линии фронта образовывались бреши, многие пленные доставлялись в советский тыл. Например, через «Суражские ворота».

Значительно мягче поступали партизаны с военнопленными из числа союзников Германии или мобилизованными в немецкую армию чехами, словаками, венграми, югославами. Во многих случаях их отпускали, правда, при одном условии: в своих частях они должны были рассказать правду о партизанах.

Полицейских и солдат так называемых «добровольческих» частей, сформированных немцами из советских военнопленных, если они добровольно и с оружием в руках переходили к партизанам, во время боев не оказывали сопротивления, сдавались и не были запятнаны кровью своих сограждан, как правило, прощали, зачисляли в отряды и позволяли «искупить вину перед Родиной». За годы оккупации более 19 тысяч бывших полицейских и добровольцев стало бойцами партизанских формирований республики.

Полицейских же, оказавших вооруженное сопротивление и попавших в плен к партизанам, ожидала страшная участь. Документы военного времени свидетельствуют: их сжигали на кострах, обливали кипятком, пытали другими способами. Так мстили партизаны тем, кто сам по отношению и к ним, и к местным жителям поступал не менее жестоко в те страшные, кровавые годы.

*Какие проблемы борьбы в тылу врага
менее всего изучены?*

Прежде всего, проблемы подполья. В силу специфики своей деятельности подпольщики стремились не только не хранить, но и вообще не оставлять никаких документов. Но и отдельные сохранившиеся материалы разбросаны по многим архивам, доступ в которые до недавнего времени был затруднен даже профессионалам. Кроме того, в послевоенные годы не только многих подпольщиков, но и целые подпольные организации постигла трагическая участь. Одни были сразу арестова-

ны органами НКВД, другие прошли тщательную фильтрацию. А ведь условия нелегальной борьбы во вражеских гарнизонах требовали от подпольщиков работы в различных учреждениях оккупантов, в карательных органах и полиции. Только по официальной статистике, в партизанских отрядах находилось более 7,5 тысячи человек, которые до этого выполняли специальные задания во вражеских учреждениях и формированиях. Трагической оказывалась судьба тех патриотов, кто вступил на путь нелегальной борьбы, не имея санкции представителей Большой земли, или тех, кто был с ней связан. В случае, если направивший патриота в то или иное вражеское учреждение руководитель подпольной организации погибал и они не могли доказать, что сотрудничали с врагом по заданию руководителя, их положение становилось безвыходным.

Далеко не полностью изучены также проблемы коллаборационизма, деятельности на территории республики частей польской Армии Крайовой, представителей Организации украинских националистов.

Знали ли партизаны о репрессивных мероприятиях, проводимых НКВД по отношению к семьям военнопленных?

Да, такой информацией партизаны располагали, и в значительно большем объеме, чем бойцы и командиры Красной Армии. Но поступала эта информация от немцев, а им веры не было. К примеру, когда в 1943 г. гитлеровцы опубликовали во многих газетах фотокопию приказа об отношении к красноармейцам, попавшим в плен, и к их семьям, подписанного Берия, этот факт произвел большое впечатление на многих людей и широко обсуждался и среди партизан, и среди мирных жителей. Значительное количество так называемых окруженцев, приписников, проживавших в деревнях и не спешивших брать в руки оружие, задумалось о будущем и вступило в ряды партизан. В то же время немцы настолько часто использовали в своей пропаганде ложь, что и в этом случае командно-политическим работникам, членам подпольных партийных и комсомольских организаций удавалось довольно легко (по незнанию они делали это искренне) убедить людей в том, что это очередная фальшивка оккупантов.

Какие потери понесли белорусские партизаны?

По данным БШПД, на оккупированной территории погибли в боях и умерли от ран 25 681 партизан, в том числе 869 женщин, 1030 человек гитлеровцы взяли в плен.

Среди погибших и умерших жителей республики было 16 804 белоруса. В боях с оккупантами пали также 5599 русских, 1258 украинцев, 721 еврей, 206 поляков. Наименьшие потери — 147 человек — зафиксированы в 1941 г., наибольшие — 11 417 — в 1944-м.

Эти данные неполные. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что за 1941 г. учтено лишь 147 погибших партизан. А их, безымянных героев, было значительно больше.

Соответствует ли истине общепринятая цифра о количестве партизан и подпольщиков Беларуси?

Нет. 440 тысяч — это условная цифра. Поименно известно примерно более 300 тысяч партизан и подпольщиков.

Анализ методики проведенного в 1965 г. в бывшем Институте истории партии при ЦК КП(б)Б подсчета показывает, что в состав 373 942 партизан были включены 24 тысячи агентурных разведчиков, около 19 тысяч связных, 12 тысяч членов антифашистских комитетов западных областей республики, а также свыше 79 тысяч человек, кто охранял деревни в партизанских зонах, семейные лагеря, выполнял разовые задания партизан. А в состав 70 тысяч подпольщиков также вошли 12 тысяч членов антифашистских комитетов западных областей республики, около 9 тысяч агентурных разведчиков НКГБ, 30 тысяч связных и агентурных разведчиков, находившихся на учете в Белорусском штабе партизанского движения, около 19 тысяч членов территориальных комсомольских организаций и свыше 800 человек, взятых на учет за послевоенные 20 лет.

Явно завышена и общепринятая — 9 тысяч человек — цифра о численности минского подполья. В настоящее время поименно известно около 2 тысяч минских подпольщиков: здраво рассуждая, трудно согласиться с тем, что каждый десятый житель белорусской столицы в годы оккупации был подпольщиком.

За все послевоенные годы частично определен состав подпольщиков, работавших примерно в 70 районах и городах Беларуси. Это не означает, что в других местах их не было. Кроме того, практически не изучена антифашистская и антисоветская деятельность на территории оккупированной республики частей польской Армии Крайовой, Организации украинских националистов.

Верно ли, что белорусские партизаны вывели из строя больше гитлеровцев, чем армии США и Англии, вместе взятые?

Если верить статистике — да. По общепринятым до сих пор данным, белорусские партизаны убили и ранили свыше полумиллиона вражеских солдат и офицеров, пустили под откос и повредили свыше 11 тысяч эшелонов, уничтожили 305 самолетов, 1355 танков и бронемашин.

Здравый смысл говорит о том, что эти данные значительно завышены. Преувеличение собственных успехов — практика любой войны. Не являются исключением и белорусские партизаны. Вот лишь несколько примеров. По партизанским отчетам, за годы войны «лесные солдаты» повредили и пустили под откос 17 210 вражеских эшелонов, а по данным Белорусского штаба партизанского движения — 11 128, убито соответственно 884 472 и 468 436 солдат и офицеров противника. Однако критический анализ документов военного времени, бесед с бывшими партизанами и подпольщиками свидетельствует, что и данные БШПД завышены во много раз. Тем не менее это отнюдь не умаляет вклада народных мстителей в разгром врага, значения подрыва морального духа вражеских частей и соединений, находившихся на оккупированной территории в состоянии постоянного напряжения и страха.

С какими трудностями столкнулась Беларусь, восстанавливая народное хозяйство после Великой Отечественной войны?

Чрезвычайная Государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков установила: только прямые потери Беларуси за годы войны составили свыше 75 миллиардов рублей в ценах 1941 г. Это означало, что республика утратила свыше половины своего национального богатства. Но что значи-

ли материальные потери в сравнении с людскими? Опустели сотни сел и деревень, уменьшилась численность городского населения. В Минске к моменту освобождения осталось менее 40 процентов жителей, в Могилевской области — только 35 процентов городского населения, Полесской — 29, Витебской — 27, Гомельской — 18 процентов. Около трех миллионов жителей Беларуси лишилось крова.

Сейчас, когда спустя более четырех с половиной десятилетий мирной жизни Республика Беларусь стоит на грани экономической катастрофы, невольно возникает вопрос: как смог белорусский народ залечить нанесенные ему раны? Конечно, была помощь со стороны других республик. Выделялись средства и из союзного бюджета. Внесли свою лепту и иностранные государства, в том числе и поверженная Германия. Но главное — трудолюбие белорусского народа, уже в который раз выстоявшего.

В первое послевоенное пятилетие только в Минске были построены и начали давать продукцию настоящие для тех лет гиганты автомобилестроения — тракторный и автомобильный заводы. С того времени машиностроение прочно заняло ведущее место в промышленности республики, не имеющей своей сырьевой базы. Но мы долгие годы гордились этими и другими, построенными позже, предприятиями. И только в последнее время задумываемся о целесообразности подобной экономической политики, в результате которой республика тысячами нитей связана с различными регионами бывшего Советского Союза.

Труднее оживало сельское хозяйство. Пришлось восстанавливать ненавистные колхозы, которые лишали людей желания трудиться на земле за пустопорожный трудодень. На слабые плечи женщин, стариков и подростков легли все непосильные послевоенные тяготы — именно они тогда являлись основной рабочей силой на селе. Вот бесстрастная статистика того времени: в 1947 г. работоспособное население белорусской колхозной деревни составляло всего 46 процентов (по меркам тех лет это люди от 12 до 60 лет). В их числе мужчины от 16 до 60 лет — 25, женщины от 16 до 50 лет — 56, подростки от 12 до 16 лет — 19 процентов. К тому же крестьяне — кормильцы народа — сами почти ничего не получали за свой труд. Вновь «могучее социалистическое государство» старалось выйти из прорыва на плечах хлебопашца. Чем еще

можно объяснить тот факт, что, даже по официальным данным, более трети белорусских колхозов не выдавали хлеба, более половины — денег на заработанные трудодни? А чтобы не зарился крестьянин на колхозный кусок, в 1947 г. был принят беспрецедентный по своей жестокости Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за грабеж государственного и общественного имущества», который даже за незначительные провинности предусматривал лишение свободы от 5 до 25 лет и зачастую с конфискацией имущества. Вместе с тем продолжал действовать и Закон от 1932 г., метко названный в народе законом о пяти колосках.

В западных областях Беларуси полным ходом шли прерванные войной «социалистические преобразования». В феврале 1949 г. состоялся XX съезд КПБ, который, как это и было принято, определил судьбу западно-белорусской деревни, взяв курс на сплошную коллективизацию. История повторилась: коллективизация западных земель осуществлялась теми же методами, что и восточных. Но здесь, в этом регионе, добавились и свои специфические трудности. Более половины поселений Западной Беларуси составляли хутора и небольшие деревеньки. Вполне естественно, что в подобной ситуации большинство сельчан не было готово к коллективным формам ведения хозяйства. Тем не менее съезд констатировал полную готовность западнобелорусской деревни к колхозной жизни. Во всяком случае, у руководителя республиканской партийной организации Н. И. Гусарова на съезде не было на этот счет никаких сомнений. «Опыт восстановленных и вновь образованных колхозов, которые добились серьезных хозяйственных успехов, — сказал он, — наглядно убеждает крестьян-единоличников в преимуществе колхозного строя и что зажиточная и культурная жизнь может быть только в колхозе». «Серьезных хозяйственных успехов» белорусские колхозы не добились и до настоящего времени, но коллективизация в западных областях тем не менее была осуществлена. Уже в 1950 г. колхозы Западной Беларуси объединяли почти 84 процента всех крестьянских хозяйств.

После освобождения белорусской земли началось восстановление учреждений науки, культуры и просвещения. До недавнего времени историки добросовестно перечисляли количество восстановленных и построенных заново школ, клубов, музеев, театров. Действительно, уже в 1945/46 учебном году в республике работало около

11 тысяч школ, к концу 1945 г. было открыто 10 театров, 8 музеев, свыше 2700 клубов и изб-читален, 2,5 тысячи библиотек. Но эти цифры не раскрывают тех трудностей и проблем, с которыми пришлось столкнуться, восстанавливая основы духовной жизни белорусского народа. А их было немало. Тернистым оказался путь дальнейшего становления национальной школы. Абсолютное число детей школьного возраста в годы оккупации не училось. Лишь в отдельных местах с разрешения немецких властей работали школы по сокращенной программе. Не хватало учебников, методических пособий. Вместо тетрадей использовались газеты. Родному языку белорусские дети учились по русскому букварю! И хотя со временем количество учебных пособий, издаваемых на белорусском языке, увеличилось, а подготовке учительских кадров стало уделяться больше внимания, вскоре эти процессы затормозились. Под воздействием сталинской работы «Марксизм и вопросы языкознания» началась кампания по перестройке преподавания русского и белорусского языка. Преследовалась цель унифицировать язык как средство межнационального общения. Усиление же внимания к культуре, истории, традициям, языку своего народа рассматривалось как проявление национализма. Главенствующим в обществе стал принцип «чем меньше национального, тем больше интернационального».

*Знаменательны ли решения
XX съезда КПСС для Беларуси?*

В условиях господства административно-командной системы в СССР все поворотные моменты в жизни его народов объявлялись на партийных съездах. Один из таких моментов наметился на XX съезде КПСС — события далеко не ординарном и в жизни белорусского народа. Именно после этого съезда на многое, что происходило в стране, белорусы взглянули иначе. Все чаще они стали задумываться о том, кто же они такие и в каком государстве живут? И хотя позже делалось все, чтобы вытравить признаки малейшего свободомыслия, ростки правды, пробившиеся на съезде, погубить не удалось.

Еще до начала работы съезда руководители партии договорились о том, что в отчетном докладе ЦК коротко будет сказано о культе личности Сталина. Но чем больше Н. Хрущев знакомился с работой созданной по этому

поводу специальной комиссии под руководством секретаря ЦК КПСС П. Поспелова, тем больше он убеждался в том, что о культе личности Сталина следует сказать подробнее. Поэтому, проявив настойчивость, Хрущев пошел наперекор желанию многих приспешников «отца народов», и вопрос о культе личности Сталина был вынесен на отдельное обсуждение.

В докладе, сделанном на специальном заседании, Хрущев рассказал о массовых репрессиях, санкционированных Сталиным, о сомнительных обстоятельствах убийства С. М. Кирова, о завещании В. И. Ленина, в котором предлагалось сместить Сталина с должности Генерального секретаря. Докладчик возложил на Сталина ответственность за поражение Красной Армии в начале Великой Отечественной войны, за грубые просчеты во внутренней и внешней политике страны. Позже доклад подвергался критике за недостаточную теоретическую глубину, замалчивание многих фактов, отсутствие необходимого анализа. Но ведь надо учитывать, что доклад сделан человеком, который сам являлся продуктом сталинской эпохи.

Постановление съезда по этому вопросу, опубликованное в печати лишь несколько месяцев спустя, было предельно кратким и расплывчатым. Съезд одобрил доклад Хрущева и поручил Центральному Комитету «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы»...

А 30 июня 1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий», опубликованное затем во всех газетах. Это явилось шагом назад в сравнении с докладом Хрущева на съезде — уже тогда наметилось желание отойти от идей съезда, защитить «верного марксиста-ленинца» и «великого революционера». В дальнейшем отход от решений съезда стал еще более заметным.

Тем не менее значение съезда в жизни белорусского народа достаточно велико — впервые появился просвет в атмосфере всеобщей подозрительности и нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне: ведь политическая ситуация 30-х годов господствовала и в послевоенное время. Продолжались репрессии. И если человек уже отбыл несправедливое наказание за несуществовавшие

проступки, его вновь могли привлечь к ответственности за «старые преступления». Полной трагизма оказалась судьба белоруса Николая Карповича Лагодича. В 30-е годы он работал заведующим редакционным сектором издательства ЦК КП(б)Б, затем возглавлял Партиздат и Госиздат. В 1937 г. был арестован. Думается, в жизни каждого человека при желании можно найти моменты, вызывающие определенные сомнения. В жизни Лагодича такой момент имелся — он служил в колчаковской армии, недолго, правда, пять месяцев, и призван был не по своей воле, а по мобилизации, находясь в 1919 г. на Урале. Казалось бы, последующей жизнью он искупил этот вынужденный шаг: 9 лет служил в Красной Армии сначала рядовым, затем инструктором политотдела 2-й Белорусской стрелковой дивизии, закончил аспирантуру Белгосуниверситета, институт Красной профессуры в Москве, работал инструктором ЦК ВКП(б) и, наконец, в Беларуси. Но, оказалось, этого мало, его преданности партия не поверила. В 1937 г. Лагодич исключается из партии и снимается с работы за потерю партийной бдительности, а через несколько месяцев арестовывается. Предъявленное ему обвинительное заключение гласит:

«Произведенным по делу расследованием установлено, что Лагодич Н. К. в 1919 г. служил в колчаковской армии, являлся членом контрреволюционной троцкистской организации, по заданию которой проводил троцкистскую работу, направленную против мероприятий партии и Советского правительства.

Будучи директором Партиздата и Госиздата, Лагодич проводил вредительскую работу, срывал производственную программу по выпуску книг классиков марксизма-ленинизма. Кроме того, выпускаемые книги издательством не отправлялись читателям, а валялись на складе и гнили, в результате чего на складе оказалось сгнивших книг классиков марксизма-ленинизма на сумму 17 538 руб...» (Из архива КГБ Республики Беларусь.)

Особое совещание при НКВД СССР, рассмотрев следственное дело Лагодича, вынесло решение заключить его на 8 лет в исправительно-трудовые лагеря. Срок он отбывал на Колыме в лагерях УСВИТА. 20 сентября 1946 г. был освобожден, но спустя три года вновь арестован по обвинению в «антисоветской деятельности» и сослан на поселение. Только в 1955 г. Прокуратура БССР прекратила дело Н. К. Лагодича за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

Лишь после XX съезда КПСС начался массовый пересмотр дел. Было образовано около сотни специальных комиссий, которые временно наделялись правами Президиума Верховного Совета и могли реабилитировать, помиловать, сократить сроки заключения. Рушились стены ГУЛАГа на Колыме, в Воркуте, Карелии, Казахстане, на Урале, в Мордовии. Уже к лету 1956 г. из ссылки и лагерей возвратилось несколько миллионов человек.

В первой половине 60-х годов процесс реабилитации пошел на спад, а потом и вовсе прекратился. И только спустя много лет он вновь был возобновлен.

*Ощущались ли в Беларуси перемены
в общественной жизни
после XX съезда КПСС?*

Значение перемен и изменений, наступивших в общественной жизни страны после XX съезда КПСС, преувеличивать не следует. Практически все начинания до конца доведены не были. После съезда предпринимались попытки расширить права союзных республик. Постановление Совета Министров СССР «О дополнительной передаче некоторых вопросов хозяйственного и культурного строительства в ведение Советов Министров союзных республик» (1957 г.) и закон Верховного Совета СССР «Об отнесении в распоряжение союзных республик разрешения вопроса областного, краевого административно-территориального строительства» (1957 г.) позволяли местным властям самостоятельно решать ряд вопросов, на которые ранее требовалась обязательная санкция центра. Но о полной самостоятельности республик не могло быть и речи. Да и руководство их в ту пору не очень-то стремилось к этому.

Развитие демократических основ в обществе проявлялось в участии общественных организаций, широких народных масс в обсуждении проектов и местных, и общесоюзных законов. Во второй половине 50-х годов в Беларуси проводилось всенародное обсуждение вопросов перестройки управления промышленностью и строительством, развития колхозного строя и реорганизации МТС, укрепления связи школы с жизнью. Однако отличалось оно непоследовательностью, ограниченностью, волонтеристским подходом. Возьмем один конкретный факт: реорганизацию МТС. В феврале 1958 г. Пленум ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О дальнейшем развитии кол-

хозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». А с 1 по 25 марта проводится всенародное обсуждение по существу уже принятого решения. Да и выполнялось решение весьма поучительно. Согласно постановлению ЦК и Закону Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» процесс преобразования должен был быть постепенным. Отмечалось, например, что в тех районах, где не все колхозы имеют возможность выкупить технику, следует временно оставить существующую форму производственно-технического обслуживания. Однако местные партийные и хозяйственные органы в условиях господства командно-бюрократической системы привыкли выполнять приказы сверху, не задумываясь, чтобы быстрее отрапортовать. В результате к началу 1959 года реорганизация практически завершилась. В Беларуси к концу 1958 г. 84 процента колхозов приобрели у МТС 14,5 тысячи тракторов (что составляло три четверти их общего количества) и другую сельскохозяйственную технику — всего на 52 миллиона рублей. Чтобы как-то помочь экономически слабым хозяйствам, часть расходов государство взяло на себя. С колхозов списывалась задолженность прошлых лет за работы, выполненные МТС. По Беларуси это составило 5 миллионов рублей. Этих средств было явно недостаточно. И, чтобы выкупить технику, многие колхозы вынуждены были снизить оплату трудодня. Улучшение материального положения колхозников, которое едва только началось, вновь затормозилось.

Составной частью политики демократизации общественной жизни являлась и хозяйственная реформа 1957 г., заключающаяся в перестройке механизма управления промышленностью и сельским хозяйством по территориальному признаку. Ликвидировался ряд общесоюзных и союзно-республиканских министерств, а вместо них создавались территориальные органы управления — советы народного хозяйства (совнархозы). На территории Беларуси образовывался единый Белорусский экономический район, руководил которым Совнархоз БССР. Но и это начинание, как и все другие, так и не было доведено до конца. Видимо, недооценил Хрущев силу сопротивления административно-бюрократического аппарата, которому не по душе пришлось намечавшиеся перемены. Не смогли использовать в полной мере то

положительное, что предполагала реформа, и местные партийные и советские органы, которые за десятилетия господства централизованной системы не научились принимать самостоятельные решения и в полной мере отвечать за них. В 1964 г. совнархозы были ликвидированы, а прежние отношения восстановлены.

Какое значение для экономики Беларуси имела экономическая политика центра в послевоенный период?

Экономическое развитие Беларуси, как составной части некогда единого хозяйственного механизма, находилось в полной зависимости от экономической политики центра. После смерти Сталина встал вопрос о пересмотре этой политики. К тому времени стало уже совершенно ясно, что для дальнейшего развития страны в условиях мирного времени сверхцентрализованная сталинская система неприемлема. Однако осознать необходимость коренной перестройки еще не значит осуществить ее: в СССР смена курса происходила, как правило, не в соответствии с законами экономики, а скорее, вопреки им и находилась в полной зависимости от взглядов нового партийного лидера, который одерживал верх над своими политическими противниками.

После смерти Сталина формально партийно-государственным лидером ненадолго стал Г. М. Маленков. И начало преобразований в экономике страны, в том числе и в сельском хозяйстве, было положено не на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, как это традиционно подчеркивалось в советской историографии, а на состоявшейся на месяц раньше сессии Верховного Совета СССР. Выступивший на ней с речью Маленков внес предложение: не ослабляя внимания к тяжелой индустрии, в интересах более быстрого повышения материального и культурного уровня жизни народа всемерно форсировать развитие легкой промышленности. Это была совершенно новая политическая установка. Трудно сейчас судить о мотивах, которые двигали Маленковым, да и не в этом суть. Ясно одно, что новый курс в перспективе открывал возможности для внедрения методов хозяйствования, основанных на учете экономических интересов народа. Речь же Хрущева на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС лишь детализировала основные положения речи Маленкова, не меняя ее сути.

Но вскоре, став партийным лидером, Хрущев изменил свои взгляды. Приведенная ниже выдержка из его доклада на Пленуме ЦК КПСС в январе 1955 г. со всей очевидностью показывает, как смена лидера повлекла за собой и отречение от прежнего курса. «В связи с осуществляемыми за последнее время мероприятиями по увеличению производства товаров народного потребления, — сказал Хрущев, — отдельные товарищи допускают путаницу в вопросе о темпах развития тяжелой и легкой промышленности в нашей стране. Ссылаясь на неправильно понятый и по-вульгаризаторски толкуемый ими основной экономический закон социализма, такие горе-теоретики пытаются доказывать, что на каком-то этапе социалистического строительства развитие тяжелой промышленности якобы перестает быть главной задачей и что легкая промышленность может и должна опережать все другие отрасли индустрии. Это глубоко ошибочные, чуждые духу марксизма-ленинизма рассуждения. Это не что иное, как клевета на партию. Это отрывка правого уклона, отрывка враждебных ленинизму взглядов, которые в свое время проповедовали Рыков, Бухарин и иже с ними».

Пленум пошел за своим лидером. Но, признав ошибочными взгляды Маленкова на приоритетное развитие легкой промышленности, он по сути навсегда лишил Хрущева, как политика, возможности решать эту проблему. А по мере упрочения лидирующего положения Хрущева четче проявились его истинные взгляды. Являясь продуктом своей эпохи, всем другим факторам развития он предпочитал моральные. Обосновывая в 1957 г. значение не выдерживающего никакой критики лозунга «Догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения», Хрущев отмечал: «Думаю, когда мы это объявим, у каждого появится желание вступить в борьбу и каждый захочет что-то сделать, чтобы помочь своему колхозу, совхозу, району, помочь своей области, республике, в целом всей стране решить эту важную задачу, решить раз и навсегда». Но хозяйственный механизм не мог работать на энтузиазме, вопреки законам экономики.

Безрезультатной оказалась также попытка осуществить перестройку управления промышленностью и строительством по территориальному признаку. Новые органы управления — совнархозы — по-прежнему находились в зависимости от центра и не могли поддержать даже прежний уровень экономического развития. Вскоре ре-

шение о создании совнархозов было признано ошибочным, и их упразднили. Все возвратилось на круги своя.

Попытки осуществить перестройку хозяйственного механизма предпринимались и во второй половине 60-х годов. И, хотя многие экономисты утверждают, что по достигнутым результатам восьмая пятилетка не имеет себе равных, коренных изменений не произошло и тогда. В дальнейшем дела пошли еще хуже. Новое руководство твердо придерживалось союза с партийной бюрократией, многочисленные решения и постановления по-прежнему оставались на бумаге. Тем не менее, по традиции, очередной коммунистический форум, подводя итоги очередной пятилетки, прославлял экономическую дальновидность партийных лидеров и правильность их курса. Так, анализируя итоги развития страны в 70-е годы, XXIV съезд КПСС констатировал: «Итоги развития народного хозяйства убедительно подтверждают правильность экономической стратегии партии. Страна существенно продвинулась вперед на всех направлениях создания материально-технической базы коммунизма. Качество нового уровня достигли производительные силы советского общества. Вглубь и вширь развивается научно-техническая революция, меняя облик многих производств и целых отраслей». И это было сказано в условиях резкого замедления темпов экономического развития страны, очевидности провала курса на интенсификацию промышленного производства. Да и о какой интенсификации можно было говорить, если в результате «правильности экономической стратегии партии» народное хозяйство страны медленно, но верно сползало к экономическому кризису. В Беларуси, как и в стране, среднегодовые темпы роста производительности труда, национального дохода, реальных доходов населения постоянно снижались. Да и прирост по-прежнему достигался за счет введения новых предприятий — экстенсивным путем. Дела шли все хуже, а политической трескотни становилось все больше. XXV съезд КПСС объявил десятую пятилетку пятилеткой качества. По традиции появилось множество починов в поддержку этого начинания. В Беларуси распространились инициатива москвичей «Пятилетке качества — рабочую гарантию», ленинградцев — «От высокого качества работы каждого — к высокой эффективности работы коллектива». Данные официальной статистики гласили: качество продукции неизменно улучшалось. На самом же деле резкого скачка

в повышении качества продукции не произошло ни в десятой пятилетке, ни позже. Традиционная ставка коммунистического руководства на инициативу народа вновь провалилась. К 1985 г. СССР подошел с нежизнеспособной, больной экономикой. Но в ту пору немногие еще осознавали всю тяжесть этой болезни и необходимость глубоко продуманных мер по ее обязательному лечению.

*Участвовала ли молодежь Беларуси
в освоении целинных земель?*

В марте 1954 г. делегаты XVIII съезда белорусского комсомола проводили первый отряд своих посланцев на освоение целинных земель. А всего в 1954—1960 гг. на уборку целинного урожая выезжало свыше 60 тысяч белорусских юношей и девушек, которые образовали 24 совхоза. Статистика не располагает данными о том, сколько из них осталось и что они дали государству за эти целинные годы.

Сейчас, когда идет переоценка исторических ценностей, видимо, есть необходимость внимательней прочесть и целинную страницу нашей истории. И не для того, конечно, чтобы принизить трудовой энтузиазм тысяч честных людей. На целине они, представители разных национальностей, проявили прекрасные человеческие качества: трудолюбие, сплоченность, мужество, способность и готовность к самопожертвованию. Но только ради чего все это делалось? Ведь идея освоения целины, как и многие другие, проводилась в жизнь спонтанно, без необходимой проработки и желаемых результатов не принесла. Поэтому лишения и даже жертвы вновь оказались напрасными.

Первоначально руководство КПСС за счет освоения целинных и залежных земель предполагало увеличить посевы под зерновые на 13 миллионов гектаров. Позже они выросли до 30 миллионов гектаров. Было ли государство, не окрепшее еще после войны, готово к подобной акции? Скорее всего, нет. На начало 50-х годов удельный вес капиталовложений в сельское хозяйство составлял всего 18 процентов. Разумеется, их следовало увеличить. Но на целине ли? Ведь во многих регионах страны, в том числе и в Беларуси, посевные площади еще не достигли довоенного уровня, валовой сбор зерна был ниже, чем в 1940 г. И это несмотря на изнурительный труд крестьян в послевоенные годы.

Похоже, с самого начала правда о целинной эпопее не удовлетворяла и не могла удовлетворить ее инициаторов.

За «успешное» руководство в организации подъема и освоения целинных земель К. Е. Ворошилов вручил Н. С. Хрущеву орден Ленина и вторую золотую медаль Героя Социалистического Труда. А страна с 1963 г. начала закупать хлеб в Канаде и других развитых государствах. С целинных же земель началось массовое бегство. Десятки поселков на освоенной уже алтайской земле обезлюдели. С годами о целинной эпопее люди вспоминали все реже, даже те, кто сам участвовал в освоении целинных и залежных земель. Так приглушалась, уходила в прошлое боль очередных бессмысленных потерь, вызванных недалевидной политикой правящей партии.

Чем закончился курс на «развернутое строительство коммунизма»?

Хотя шестой пятилетний план был рассчитан на 1956—1960 гг., уже в январе 1959 г. внеочередной XXI съезд КПСС утвердил контрольные цифры на семилетку (1959—1965 гг.) и принял ряд других, на первый взгляд, кардинальных решений. Чем же это было вызвано?

Во второй половине 50-х годов советская наука достигла определенных успехов: был запущен в космос первый искусственный спутник Земли, отправился бороздить океанские просторы первый атомный ледокол, совершенствовалась атомная энергетика, что свидетельствовало о прогрессе в области электроники, вычислительной техники, приборостроения и многих других отраслей науки и техники. Развивались промышленность и сельское хозяйство. Много внимания уделялось также высшим и средним специальным учебным заведениям. В Беларуси, например, к началу 1958/59 учебного года насчитывалось 25 высших и более 100 средних специальных учебных заведений, в которых занималось свыше 112 тысяч человек — почти в два раза больше, чем до войны. По уровню развития высшего образования республика значительно опережала многие развитые страны. В 1958 г. на 10 тысяч населения в ней приходилось 69 студентов, во Франции — 39, Бельгии — 35, Италии — 31, ФРГ — 29.

Достигнутое, похоже, вызвало головокружение в руководящем эшелоне власти и породило ложное представ-

ление о том, что и в дальнейшем высокие темпы социально-экономического развития страны гарантированы. Вспомним ранее широко известный, затем старательно забытый лозунг «На протяжении нескольких лет догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения». Нереальность этого лозунга была очевидной для специалистов и в те годы: несмотря на некоторое улучшение положения дел в сельском хозяйстве животноводство в СССР по-прежнему оставалось убыточной отраслью. Развитие его сдерживали недостаточная кормовая база, низкий уровень механизации, высокая себестоимость продукции. И хотя лозунг не нашел поддержки у большинства членов Президиума ЦК, Хрущев настоял на его пропаганде. На XXI съезде КПСС он подчеркнул, что теперь задача заключается в том, чтобы добиться преимущества социалистической системы над капиталистической в мировом производстве, перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производительности общественного труда, производству продукции на душу населения и обеспечить тем самым самый высокий в мире жизненный уровень. А достигнуть этого, по Хрущеву, можно было за счет роста энтузиазма народа и улучшения идейно-воспитательной работы.

На съезде было сказано о том, что страна вступила в период развернутого строительства коммунизма. Тезис этот впоследствии вошел в Программу КПСС, принятую в 1961 г. Более того, в ней определялись конкретные сроки решения конкретных задач в области коммунистического строительства. За первое десятилетие после принятия программы предполагалось создать материально-техническую базу коммунизма, перегнать по производству продукции на душу населения наиболее развитое государство — США. За второе десятилетие планировалось ввести в действие мощную материально-техническую базу коммунизма, которая гарантировала бы достаток материальных и культурных благ всем жителям страны.

Авантюризм этих замыслов проявился довольно скоро. Семилетний план был провален, и со временем слово «семилетка» в официальных документах перестало упоминаться.

Каким было материальное положение белорусского народа в послевоенный период?

За первое послевоенное пятилетие материальное положение белорусского народа несколько улучшилось. По сравнению с 1940 г. заработная плата увеличилась на 87 процентов. За это время произошло трехкратное снижение цен. Правда, с учетом того, что в годы войны и позже цены возросли более чем в 3 раза, они оставались выше довоенных. А некоторое улучшение снабжения продовольственными и промышленными товарами позволило в 1947 г. отменить в стране карточную систему. Тем не менее намеченная пятилетним планом основная задача — восстановить довоенный уровень жизни и превзойти его — в Беларуси не была решена.

Особенно нищенствовала белорусская деревня. Потеряв за годы войны значительную часть своей собственности, крестьяне практически ничего не получали на колхозные трудовые, а в случаях потери трудоспособности государство их не поддерживало.

Временное оздоровление колхозной экономики, наметившееся после сентября 1953 г., позволило улучшить и материальное положение крестьян. За пять лет денежные доходы колхозов увеличились почти в четыре раза, а оплата труда колхозников — более чем в два раза. Ряд партийных и правительственных постановлений 1955—1956 гг. позволил колхозам самостоятельно решать отдельные проблемы. Многие из них внесли в устав дополнения о материальном обеспечении нетрудоспособных. Но права колхозников на материальное обеспечение по старости по-прежнему оставались куцыми, да и гарантий на такое обеспечение практически не существовало.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов в жизни советских людей наметились перемены к лучшему, хотя многие планы и решения КПСС так и не воплотились в практику.

Но и те небольшие сдвиги, достигнутые в области социальной политики в 50—60-е годы, в дальнейшем утратили свою значимость. Застойные явления, свойственные советской экономике 70—80-х годов, перекос в сторону технократических подходов привели к застою и в социальной сфере, к низкому жизненному уровню народа.

После 1985 г. эта проблема еще больше обо-

стрилась. В результате уровень жизни белорусского народа в начале 90-х годов просто нельзя даже сопоставить с уровнем жизни народа любой из развитых стран.

*Оказало ли влияние разоблачение
культы личности на развитие
белорусской литературы?*

Правда, дошедшая до людей о сталинщине, попытки демократизировать общественную жизнь помогли белорусским писателям идейно раскрепоститься, укрепили их гражданское мужество. На волне «хрущевской оттепели» появилось немало ярких, интересных книг, утверждающих веру в лучшее будущее. Это — произведения М. Танка, А. Кулешова, позже — Н. Гилевича, Р. Бородулина, Г. Буравкина.

Среди тех, кто вернулся из сталинских лагерей, были и белорусские писатели. Возвращались выжившие. И молчать они не могли: в своих произведениях стремились рассказать правду о жизни в неволе, о своих товарищах, незаконно репрессированных в годы культа личности. Но говорилось не вся правда. Отход от идей XX съезда, намечившийся в руководящем эшелоне КПСС, сказался и на литературе. Находились в литературной среде и такие, кто был готов обвинить своих товарищей по перу, правдиво отображающих действительность, в идеологической незрелости, стремлении очернить «светлую социалистическую явь».

В 1958 г. в печати появилась повесть А. Кулаковского «Дабрасельцы». Впервые в белорусской послевоенной прозе сказали правду о жизни колхозного села. Но не всем она пришлась по душе. Повесть не вписывалась в официальное направление положительного изображения строителя коммунизма. Потому и была осуждена и общественностью, и собратьями по перу.

Когда В. Быков одним из первых в литературе стал по-новому осмысливать события Великой Отечественной войны, останавливаясь на тех негативных моментах, о которых не принято было говорить, его тут же начали упрекать в том, что он не прославляет «высокий подвиг», обвинили в отсутствии патриотизма.

Курс на создание литературных произведений с положительным героем укреплялся. И это естественно: литература является своеобразным зеркалом общества. Стремление к лакировке действительности преобладало

и в прозе, и в поэзии, и в публицистике. Восхвалялись в основном те произведения, которые изображали положительного героя. Те же, что раскрывали правду, приходилось не ко двору. И нередко авторы, в угоду властям, хорошенько «приглаживали» свои работы. Так, в начале 70-х годов закончил поэму «Як нараджаўся Новы свет» М. Лужанин. Трудной оказалась судьба писателя. Еще в 30-е годы его творчество называли кулацким, мелкобуржуазным, упадническим. Он был репрессирован. В конце 50-х годов, освободившись, Лужанин начинает писать поэму, направленную против культа личности. Но автор понимал, что обстоятельства изменились, отношение к Сталину стало лояльнее. Даже о его «заслугах» перед советским народом заговорили. И поэтому напечатать поэму в том виде, в каком она была написана, не удалось. Два года работа рецензировалась, редактировалась и, наконец, увидела свет. Но целые разделы в ней исчезли. И только в 1989 г. поэма была опубликована полностью. К этому времени многое изменилось и в обществе, и в сознании людей: писатели находились теперь в первых рядах за духовное очищение и возрождение человека. Их произведения — запоминающиеся уроки исторической правды.

А старая боль по-прежнему беспокоит — боль по праву памяти. Поэтому и появились в стихотворении С. Граховского «Шчыры адказ» такие строки:

Загоіліся раны на плячах,
Але душа галосіць па начах,
Баліць душа, калі бяссільных б'юць,
І ні стагнаць, ні плакаць не даюць.
Даўно рубец на целе не баліць,
А вось душу ніяк не загаіць.

В последнее время много сказано о необходимости преодолеть национальный нигилизм, возродить родной язык и культуру. Есть в книге П. Панченко «Горкі жолуд» стихотворение «Беларуская мова». И мягкая тональность поэтической речи сменяется вдруг тревогой и горечью:

Я спяваў пра жыта і пра жаўранкаў,
Ненавідзеў акупантаў і прыгнёт,
А сягоння — вялікадзяржаўнікаў,
Што разбэсцілі вялікі мой народ.
Навучылі не рабіць —
Хлусіць і красці.
Дзеці ў школы з іншай моваю бягуць.
Я хацеў, нашчадкі, вас праклясці,
Ды люблю сваю зямлю... і не магу.

НА ПУТЯХ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

---

*Когда была принята декларация
о государственном суверенитете Беларуси?*

Начатый в 1985 г. процесс реформ общественно-политической жизни в СССР привел к его распаду. На месте бывшего унитарного государства образовалось 15 самостоятельных суверенных государств. 27 июля 1990 г. была принята Декларация Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете. Следующим шагом на пути становления белорусской нации как государственной стало придание этой Декларации 27 августа 1991 г. статуса закона и переименование БССР в Республику Беларусь 19 сентября 1991 г.

Государственный суверенитет республики требует всемерного укрепления. Незнание белорусами своей истории, их национальный нигилизм — следствие идеологической обработки нескольких поколений — такова сегодняшняя горькая реальность. Наряду с физическим уничтожением белорусов (за последние четыре столетия Беларусь потеряла в войнах, которые велись на ее территории, около 15 миллионов человек) шло их духовное растрепывание, приведшее к забвению родного языка и культуры. Усложняют обстановку экономические трудности современного переходного периода.

Учитывая нелегкий исторический путь, пройденный Республикой Беларусь, хочется верить, что ее ожидает достойное будущее в мировом сообществе демократических государств.

*Какие государства признали
независимость Республики Беларусь?*

По данным на 1 января 1993 года, Республику Беларусь признали 108 государств. Процесс признания Беларуси как суверенного государства начался 16 декабря 1991 года. С заявлениями о признании Республики Беларусь выступили: Республика Турция, Монгольская Народная Республика, Румыния, Королевство Швеция, Республика Болгария, Швейцарская Конфедерация, Чешская и Словацкая Федеративная Республика, Королевство Норвегия, Государство Израиль, Исламская Респуб-

лика Иран, Канада, Австралия, Федеративная Республика Бразилия, Арабская Республика Египет, Республика Индия, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Куба, Республика Перу, США, Королевство Таиланд, Тунисская Республика, Венгерская Республика, Уругвай, Алжирская Народная Демократическая Республика, Социалистическая Республика Вьетнам, Китайская Народная Республика, Республика Польша, Республика Словения, Республика Сьерра-Леоне, Итальянская Республика, Республика Афганистан, Хошимийское Королевство Иордания, Султанат Оман, Республика Индонезия, Япония, Сирийская Арабская Республика, Народная Республика Бангладеш, Республика Ливан, Республика Корея, ЮАР, Королевство Бельгия, Королевство Дания, Королевство Нидерландов, Королевство Марокко, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Федеративная Республика Германия, Исламская Республика Пакистан, Ирландия, Иракская Республика, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Королевство Непал, Республика Сингапур, Эфиопия, Республика Эквадор, Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, Французская Республика, Республика Албания, Ямайка, Республика Бурунди, Португальская Республика, Финляндская Республика, Республика Гвинея, Австрийская Республика, Республика Венесуэла, Мексиканские Соединенные Штаты, Республика Кабо-Верде, Республика Экваториальная Гвинея, Республика Исландия, Республика Филиппины, Мали.

К началу 1993 г. дипломатические отношения были установлены с 68 государствами. С помощью обмена нотами между министрами иностранных дел — с Украиной, Мексикой, Японией, Египтом, Южной Кореей, Бразилией, Швейцарией, Лихтенштейном; подписания соглашений — со Швецией, КНР, МНР, ЧСФСР, Финляндией; протоколов — с СРВ, Францией, Португалией, Норвегией, Австрией, Венгрией, Румынией; совместных коммюнике — с КНДР и Испанией. 4 марта 1992 г. соглашение и консульскую конвенцию об установлении дипломатических отношений подписали министры иностранных дел Республики Польша и Республики Беларусь.

К началу марта 1992 г. в Минске были открыты посольство США и три генеральных консульства — Польши, Болгарии, ФРГ.

Суверенное государство Республика Беларусь демонстрирует свое желание жить в мире и согласии со своими соседями. 26 февраля 1992 г. глава белорусского парламента С. Шушкевич от имени Республики Беларусь подписал Хельсинкский заключительный акт. Отныне Беларусь — полноправный участник Хельсинкского процесса и несет равную с другими европейскими государствами ответственность за обеспечение безопасности на континенте и развитие сотрудничества между странами европейского региона.

Какие изменения в политической системе Беларуси произошли в последнее время?

Объявленная КПСС политическая реформа осуществлялась методом проб и ошибок. Теоретически все выглядело привлекательно: апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, а затем и XXVII съезд Коммунистической партии, состоявшийся в феврале — марте 1986 г., провозгласили революционное обновление социализма, коренную перестройку советского общества. Но вряд ли кто из партийных лидеров в то время мог предположить, к каким последствиям это приведет.

Важнейшим результатом политической реформы в республиках бывшего СССР стало возвращение к многопартийности. И хотя в Беларуси политическая активность населения оказалась ниже, чем в других регионах, процесс образования многопартийной системы развивался и здесь. А начался он с создания политизированных самостоятельных формирований молодежи, названных затем неформальными.

19 октября 1988 г. был образован организационный комитет Белорусского народного фронта (БНФ) «Адраджэньне». В связи с тем, что партийно-государственные структуры Беларуси отнеслись к этому резко отрицательно, учредительный съезд БНФ состоялся 24—25 июня 1989 г. в Вильнюсе. Съезд принял программу и устав. Программной целью БНФ объявлялись организация широкой народной поддержки «начатых лучшими силами КПСС радикальных перемен во всех сферах общественной жизни», возрождение и дальнейшее развитие белорусской национальной культуры, принятие закона о государственности белорусского языка. Однако вскоре цели и задачи БНФ изменились. На втором его съезде в марте

1991 г. были приняты новый устав и программное заявление «Свабода — незалежнасць — адраджэньне». В заявлении отмечалось, что политика перестройки провалилась, ограничившись попытками косметического ремонта отжившей системы. Внесенные в устав изменения свидетельствовали, что БНФ, начав свою деятельность как общественно-политическое движение, приобретал черты политической партии.

В конце 1989 — начале 1990 г. в Беларуси возникло несколько небольших партий со сходными политическими программами. В октябре 1990 г. они слились в Объединенную демократическую партию Беларуси (ОДПБ), которая своей программной целью провозгласила построение в республике демократического общества с приоритетом общечеловеческих ценностей над классовыми, обеспечение плюрализма во всех сферах общественной жизни.

В марте 1990 г. учредительная конференция Социал-демократической партии Беларуси (СДПБ) своей главной задачей объявила преодоление монополии экономической и политической власти, сосредоточенной в руках партийно-государственного аппарата, переход к парламентской системе европейского типа.

В июне 1990 г. в Минске учредительная конференция Национально-демократической партии Беларуси (НДПБ) провозгласила своей главной задачей возрождение исторической памяти, языка и культуры белорусского народа.

С конца 1990 г. оживилась деятельность сторонников возрождения Белорусской социал-демократической громады (БСДГ). Состоявшийся в марте 1991 г. учредительный съезд зафиксировал возникновение политической организации парламентского типа, оппозиционной КПБ, и провозгласил своей целью радикальные социально-экономические и государственно-политические преобразования в Беларуси. В июне 1991 г. в Верховном Совете республики начала действовать депутатская группа (фракция) сторонников БСДГ.

Для защиты интересов белорусского крестьянства создана Белорусская крестьянская партия (БКП), учредительный съезд которой в марте 1991 г. потребовал проведения земельной реформы на основе приватизации земли, постепенной ликвидации колхозно-совхозной системы.

Появились на политической сцене Беларуси и партии, ориентирующиеся на верующих. Образованная в июне

1990 г. Белорусская католическая громада (БКГ) своими основными задачами считает издание богословской литературы на белорусском языке, реабилитацию католических священников, подвергавшихся гонениям со стороны официальных властей. В июне 1991 г. в Минске состоялся учредительный съезд белорусской «Хрысціянска-дэмакратычнай злучнасці» (ХДЗ) — общественно-политической организации, опирающейся в своей деятельности на мировоззрение, заложенное в Евангелии.

Произошли изменения и в профессиональном движении. В октябре 1990 г. XIX съезд профессиональных союзов страны объявил о ликвидации ВЦСПС. Вместо него была сформирована Всеобщая конфедерация профсоюзов. В октябре 1990 г. состоялся первый съезд Федерации профсоюзов Беларуси. Одновременно на местах начали создаваться независимые профсоюзы, в октябре 1991 г. объединившиеся в соответствующую ассоциацию.

Экономические трудности, вызванные медленным развитием экономических реформ в республике, вынудили рабочих с целью защиты своих прав и интересов объединиться в 1989 г. в рабочий союз Беларуси. Для координации деятельности забастовочных комитетов создан общественный совет.

Интересы поляков, проживающих на территории Беларуси, защищает национально-территориальная, независимая и самостоятельная организация Союз поляков в Беларуси.

Практически все новые партии и объединения республики выступили против монополизма КПБ, за департизацию государственных предприятий и организаций. Однако этот вопрос, вынесенный в июне 1991 г. на обсуждение сессии Верховного Совета, большинство народных депутатов республики не поддержало. И только провал в СССР правого путча в августе 1991 г. вынудил Верховный Совет Беларуси принять соответствующее решение о запрещении деятельности всех структур КПБ. Так с политической арены сошла партия, долгие годы безраздельно господствовавшая во всех сферах жизни белорусского народа. На ее обломках воссоздается Партия коммунистов Беларуси. Объединить усилия всех политических партий и движений в республике считает своей задачей Партия народного согласия.

*Когда был принят закон
«Аб мовах Беларускай ССР»?*

Такой закон принят 26 января 1990 г. Согласно ему с 1 сентября 1990 г. государственным языком Беларуси признавался язык коренной национальности — белорусский.

Конечно, потребуется немало времени, чтобы закон действительно стал законом. И это понятно: вопрос о приоритете белорусского языка не только не решался, но десятилетиями даже и не обсуждался, как будто его не существовало вовсе. Проповедуемый КПСС курс на слияние наций привел в Беларуси к полному вытеснению родного языка из всех государственных учреждений, в том числе даже из тех, которые «курировали» культуру и народное образование. В 50-е годы в республике принимается закон о добровольном выборе языка обучения в школах. Белорусский язык стал единственным школьным предметом, изучение которого зависело от желания учеников и их родителей. В результате в 70-е годы девять из десяти школьников белорусской столицы не изучали родной язык. К концу 80-х годов в Беларуси доля учащихся, которые занимались в школах с белорусским языком обучения, составляла менее 21 процента, в школах с русским — 78 процентов, остальные обучались в школах с двумя языками. При этом белорусскими были в основном сельские школы и количество их с каждым годом сокращалось.

Отречение от родного языка — не единственное, что сформировало национальный нигилизм белорусов. Современная молодежь не знает не только родной язык, но и историю своего народа, его традиции и обычаи. В 1989 г. социологи Белорусского государственного университета предложили студентам назвать важнейшие, на их взгляд, события в истории своего народа. Более трети опрошенных не сказали ничего вразумительного. Да и знания остальных отличались скудостью: лишь 12 событий в истории родного народа смогли вспомнить будущие представители национальной интеллигенции, белорусы по происхождению. Но каких! Образование БССР, XXVII съезд КПСС, апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, XIX Всесоюзную партийную конференцию. И только два события в досоветском прошлом родной земли заслуживали, с их точки зрения, памяти — включение белорусских земель в Великое княжество Лито-

вское и... татаро-монгольское нашествие. А ведь в других бывших республиках бывшего Советского Союза ситуация иная. В России, например, студенты, участвующие в подобном опросе, смогли назвать более восьмидесяти событий, в Армении — свыше сорока.

Сколько миллионов населения в Беларуси?

По данным переписи 1989 г., в Беларуси проживало 10 200 тысяч человек. 65 процентов из них составляли городские жители, 35 — сельские.

Только к началу 70-х годов население Беларуси достигло довоенного уровня. На протяжении всего советского периода истории республики количество сельских жителей постоянно сокращалось.

Белорусы — стареющая нация. Если в конце 70-х годов молодежь в возрасте от 16 до 29 лет составляла примерно 24 процента, то к концу 80-х — только 22 процента всех жителей. В 1989 г. на тысячу трудоспособных в республике приходилось 328 пенсионеров, а в 1980 г. — только 290.

В Беларуси живут и трудятся представители более 80 национальностей. Согласно переписи 1989 г., основную массу населения — 77,5 процента — составляют белорусы, 13 — русские, 4 — поляки, 2,8 — украинцы и один процент — евреи.

По данным 1987 г., удельный вес коренного населения наиболее высокий в сельском хозяйстве, самый низкий — в науке.

Являлась ли Беларусь одной из учредительниц Организации Объединенных Наций?

Составленный на пяти языках — английском, французском, испанском, китайском и русском — Устав Организации Объединенных Наций был подписан 25 июня 1945 г. Под документом стоят подписи членов делегаций, в том числе и Беларуси как самостоятельного члена ООН. Представители Польши подписали Устав позже, 15 октября 1945 г.

От имени правительства Белорусской ССР подписали Устав К. В. Киселев (руководитель делегации), Г. И. Байдаков, А. Р. Жебрак, В. Н. Перцев, А. П. Шмыгов.

В качестве представителя прессы на церемонии подписания присутствовал белорусский писатель М. Лыньков.

30 августа 1945 г. Устав ООН был ратифицирован Президиумом Верховного Совета БССР.

Когда было образовано Содружество Независимых Государств?

Содружество Независимых Государств (СНГ) родилось на белорусской земле: 8 декабря 1991 г. руководители трех славянских государств — Беларуси, России и Украины — подписали соответствующее соглашение. Позже, в Алма-Ате, свои подписи под ним поставили представители еще восьми государств — бывших союзных республик.

У общественности бывшего Советского Союза образование содружества вызвало неоднородную реакцию. СНГ еще предстоит доказать жизнеспособность и жизнестойкость. К тому же сам факт возникновения такого союза следует рассматривать не как волю и желание политиков, а как жесткую экономическую необходимость переходного периода. Анализ экономической политики Советского государства за все время его существования свидетельствует о том, что сложившиеся экономические структуры бывших союзных республик, ориентированные на общесоюзный рынок, не позволяют сразу обрубить все связи и начать самостоятельную экономическую жизнь. В последние годы, когда СССР стремительно приближался к распаду, в его республиках разгорелся спор: «Кто кого в Союзе кормит?» И каждая республика считала, что она отдает больше, чем получает. По данным социологического опроса, проведенного в конце 80-х годов, примерно 62 процента башкир, 37 — якутов, 48 — литовцев, 42 — туркмен и 38 процентов грузин считали, что их республики дают другим больше, чем сами получают от других. Не стала исключением и Беларусь: от 40 до 60 процентов жителей Минской области и Минска были уверены, что Беларусь и «обирают», и «обижают».

Между тем подобные заявления должны основываться только на точных экономических выкладках. Вот статистические данные о роли Беларуси в общесоюзном разделении труда на начало 1991 г. — последнего года существования СССР. На долю республики в общесоюзном производстве приходилось более 20 процентов тракторов, 32 — кормоуборочных комбайнов, около 19 — минеральных удобрений, 30 — химических волокон и ни-

тей, 10—15 — радиоустройств, холодильников, велосипедов, 6—7 — мяса и молока, более 20 — льноволокна, 15 процентов — картофеля. Почти половина произведенной продукции вывозилась за пределы республики, в том числе: 75 процентов продукции химической и нефтехимической, 66 — машиностроения, 35 — легкой, 20 процентов пищевой промышленности.

Вместе с тем республика полностью ввозила природный газ, каменный уголь, стальные трубы, локомотивы, легковые автомобили, автобусы, прокат черных металлов, хлопок, практически всю нефть и шерсть. Экстенсивный путь развития экономики не давал возможности заботиться о ее интенсификации.

И все же в Беловежской пуше произошло то, что до того дня казалось невероятным и невозможным — Союз перестал существовать, и Беларусь де-факто стала независимой. И наш народ, который знает цену свободе, уже за одно это должен быть благодарен дню 8 декабря.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	3
Первобытнообщинный строй. Ранний феодализм	5
Развитое феодальное общество	9
Возникновение и становление капитализма	50
Крах коммунистического эксперимента	78
На путях к демократическому обществу	199

Масва-палітычнае выданне

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ: ПЫТАННІ І АДКАЗЫ

Складальнікі Галенчанка Георгій Якаўлевіч,
Асмалоўскі Уладзімір Пятровіч

Мінск, выдавецтва «Беларусь»
На рускай мове

Масово-політычнае выданне

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Составители Голенченко Георгий Яковлевич,
Осмоловский Владимир Петрович

Редакторы И. М. Акшевский, В. Т. Вольский

Художественный редактор Б. Е. Ярота

Технический редактор Я. С. Шляшинская

Корректоры Л. И. Коротких, Л. Г. Кузьмина, Л. П. Житковец

Сдано в набор 09.07.92. Подп. в печ. 14.05.93. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарнитура тип Таймс. Высокая печать с ФПФ.
Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,24. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж
50 000 экз. Зак. 2235.

Ордена Дружбы народов издательство «Беларусь» Министерства
информации Республики Беларусь. 220600, Минск, проспект Ма-
шерава, 11.

Лицензия ЛВ № 2.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.